

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 17 № 3 (2020)

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио

Главный редактор

Бахтикireева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Каназараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедько Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Судейменова Элеонора Джусеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Полилингвистическая и транскультурные практики»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 16.09.2020. Выход в свет 30.09.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 11,93. Тираж 500 экз. Заказ № 622. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 17 No. 3 (2020)

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, USA

Prof. Dr. Venera Amineva — Kazan Federal University, Kazan, Russia

Prof. Dr. Eleonora Suleimenova — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index (RSCI), by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, DOAJ, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board Journal "Polylinguality and Transcultural Practices":

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES

«Теплое дыхание личности».....	304
Красина Е.А., Рахимжанов К.Х., Акошева М.К. Транслингвальная личность ученого-исследователя: к 60-летию профессора Зифы Какбаевны Темиргазиной / Krasina E.A., Rakhimzhanov K.H., Akosheva M.K. Translingual Personality of a Scholar and Researcher: the 60th Anniversary of Prof. Zifa Kakbayevna Temirgazina.....	306

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

Арзамазов А.А. Долганское приглашение в тундру: художественный мир Огдо Аксёновой / Arzamazov A.A. Dolgan Invitation to the Tundra: the Artistic World of Ogdo Aksenova.....	321
Shcherbak N.F. Post-Colonial “Writing Back” / Щербак Н.Ф. «Ответное слово» постколониальной литературы.....	334
Ананьева С.В. Концепт «память» и национальный образ мира в творчестве Александра Кана / Ananyeva S.V. Concept of Memory and National Image of the World in Literary Texts of Alexander Kahn.....	343
Валикова О.А., Демченко А.С. Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия / Valikova O.A., Demchenko A.S. Translingual Literary Text: on Problem of Understanding.....	352
Хабидуллина А.З. Элегия и элегический модус художественности в поэзии Роб. Ахметзянова и А. Кушнера / Khabibullina A.Z. Elegy and Elegy Mode of Artistry in the Poetry of Rob. Akhmetzyanov and I.A. Kushner.....	363

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА / THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Хидирова Г.Н. Синтаксические трансформации в русских переводах романа А. Кадыри «Минувшие дни» / Khidirova G.N. Syntactic Transformations in Russian Translations of A. Kadiri’s Novel “Past Days”.....	375
---	-----

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ / LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Косенко В.С. Креолизованный текст как полилингвальный феномен / Kosenko V.S. Creolized Text as a Polylingual Phenomenon.....	385
--	-----

АРСЕНАЛ / ARSENAL

Владимирова Т.Е. Полилингвальное интернет-пространство и обучение иностранных студентов русскому языку в высшей школе / Vladimirova T.E. Multilingual Internet Space and Teaching Foreign Students the Russian language in Higher Education.....	397
Дианова Л.П. Влияние смены графики на образование учащихся / Dianova L.P. Considering the Impact of Changing Alphabet on Education.....	404

ИНТЕРВЬЮ / INTERVIEW

Тлостанова М.В., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. «За бортом»: интервью с Мадинай Тлостановой / Tlostanova M.V., Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A. “Overboard”: Interview with Madina Tlostanova.....	415
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPLICATION

Тлостанова М.В. Какомишли и леди Азема (глава из романа “Flotsam and Jetsam”) / Tlostanova M.V. Kakomicli and Lady Azyoma (Flotsam and Jetsam Novel’s Chapter).....	422
---	-----

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-304-305

«Теплое дыхание личности»

Зифа Какбаевна Темиргазина — авторитетный казахстанский ученый-русист, широко известный за пределами своей страны. Ее вклад в теорию и практику категории оценки, семантического синтаксиса, речевой коммуникации, лингвистической аксиологии, прагматики, полиязычного образования поистине огромен и неоценим.

Научные труды Зифы Какбаевны отличаются чрезвычайной актуальностью, рациональностью, направленностью на поиск достоверного знания. Разработанные ею методы исследования широко применяются в науке. Ее идеи обогатили научный дискурс и сравнительно-сопоставительного языкознания.

Ученики Зифы Какбаевны защищают свои диссертационные исследования в ведущих вузах Казахстана и России (Екатеринбург, Омск и др.).

Зифа Какбаевна подготовила более двадцати кандидатов и докторов наук, десятки магистров. Высокая требовательность к собственным научным исследованиям и работам своих учеников проявляется в их диссертациях, монографиях, учебниках, в которых при всем желании невозможно обнаружить даже технической оплошности. Перефразируя известное высказывание Гуго Шухардта, можно сказать, что ученому Зифе Какбаевне Темиргазиной присущ «холодный панцирь научной объективности», что порой переносится на нее как на человека. Зифа Какбаевна Темиргазина — человек жесткий и бескомпромиссный, если дело касается научных исследований. Однако знание трудов ученого, длительное на-

учное сотрудничество позволяет нам ощущать, «как нечто благодетельное, когда из-под холодного панциря объективности ... веет теплым дыханием личности...».

Научные работы Зифы Какбаевны и ее последователей как тексты занимают особое место в гипертексте «языкознание» и гипертексте «казахстанская наука». Знакомство с рождающимися новыми смыслами темиргазинскими текстами «зовет в путь», повышает у нас, ее коллег, требовательность к своей научной работе, работам наших учеников.

Нам хотелось бы тепло поблагодарить Зифу Какбаевну за возможность личного человеческого общения на научных мероприятиях, в процессе работы над совместными проектами и выразить надежду на дальнейшее сотрудничество.

Дорогая Зифа Какбаевна, с юбилеем! Примите самые искренние слова нашей признательности за научные встречи, научную поддержку, за радость общения! Желаем Вам доброго здоровья и счастья бытия!

С глубоким уважением и сердечной благодарностью,
от имени ваших коллег из Российского университета дружбы народов
зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации РУДН,
д.ф.н., профессор *В.П. Синячкин*,
зав. кафедрой общего и русского языкознания РУДН,
д.ф.н., профессор *В.Н. Денисенко*

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-306-320

Научная статья

Транслингвальная личность ученого-исследователя: к 60-летию профессора Зифы Какбаевны Темиргазиной

Е.А. Красина

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

К.Х. Рахимжанов, М.К. Акишева

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина
Казахстан, 010000, Нур-Султан (Астана), просп. Женис, 62

Рассматривается профессиональная транслингвальная личность ученого, реализующаяся и развивающаяся в профессии языковеда-исследователя. Краткий анализ научной деятельности З.К. Темиргазиной, обзор основных трудов ученого, наконец, научная школа, созданная ею, свидетельствуют об объективной, активной и многосторонней научной работе в направлении от монолингвальности до подлинной транслингвальности, проявляющейся и в теоретическом, и в практическом планах. Очевидно, что в профессиональной деятельности транслингв-языковед способен глубже осознать и реализовать свою творческую сущность, избирая объектом научного исследования различные языки, входящие в его транслингвистическую компетенцию. Одновременно описывается инновационный теоретический вклад проф. З.К. Темиргазиной в изучение категории оценки, семантического синтаксиса, теории речевой коммуникации; освещаются результаты в области исследования гендерных аспектов языка; показана ее ведущая роль в формировании лингвоаксиологической научной школы в Казахстане на протяжении двух десятилетий. Кроме теоретических проблем, ученый занимается и прикладными задачами языкознания, в частности, внедрением полиязычного образования в средних школах Казахстана, развитием функциональной грамотности учащихся средствами русского языка.

Ключевые слова: лингвоаксиология, гендерная лингвистика, научная школа, профессиональная транслингвальная личность, транслингвальная практика, полиязычное образование

© Красина Е.А., Рахимжанов К.Х., Акишева М.К., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.05.2020

Дата принятия к печати: 29.06.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Красина Е.А., Рахимжанов К.Х., Акошева М.К. Транслингвальная личность ученого-исследователя: к 60-летию профессора Зифы Какбаевны Темиргазиной // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 306—320. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-306-320

Research Article

Translingual Personality of a Scholar and Researcher: the 60th Anniversary of Prof. Zifa Kakbayevna Temirgazina

E.A. Krasina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

K.Kh. Rakhimzhanov, M.K. Akosheva

S. Seifullin Kazakh Agrotechnical University
62, Zhenis Prospect, Nur-Sultan (Astana), 010000, Kazakhstan

The article is devoted to the professional translingual personality of Dr. of Philology, Professor Z.K. Temirgazina who is a creative and ever-developing professional linguist and researcher. A short survey of her scientific research activities, the review of her main works, to speak about finally — the research school of linguistics help give evidence of her truly active and multidimensional work in the direction from monolingualism towards real translingualism which are both revealed in theoretical and applied planes. It's obvious that in the professional sphere a linguist being a translingual scholar is able to understand better and deeper his own creative translingual self and entity, choosing as an object of the studies various languages involving in his professional competence.

Simultaneously the article observes the innovative theoretical contribution of Prof. Z.K. Temirgazina to the studies of evaluation as a linguistic category as well as the studies in semantic syntax, the theory of speech activity, and linguistic gender studies. To sum up, there is surveyed the leading role of Prof. Z.K. Temirgazina to create the Kazakhstan linguo-axiological research school carried out during the latest two decades. Together with theoretical developments, the scholar pays much attention to the applied linguistic tasks, in particular, it concerns implementation and adaptation of polylingual; education at Kazakhstan secondary schools, and development of grammar literacy of schoolchildren by means of the Russian language.

Key words: linguistic axiology, gender linguistics, research school of linguistics, professional translingual personality, translingual practice, polylingual education

Article history:

Received: 17.05.2020

Accepted: 29.06.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Krasina E.A., K.H. Rakhimzhanov, and Akosheva M.K. 2020. "Translingual Personality of a Scholar and Researcher: the 60th Anniversary of Prof. Zifa Kakbayevna Temirgazina". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 306—320. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-306-320

Введение

В поисках истины ученый-исследователь проживает не одну жизнь: его личная биография тесно переплетается с биографиями его коллег-единомышленников, его учеников и последователей, с развитием научной мысли в различных сферах познания. Изучение языка и языков предполагает постоянное обращение к культурно-историческому опыту народов и в целом человечества, поскольку именно язык объединяет людей в нации, государства, одновременно сохраняя их национальную самоидентичность. Профессор Зифа Какбаевна Темиргазина в своей творческой и личной биографии является примером такого истинного ученого, открывающего тайны языков и культур и щедро делящегося этим богатством не только с членами мирового научного сообщества, но и с огромным количеством людей, которые вовлечены в творческий поиск истины, в сохранение культурных и моральных ценностей, в познание языка и культуры не только родного этноса, но и многих других. Известный с древних времен методологический индуктивный подход от простого к сложному, от конкретного к абстрактному не может не взаимодействовать с дедуктивным принципом от общего к частному, от гипотезы к ее доказательствам, от идеи к ее реализации. Такая диалектика познания отличает тип истинного ученого, который обладает уникальным видением бытия, мировоззренческим предвидением, научным методом, способствующим аккумуляции культурно-исторического опыта народа и народов, проникновением в суть вещей. Все эти качества в полной мере отличают профессиональную творческую языковую личность профессора З.К. Темиргазиной уже потому, что в область ее научных интересов и поисков включается язык, по словам великого В. фон Гумбольдта, посредник между миром и человеком, особое мировидение, наконец, орган, образующий мысль. Язык — это сложный объект, постоянно воспроизводящий субъективный образ объективного мира, а потому вовлекающий в свою сферу многочисленные внешние и внутренние факторы [1]. Наверное, будет справедливым утверждать, что научная школа З.К. Темиргазиной объединяет многомерные качества языка и синтезирует новые подходы и методы его изучения. Особо отличает методологию этой научной школы тот факт, что исследование языка сочетает общенаучные и специальные лингвистические методы, опирающиеся на прочную эмпирическую базу: ученый-исследователь и его ученики и коллеги

(см. работы У.М. Бахтикиреевой, В.Б. Куриленко, А.В. Романенко, Ю.Н. Бирюковой и др.) творят на иных неродных языках — русском, английском, как и на родном казахском, одинаково понимая и «видя» проблемы разных языков и культур; что в профессиональной деятельности приводит к взаимному неконфликтному сосуществованию и *сообогащению* этих и других языков, а научное творчество предстает как уникальное явление, которое становится «одним из красноречивых доказательств историко-культурного события, сотворчества, уникальной межкультурной коммуникации в русской “языковой оболочке” разно-национальных народов на евразийском пространстве» [2. С. 70–71].

Удивительное соединение качеств ученого эмпирика и одновременно теоретика, широта исследовательских интересов, научная школа и интернациональный круг единомышленников и последователей свидетельствуют о том, что проф. З.К. Темиргазина — истинный ученый, творческая транслингвальная личность.

Основные задачи статьи. Накопленный в лингвистической науке опыт является основанием для изучения языковой реализации транслингвальной личности, начиная с сознательной деятельности и до самореализации как состоявшегося, авторитетного ученого международного уровня.

Главная задача данной статьи состоит в том, чтобы выявить сущность и специфику уникальной транслингвальной личности ученого-языковеда в профессиональной деятельности, охарактеризовать ее отличия от транслингва в другой профессиональной области и от ученого иной научной специализации. Чем шире «горизонты личности» ученого, чем богаче и разнообразнее круг его научных интересов, чем больше языков он не просто знает, но «принимает их в себя» как «свои», а не «иные», чужеродные, тем больше у него возможностей раздвинуть и открыть новые «горизонты науки», те «горизонты», которые так и могли бы остаться незамеченными в нетранслингвальной практике. Но если в большинстве работ таких исследователей, «в массовой языковой деятельности фиксируются процессы диффузии с иными языковыми системами... границы между языковыми сообществами сглаживаются, что ведет к наслоению смыслов и ценностей, их блендированию и неразличению» [3. С. 313], то в данном случае наблюдается обратное: каждый язык «умудряется» остаться самим собой, сохранить своеобразие, не раствориться в транслингвальности. Секрет здесь кроется в том, что перед нами ученый-языковед, *транслингвальная личность по зову сердца, по велению профессии*. Такой тип личности ученого — многосторонний и гармоничный — способен глубоко и многогранно реализовать собственную транслингвальную сущность в профессиональной деятельности, избирая объектом своего исследовательского интереса разные языки, входящие в его транслингвистическую языковую компетенцию. В таком ракурсе исследование языков становится, точнее не сказать, «особенным»: транслингвальность объекта исследования ведет к объективным и нетривиальным результатам в изучении различных языков, не просто разных языков, а языков разноструктурных, как например, казахского и русского, казахского и английского, русского и английского и т.д., если опираться на бинарный принцип их сопоставления.

Обсуждение

Личная и профессиональная биография ученого-языковеда

Профессор З.К. Темиргазина — известный казахстанский ученый-русист, который внес существенный вклад в современное языкознание научными разработками теории и практики категории оценки, семантического синтаксиса, речевой коммуникации. Путь в науку для З.К. Темиргазина начался в студенческие годы на филологическом факультете Павлодарского педагогического института: это был не простой путь, но принятое решение посвятить себя языкознанию было глубоко осознанным, отвечало ее живому интересу к науке о языке, ее лингвистической эрудиции, незаурядным исследовательским способностям.

Педагогическую деятельность З.К. Темиргазина начала в сельской средней школе Павлодарской области; в систему вузовского преподавания она пришла в 1987 году и стала работать в должности преподавателя кафедры русского языка Павлодарского педагогического института и благодаря профессиональным качествам и творческому подходу прошла нелегкий путь от ассистента до профессора.

С 1990 года З.К. Темиргазина обучалась в аспирантуре при Казахском педагогическом институте им. Абая в г. Алматы и в 1993 году досрочно защитила кандидатскую диссертацию по функциональному синтаксису на тему «Конструктивные свойства предложно-падежной словоформы “с+твор.п.” как компонента предложения в современном русском языке». Очень скоро, уже в 1999 году она защитила докторскую диссертацию на тему «Оценочные высказывания в современном русском языке». Научным консультантом докторской диссертации была известный синтаксист Татьяна Андреевна Колосова, признанный исследователь семантического синтаксиса. Докторская диссертация З.К. Темиргазина, наряду с трудами таких лингвистов, как Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, способствовала выделению лингвистической аксиологии в самостоятельное научное направление, поэтому проф. З.К. Темиргазину можно по праву считать одним из основателей лингвистической аксиологии как отдельной научной дисциплины в современной казахстанской и российской науке: «Ценностный подход — основополагающий в изучении взаимосвязи языка и культуры; а своеобразие аксиологической системы определяет специфику культуры, описание которой проводится с помощью анализа свободной и текстовой сочетаемости слов, их ассоциативных связей на материале представительного корпуса текстов и др. Именно в русле этого интересного и актуального лингвистического направления написана... коллекция избранных работ известного казахстанского ученого доктора филологических наук профессора З.К. Темиргазина, научного руководителя павлодарской лингвоаксиологической школы», — так пишет о двухтомнике ученого «Избранные работы по лингвистике» (см. [4]) профессор Российского университета дружбы народов Е.А. Красина, высоко оценивая этот труд как «многоаспектное объективированное исследование, масштабность и фундаментальность которого вполне очевидны» [5].

Профессор Темиргазина — автор шести монографий, десяти учебных пособий, электронных учебников; в ее арсенале двухтомное собрание научных трудов (см.

[4]), а четыре учебных пособия — «Образ человека в русской ценностной картине мира» [6], «Современные лингвистические теории в отечественной и зарубежной лингвистике» [7], «Оценочные высказывания в современном русском языке» [8], «Лингвоэстетическая оценка внешнего облика человека в русской и казахской картинах мира» [9] — переиздавались много раз, в том числе в 2015 году в издательстве «Флинта: Наука».

Фундаментальные исследования З.К. Темиргазиной получили высокую оценку российской лингвистической общественности в рецензиях и обзорах, написанных Е.А. Красиной [5], В.П. Синячкиным, Г.Т. Хухуни [10] и др.

Труды профессора выходили в свет на четырех языках — русском, казахском, английском и немецком — во многих странах мира: в России и Японии, на Украине, в Словакии, Великобритании, Беларуси, Индии, Болгарии, Германии, Польше, США и др. Профессор З.К. Темиргазина — один из самых цитируемых казахстанских лингвистов. Одновременно она разрабатывает и читает фундаментальные теоретические курсы для магистров, аспирантов и докторантов, например, «Философия языка», «Семиотика», «Методология лингвистических исследований», «Лингвистическая прагматика», «Психолингвистика»; регулярно выступает в качестве приглашенного лектора в Российском университете дружбы народов (Россия, г. Москва), Витебском государственном университете им. П. Машиера (Республика Беларусь, Витебск) и др.

Значительный вклад ученый внесла и в развитие гендерной лингвистики. В 2013 году под ее редакцией издана коллективная монография с международным авторским коллективом «Гендерная лингвистика», в которой пол рассматривается как важнейший гендерный параметр человеческой личности, проявляющийся в языке, речи и коммуникации.

Основной спектр интересов ученого лежит в области теоретического языкознания, но в соответствии с потребностями времени она занимается и прикладными проблемами, в первую очередь внедрением полиязычного образования в школах Казахстана. В работах ученого-педагога по лингводидактике, изданных за рубежом, представлено теоретико-методологическое обоснование полиязычного образования [11–16].

С 2002 года по настоящее время З.К. Темиргазина — член ряда диссертационных советов: в Евразийском национальном университете им. Л. Гумилёва (г. Астана), в Северо-Казахстанском университете (г. Петропавловск), в Карагандинском государственном университете им. Букедова. В 2006—2007 годы работала членом Экспертного совета по филологии и искусствоведению Комитета по контролю в сфере образования и науки МОН Республики Казахстан.

В качестве члена международной редколлегии проф. З.К. Темиргазина участвует в работе авторитетных российских журналов, входящих в Перечень ВАК РФ: «Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика» (г. Москва), «Жанры речи» (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского), «Неофилология» (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина), казахстанского журнала «Вестник Карагандинского университета. Серия “Филология”», включенного в перечень изданий, рекомендованных Министерством образования и науки Республики Казахстан.

Научная деятельность ученого-исследователя и педагога неоднократно отмечена правительственными наградами: Указом Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева от 7 декабря 2010 года проф. З.К. Темиргазина награждена медалью «Ерен еңбегі үшін» («За трудовое отличие»), нагрудным знаком Министерства образования и науки «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2004); в 2012 году ей присуждены звание «Лучший преподаватель вуза» и грант МОН РК, а в 2018 году Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) вручила ученому медаль А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка».

Транслингвизм и транслингвальная личность

Транслингвизм как явление, при котором автор использует в своем творчестве неродной усвоенный язык, имеет древнюю историю. Понятие «трансьязычие» (англ. translanguaging) обозначает «языковую практику билингвов, под которыми понимаются люди, успешно общающиеся на двух и более языках» [17. Р. 112]. В мировой научной практике активное изучение этого явления начинается с 90-х годов XX столетия. Проблема идентичности как одна из основ самосознания волновала еще Аристотеля, сенсуалистов-эмпириков во главе с Дж. Локком, философов-диалектиков И.Ф. Гегеля, И. Канта, Ф. Шеллинга и др. В настоящее время проблему би- или полилингвальной личности исследуют и развивают научные школы в разных странах мира, которые возглавляют авторитетные ученые — С. Келлман, О. Гарсия, Л. Вэй, П. Гудолл, Дж. Кинг, У. Бахтикиреева, М. Тлостанова, Е. Зейферт, В. Аминова, Г. Хухуни, К. Султанов и многие другие.

Бесспорно, существует необходимость в том, чтобы «уточнить понимание роли и места концепций транслингвальности и транскультурности в процессах конвергенции и диверсификации языков. Названные теоретические концепции являются результатом научного осознания и осмысления реально существующих процессов, не носящих противоборствующий характер, в сосуществовании и взаимодействии языков и культур» [18. С. 39—40].

Как справедливо отмечает У.М. Бахтикиреева, творческая история каждого произведения, как и биография его автора, составляет часть языковой биографии художника и потому должна изучаться специально — в русле лингвистики третьего тысячелетия, по формулировке Вяч. Иванова [19].

В современной ситуации гуманитарное научное знание, с одной стороны, как будто уступает мощному поступательному развитию естественно-научной и инженерно-технической мысли, с другой же — обнаруживает концептуально новые и перспективные направления исследований. Лингвоантропология в своей устремленности к комплексному исследованию феномена человеческой языковой личности во всей ее многогранности и непредсказуемости в целом, и особенно в сфере речевой идентификации, способна сформировать адекватные инструменты отслеживания и мониторинга и креативной потребности, и ментальных трансформаций, и социокультурных изменений в языковой картине мира современного общества [3. С. 332—333].

Транслингвальность личности З.К. Темиргазинной начинает проявляться в работах, посвященных изучению второго языка, в которых автор уделяет особое

внимание вопросам формирования лингвокультурологической компетенции [20], национальной идентичности [21], влияния языка-доминанты в языковой компетенции транслингва на фонетическую систему второго языка [18] и др. По мнению профессора, если дело касается лексики, то «можно говорить о проницаемости языков, возникновении нового качества обогащенной лингвокультуры при непосредственном и длительном контакте двух языков. При этом надо ясно представлять, что этот процесс сопровождается скрещиванием языков, когда один из языков сохраняет свою самостоятельность, приобретая некоторые особенности, возникающие под влиянием соседнего языка. Языковая ассимиляция разной степени и природы носит характер субстрата или суперстрата» [18. С. 40]. Далее автор последовательно развивает эту идею, имея в виду влияние языка-доминанты в языковой компетенции транслингва на фонетическую систему второго языка: «Языки в процессах транскulturации и транслингвизма являются в определенной степени проницаемыми. На наш взгляд, это касается содержательных сторон языка и речи, которые способны к порождению новых дискурсов: лексики, грамматики, синтаксиса, словообразования. Фонетический уровень как строительный материал для содержательных единиц не должен быть задетым в процессе транслингвизма, ибо в этом случае речь уже не может идти о транслингвизме как непротивоборствующей тенденции в контактном сосуществовании двух языков и культур» [18. С. 39].

Транслингвальный подход в исследовании языка и в лингводидактике делает акцент не на язык как систему, а на язык как практику, т.е. деятельность [22]. Транслингвальность личности З.К. Темиргазиной как ученого носит «ярко выраженный деятельностный и речетворческий характер, представляя собой новое, творческое, трансформирующее и интегрирующее использование всех имеющихся в распоряжении билингва языковых ресурсов. Дополнительные возможности для речетворческой деятельности билингвов возникают именно в “неопределенной” зоне на границе языков» [23. С. 161]. Эта зона на стыке языков только кажется неопределенной. Приход ученого к исследованию родного казахского языка является еще одним этапом становления профессиональной транслингвальной личности, на котором, обогатившись в процессе научного познания русского языка, приобретя многогранность, «стереоскопичность» лингвистического мышления, она применяет все это в изучении родного языка. Транслингвальная научная практика удивительным и в то же время естественным образом открывает для лингвиста З.К. Темиргазиной возможности для расширения объекта исследования, вовлекая в качестве объекта изучения не один, а два или несколько языков.

Если в монографиях «Оценочные высказывания в русском языке» [8], «Образ человека в русской ценностной картине мира» [6] автор исследует образы и высказывания на основе одного только русского языка, а в работе “Scientific and methodological bases of creating electronic textbooks on biology in the English language” — на основе одного английского языка, то в монографиях «Языковая концептуализация вкусов в русской картине мира (в сопоставлении с казахской и английской)», «Лингвокультурная специфика концептуализации обонятельных и вкусовых ощущений в русской языковой картине мира (в сопоставлении с ка-

захской и английской)» [24] вовлекаются уже три языка и рассматриваются лингвокультурные представления в русской картине мира о вкусах и запахах, образующих отдельную концептуальную сферу знаний, полученных на основе сенсорно-перцептивного опыта людей, на который наслаиваются культурные стереотипы представителей казахской и английской лингвокультуры [25].

Во многих других работах автор со знанием дела исследует те или иные вопросы *параллельно* в разных языках, не выделяя какой-либо язык в качестве доминантного. Так анализируются представления о лице человека в русском и казахском языках в книге «Лицо человека как объект эстетической оценки в русской и казахской языковых картинах мира», представления о вкусе — в русском, казахском и английском языках в работе «Концепты вкуса в русском, казахском и английском языках», артефакты русской и казахской терминологии в публикации “Artifacts as a source of Russian and Kazakh zoological terms” [14], особенности англо-русского двуязычного словаря в статье “Didactic features of a learner’s English-Russian dictionary of biology development” [12]. Каждая национальная картина мира здесь — на первом плане, только в выводах мы находим их общие и различные признаки.

В исследовательской практике проф. З.К. Темиргазиной мы наблюдаем «плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние, при этом отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков, а также создается смешанный дискурс» [26. Р. 34].

Транслингвальная личность удивительным образом реализует себя в смешанном дискурсе, «когда проницаемость лингвокультур оставляет место для сохранения множественной (двойной, иногда тройной и более) идентичности» [27. С. 662].

Эта сторона транслингвальной практической деятельности З.К. Темиргазиной нашла отражение и в выборе ее диссертантами тем исследования, например, таких, как «Прагматические функции глаголов речи (на материале казахского, английского, русского языков)» (А.К. Куцегалинова), «Метеорологическая метафора в русском и немецком языках (на материале метеопрогнозов)» (Б.Д. Ныгметова), «Лексико-фразеологические способы репрезентации эстетической оценки внешности человека в русской и казахской языковых картинах мира» (М.К. Каирова), «Интенциональные концепты “согласие-несогласие” в русском и английском языках» (К.А. Оразалинова), «Языковые средства экспликации этнических стереотипов казаха, русского и немца (на материале русскоязычных этнических анекдотов)» (Ж.К. Абильдинова), «Семантико-прагматические особенности утилитарной оценки в немецком и русском языках» (Г.О. Азылбекова).

Названные работы — это только часть исследований учеников проф. З.К. Темиргазиной за время существования научной школы лингвоаксиологии и прагматики в Павлодаре. Здесь под ее научным руководством были реализованы грантовые проекты, подготовлено двадцать кандидатских диссертаций, одна докторская, из них десять диссертаций защищены в российских вузах: Уральском государственном педагогическом университете, Тюменском государственном университете, Тобольской педагогической академии.

О полиязыковом бытии З.К. Темиргазинной

На протяжении всей профессиональной деятельности З.К. Темиргазина, казашка, родившаяся в Советском Казахстане, воспитывавшаяся в казахоязычной семье, глубоко вникая в тему, проводит исследования на русском, казахском, английском языках.

Мы неслучайно остановились подробно на биографических данных профессора: они наглядно показывают, что становление ее профессиональной и языковой биографии начинается в период существования СССР, когда владение русским языком было обязательно и необходимо. Зифа Какбаевна овладевает этим языком на высочайшем уровне, русский становится языком ее профессии, а значит, второй ее сущностью. Отметим, что обе диссертации — и кандидатская, и докторская — защищены по одной специальности 10.02.01 — «Русский язык», что является достаточно редким явлением в лингвистических кругах Казахстана.

Действительно, ментально-языковые трансформации рассматриваются одновременно как процесс и как зеркало уже состоявшихся общественно значимых преобразований [28. С. 9].

Деятельность З.К. Темиргазинной как ученого отличается строгими требованиями к себе как профессионалу в области русского языка, и в области сопоставительного русско-казахского и казахско-русского языкознания. Об этом свидетельствуют ее научные работы, многочисленные творческие изыскания. Такое смешение культур в одном лице обуславливает формирование особого типа языковой личности — транслингвальной.

Иногда такую личность называют маргинальной, поскольку она существует и проявляет себя на стыке языков и культур и воспринимает культуру своего народа как бы глядя на нее со стороны, извне, снаружи, обладая более стереоскопичным зрением и более объемным мышлением по сравнению с монолингвом: «В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению ее состояния и перспективы в соотношении с другими культурами. Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе ее взаимосвязей с другими культурами» [29. С. 108].

Все же в отношении З.К. Темиргазинной мы предпочитаем понятие транслингвальной личности, потому что здесь происходит восприятие культуры своего народа не извне и снаружи, а изнутри и извне одновременно. Более того, восприятие двух культур происходит параллельно, с глубоким пониманием обеих, но с сознательной ориентацией на участие в судьбе родной культуры за счет ее взаимосвязей с иными (иными ли?) культурами. И добавим здесь важную, на наш взгляд, грань ее транслингвальности, ее транслингвальной практики.

Когда транслингвальной личностью является, к примеру, инженер или экономист, или биолог и т.д., то эта личность может использовать преимущества своей транслингвальности в письменной и устной профессиональной коммуникации. Здесь речь идет о транслингвизме, но как обычном явлении.

Совсем другая транслингвильность присуща З.К. Темиргазиной. Ее деятельность — это практика ученого-языковеда. Можно сказать, что перед нами — транслингвильная личность по призванию и по природе вещей.

Примечательный факт: «именно пограничная позиция четко обозначает различие двух понятий: “сознание этнической принадлежности” и “национальное самосознание”». В ситуации пограничья творческая личность с глубокой мировоззренческой позицией преодолевает в себе двойственную неопределенность маргинальности и восходит к национальному самосознанию. Объектом в таком случае становится национальная культура. И именно от усилий творческой личности зависит повышение общественной роли национальной культуры, «хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей» [29. С. 208—209]. Обретая себя в качестве субъекта национальной культуры, творческая личность снимает противоречия, существующие в диффузном социуме, решает общие задачи развития национальной культуры, стоящие как перед моноязычными (казахоязычными), так и перед билингвильными (русскоязычными) творческими личностями [30].

Научная деятельность З.К. Темиргазиной обогащает наш «опыт постижения окружающей действительности, примиряет сознание и душу, убирает конфликты между этнической и языковой идентичностями» [30. С. 88].

Заключение

Принимая во внимание, что понятие «транслингвильзм» предполагает отсутствие четких границ между контактирующими языками, их взаимопроникновение, наличие языковой неопределенности и «подвижности» [31. Р. 279], относительно транслингвильной личности профессора З.К. Темиргазиной мы можем сказать, что глубокое проникновение в культуру каждого народа, язык которого она знает в совершенстве, помогает генерировать новое знание на основе общеизвестного знания в ходе соединения его с личным опытом и качествами личности ученого, тем самым трансформируя сознание слушающих. Ученый-языковед способен глубже реализовать свою транслингвильную сущность в профессиональной деятельности, избирая объектом своего исследовательского интереса разные языки, входящие в его транслингвильностическую компетенцию (а здесь к тому же исследуются разноструктурные языки). В таком случае это *профессиональная транслингвильная личность*, поскольку в этом термине отражается сущность и специфика транслингвильной практики в профессиональном плане, в профессиональной деятельности. Именно поэтому, полагаем, в научный оборот можно ввести данное новое терминологическое сочетание, характеризующее транслингвильную практику совершенно особого склада.

Транслингвильзм профессора-языковеда ярко проявляется в восприятии языка и культуры своего народа изнутри и извне одновременно, в восприятии двух и более культур одновременно и параллельно, с глубоким пониманием обеих или нескольких лингвокультур. В целом же, путь профессиональной транслингвильной языковой личности ученого Зифы Какбаевны Темиргазиной — это поступа-

тельное восхождение — от неопределенности маргинальности к национальному самосознанию.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Синячкин В.П. Русофонные художественные тексты: теория и практика транслингвизма // Теория речевой деятельности: вызовы современности: материалы XIX Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6—8 июня 2019 г. М.: Канцлер, 2019.
3. Панова Е.Ю. Формирование эталонной языковой медиальности в контексте трансформационных процессов современного медиаобщества // Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности в медиатизированном обществе: коллектив. монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018.
4. Темиргазина З.К. Избранные работы по лингвистике: в 2 т.
5. Красина Е.А. Рецензия: З.К. Темиргазина. Избранные работы по лингвистике // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 3. С. 115—119.
6. Темиргазина З.К. Образ человека в русской ценностной картине мира: спецкурс для магистрантов языковых специальностей: учебное пособие. Павлодар: ЭКО, 2002.
7. Темиргазина З.К. Современные лингвистические теории в отечественной и зарубежной лингвистике: учеб. пособие. Павлодар: ЭКО, 2002.
8. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в русском языке: монография. Павлодар, 1999.
9. Темиргазина З.К., Каирова М.К. Лингвоэстетическая оценка внешнего облика человека в русской и казахской картинах мира. М.: Флинта, 2013.
10. Синячкин В.П., Хухуну Г.Т. Рецензия на коллективную монографию «Гендерная лингвистика» (Павлодар, Издательство «ЭКО», 2010. 656 с.) // Филологические науки. 2013. № 1. С. 118—120.
11. Temirgazina Z., Khamitova G., Kaparov C., Abramova A. Scientific and methodological bases of creating electronic textbooks on Biology in the English language Biosciences, Biotechnology Research Asia. 2015. Vol. 12. No. 3.
12. Temirgazina Z., Khamitova G., Orazalinova K. Didactic Features Of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology Development // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2016. 7(2). P. 317—326.
13. Temirgazina Z.K., Bahtikireyeva U.M., Sinyachkin V.P., Akosheva M.K. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms // American Journal of Applied Sciences. 2016. Vol. 13. Issue 12. P. 1385—1393.
14. Temirgazina Z.K., Bahtikireyeva U.M., Sinyachkin V.P. Artifacts as a source of russian and kazakh Zoological terms // Information. Vol. 20. No. 4(A), April, 2017. Pp. 2325—2336.
15. Темиргазина З.К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 5—9.
16. Temirgazina Z., Akosheva M., Shakaman Y., Shaharman A., Kurmanova Z., Kairova M. Metaphors in Anatomical Terminology // Space and Culture, India. ISSN 20528396. 2019. Vol. 7:1. P. 143—153.
17. Garcia O. Countering the dual: Transglossia, dynamic bilingualism and translanguaging in education. In: Rubdi, R., Alsagoff, L. (eds.) The global-local interface and hybridity: Exploring language and identity. Bristol, Buffalo and Toronto: Multilingual Matters, 2014. Pp. 100—118.
18. Темиргазина З.К. Насколько далеко заходит процесс гибридации языков в транслингвальной ситуации? // Полилингвальность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 39—44.
19. Бахтикиреева У.М. О транслингвизме и транскulturации сквозь призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 76—80.

20. *Темиргазина З.К.* Формирование лингвокультурологической компетенции студентов, изучающих второй язык: материалы международной научн. конф. Вып. 1. Караганда, 2001. С. 99—100.
21. *Темиргазина З.К.* Родной язык и национальная идентичность // Проблемы социальных и гуманитарных наук в современном образовательном пространстве: материалы международной научн. конф. Павлодар, 2005. С. 9—11.
22. *Sanagarajah S.* Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations. London, New York: Routledge, 2013. 224 p.
23. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. № 2. С. 155—170.
24. *Темиргазина З.К.* Лингвокультурная специфика концептуализации обонятельных и вкусовых ощущений в русской языковой картине мира (в сопоставлении с казахской и английской). Павлодар: ПГПУ, 2014.
25. *Темиргазина З.К.* Новостной субдискурс как составная часть политического дискурса // Политическая коммуникация: материалы международной научной конференции. Екатеринбург: УрГПУ, 2014.
26. *Sanagarajah S.* Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship // Journal of English for Academic Purposes. 2002. No. 1. P. 29—44.
27. *Дианова Л.П.* Рецензия на книгу Стивена Келлмана “Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft”. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2003. 339 p. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 4. С. 660—665. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-4-660-665.
28. *Загидуллина М.В.* Введение // Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности в медиатизированном обществе: коллектив. монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018.
29. *Ауэзов М.М.* Иппокрена. Хожение к колодецу времен / М.М. Ауэзов. Алматы: Жибек жолы, 1997.
30. *Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е.* Языковое бытие творческой личности: Бахыт Кайрбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVII. Вып. 1. 2020. С. 83—89.
31. *Sanagarajah S.* Code-alternation studies: A trajectory // Seargeant P., Swann J., editors. English in the world: History, diversity, change. Abingdon and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. P. 275—283.

References

1. Gumbol'dt, V. fon. 1984. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. Moscow: Progress. Seriya: Yazykovedy mira. Print. (In Russ.)
2. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and Sinyachkin V.P. 2019. “Rysofonnye khudozhestvennye teksty: teoriya i praktika translingvizma” in Teoriya rechevoi deyatel'nosti: vyzovy sovremennosti. Materialy XIX Mezhdunar. simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii, Moskva, 6—8 iyunya 2019 g. Moscow: Izdatel'stvo «KantsleR». Print. (In Russ.)
3. Panova, E.Yu. 2018. “Formirovanie ehtalonnnoy yazykovoi medialichnosti v kontekste transformatsionnykh protsessov sovremennogo mediaobshchestva”. In Mental'no-yazykovye transformatsii russkoi lingvokul'turnoi lichnosti: poisk identichnosti v mediatizirovannom obshchestve: kollektiv. monografiya. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta. Print. (In Russ.)
4. Temirgazina, Z.K. 2010. Izbrannye raboty po lingvistike: v 2-kh t.: T. I. Lingvisticheskaya aksiologiya: Otsenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke. Pavlodar: EHKO; T. II. Lingvisticheskaya aksiologiya. Pragmatika. Psikholingvistika. Pavlodar: EHKO. Print. (In Russ.)
5. Krasina, E.A. 2013. “Retenziya na «Izbrannye raboty po lingvistike» (v 2-kh tt. Pavlodar, Izdatel'stvo «EHKO», 2010) Z.K. Temirgazinoi”. Vestnik RUDN. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika 3: 115—119. Print. (In Russ.)

6. Temirgazina, Z.K. 2002. *Obraz cheloveka v russkoi tsennostnoi kartine mira: spetskurs dlya magistrantov yazykovykh spetsial'nostei: uchebnoe posobie*. Pavlodar: EHKO. Print. (In Russ.)
7. Temirgazina, Z.K. 2002. *Sovremennye lingvisticheskie teorii v otechestvennoi i zarubezhnoi lingvistike. Uchebnoe posobie*. Pavlodar: NPF «EHKO». Print. (In Russ.)
8. Temirgazina, Z.K. 1999. *Otsenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke: monografiya*. Pavlodar. Print. (In Russ.)
9. Temirgazina, Z.K., and M.K. Kairova. 2013. *Lingvoehsteticheskaya otsenka vneshnego oblika cheloveka v russkoi i kazakhskoi kartinakh mira*. M.: Flinta. Print. (In Russ.)
10. Sinyachkin, V.P., and G.T. Khukhuni. 2013. “Retsenziya na kollektivnuyu monografiyu «Gendernaya lingvistika» (Pavlodar, Izdatel'stvo «EHKO», 2010. 656 s.)”. *Filologicheskie nauki* 1: 118–120. Print. (In Russ.)
11. Temirgazina, Z., G. Khamitova G., Kaparov S., and A. Abramova. 2015. “Scientific and methodological bases of creating electronic textbooks on Biology in the English language” *Biosciences, Biotechnology Research Asia* 12 (3).
12. Temirgazina, Z., G. Khamitova, and Orazalinova K. 2016. “Didactic Features Of a Learner’s English–Russian Dictionary of Biology Development”. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences* 7(2): 317–326.
13. Temirgazina, Z.K., U.M. Bahtikireyeva, Sinyachkin V.P., and M.K. Akosheva. 2016. “Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms”. *American Journal of Applied Sciences* 13 (12): 1385–1393.
14. Temirgazina, Z.K., U.M. Bahtikireyeva, and Sinyachkin V.P. 2017. “Artifacts as a source of russian and kazakh Zoological terms”. *Information* 20 (4(A)): 2325–2336.
15. Temirgazina, Z.K. 2017. “Zoomornaya model' metaforizatsii v russkoi i kazakhskoi zoologicheskoi terminologii”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kul'turologiya* 3(9): 5–9. Print. (In Russ.)
16. Temirgazina, Z. et al. 2019. “Metaphors in Anatomical Terminology”. *Space and Culture* 7(1): 143–153.
17. Garcia, O. 2014. *Countering the dual: Transglossia, dynamic bilingualism and translanguaging in education*. In: Rubdi, R., Alsagoff, L. (eds.) *The global-local interface and hybridity: Exploring language and identity*. Bristol, Buffalo and Toronto: Multilingual Matters.
18. Temirgazina, Z.K. 2020. “Naskol'ko daleko zakhodit protsess gibridizatsii yazykov v translingval'noi situatsii?”. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki* 17 (1): 39–44. Print. (In Russ.)
19. Bakhtikireeva, U.M. 2016. “O translingvizme i transkul'turatsii skvoz' prizmu odnoi yazykovoii biografii”. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* 2 (50): 76–80. Print. (In Russ.)
20. Temirgazina, Z.K. 2001. “Formirovanie lingvokul'turologicheskoi kompetentsii studentov, izuchayushchikh vtoroi yazyk” in *Materialy mezhdunarodnoi nauchn. konf. Vyp. 1. Karaganda*. Print. (In Russ.)
21. Temirgazina, Z.K. 2005. “Rodnoi yazyk i natsional'naya identichnost'”. In *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve. Materialy mezhdunarodnoi nauchn. konf. Pavlodar*. Print. (In Russ.)
22. Canagarajah, S. 2013. *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. London, New York: Routledge. Print.
23. Proshina, Z.G. 2017. “Translingvizm i ego prikladnoe znachenie”. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki* 2: 155–170. Print. (In Russ.)
24. Temirgazina, Z.K. 2014. *Lingvokul'turnaya spetsifika kontseptualizatsii obonyatel'nykh i vkusovykh oshchushchenii v russkoi yazykovoii kartine mira (v sopostavlenii s kazakhskoi i angliiskoi)*. Pavlodar: PGPU. Print. (In Russ.)
25. Temirgazina, Z.K. 2014. “Novostnoi subdiskurs kak sostavnaya chast' politicheskogo diskursa”. In *Politicheskaya kommunikatsiya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, URGPU*. Print. (In Russ.)
26. Canagarajah, S. 2002. “Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship”. *Journal of English for Academic Purposes* 1: 29–44.

27. Dianova, L.P. 2019. “Retsenziya na knigu Stivena Kellmana “Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft”. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2003. 339 p.”. Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki 16 (4): 660—665. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-4-660-665). Print. (In Russ.)
28. Zagidullina, M.V. 2018. “Vvedenie”. In Mental’no-yazykovye transformatsii russkoi lingvokul’turnoi lichnosti: poisk identichnosti v mediatizirovannom obshchestve: kollektiv. monografiya. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta. Print. (In Russ.)
29. Auehzov, M.M. 1997. Ippokrena. Khozhdenie k kolodtsu vremen. Almaty: Zhibek zholy. Print. (In Russ.)
30. Bakhtikireeva, U.M., Shagingereeva B.E. 2020. “Yazykovoe bytie tvorcheskoi lichnosti: Bakhyt Kairbekov”. Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke 18 (1): 83—89.
31. Canagarajah, S. 2012. Code-alternation studies: A trajectory. In Seargeant P., Swann J., editors. English in the world: History, diversity, change. Abingdon and New York: Routledge, Taylor and Francis Group. Print.

Сведения об авторах:

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: elena_krassina@mail.ru

Рахимжанов Канат Хисматович — кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина. E-mail: kanatzhan57@mail.ru

Акошева Маржан Касымовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина. E-mail: akmar2809@mail.ru

Bio Notes:

Elena A. Krasina is a Dr. habilis., Professor of the General and Russian Linguistic Department, Philological Faculty, the RUDN University. E-mail: elena_krassina@mail.ru

Kanat K. Rakhimzhanov is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Kazakh and Russian Languages of S. Seifullin Kazakh Agrotechnical University. E-mail: kanatzhan57@mail.ru

Marzhan K. Akosheva is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Kazakh and Russian Languages of S. Seifullin Kazakh Agrotechnical University. E-mail: akmar2809@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-321-333

Научная статья

Долганское приглашение в тундру: художественный мир Огдо Аксёновой

А.А. Арзамазов

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 426004, Ижевск, ул. Ломоносова, 4

Основная цель статьи — проанализировать поэтические тексты Огдо Аксёновой, единственного представителя долганской национальной литературной традиции. Устанавливаются основные темы, ключевые мотивы и символы ее художественного мира (изображение северного ландшафта, образ тундры, стихотворные вариации на тему времен года и т.д.), анализируется этнокультурное своеобразие поэтического дискурса (языковые уровни выразительности, предметно-бытовые реалии долганской культуры). Особое внимание уделено жанру песни, имеющему фольклорно-мифологические корни. Дается оценка качеству художественного перевода текстов долганской поэтессы на русский язык. Творчество О. Аксёновой представляет большой исследовательский интерес с точки зрения выявления специфических механизмов становления и развития «миноритарной» литературы.

Ключевые слова: национальная литература, долганская поэзия, художественный перевод, образная система, этнокультурное своеобразие, язык, жанр

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.04.2020

Дата принятия к печати: 27.06.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Арзамазов А.А. Долганское приглашение в тундру: художественный мир Огдо Аксёновой // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 321–333. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-321-333

© Арзамазов А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Dolgan Invitation to the Tundra: the Artistic World of Ogdo Aksenova

A.A. Arzamazov

Udmurt Institute of History, Language and Literature.
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
4, Lomonosova Str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

The main purpose of the article is to analyze the poetic texts of Ogdo Aksenova, who is sole representative of the Dolgan national literary tradition. The main themes, key motives and symbols of her artistic world (the image of the northern landscape, the image of the tundra, poetic variations on the theme of the seasons, etc.) are established, the ethnocultural originality of the poetic discourse (linguistic levels of expressiveness, realities of Dolgan culture) is analyzed. Special attention is paid to the genre of the song, which has folklore and mythological roots. It is emphasized that in separate collections and works the boundaries between the author's and folklore are blurred. The article assesses the quality of the literary translation of the texts of the Dolgan poetess into Russian. The work of O. Aksenova is of great research interest from the point of view of identifying specific mechanisms of the formation and development of "minority" literature.

Key words: national literature, Dolgan poetry, literary translation, figurative system, ethnocultural originality, language, genre

Article history:

Received: 13.04.2020

Accepted: 27.06.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Arzamazov, A.A. 2020. "Dolgan Invitation to the Tundra: the Artistic World of Ogdo Aksenova". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 321—333. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-321-333

Введение

Среди литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока есть такие, в истории которых был только один писатель. Это интересная и сложная культурная ситуация, требующая научно-исследовательского рассмотрения. В одних случаях после смерти основоположника национальной словесности, к тому же являющегося одним из последних полноценных носителей языка, художественная традиция обрывается. У исчезающего этноса не остается ресурсов для самовосстановления, энергии продолжения. В других — после ухода из жизни единственного национального писателя — спустя годы молчания литература еще вполне

может «ожить», перейти на новый уровень развития. На наш взгляд, к таким временно «молчащим» литературам может относиться и долганская. Численность долган (чуть больше 6 тысяч человек) дает основание полагать, что у народа есть еще внутренние резервы для поступательного движения, появления новых авторов, пишущих по-долгански. Вместе с тем возникает закономерный вопрос о языковой картине возможного будущего долганской словесности. Смогут ли писатели молодого поколения творить на диалектно раздробленном языке, очень похожем на крупный, «активный» язык региона — якутский? Вероятен сценарий перехода авторов-этнофоров на русский при общем сохранении стратегии художественного воспроизведения этнической составляющей.

Долганы — один из наиболее молодых народов России, формирование которого продолжается до сих пор. Начало этногенеза датируется XVIII—XX веками. В состав долган вошли этнические группы эвенков, якутов, эвен, нганасан, русских. Места проживания долганского этноса — Таймыр, Республика Саха (Якутия), Красноярский край. В основе долганского мировоззрения — шаманизм, глубинные связи с природой. Сложность этнического происхождения долган, включающего в себя целую палитру этносов, по-видимому, не могла не отразиться, не получить — пусть и неявное — проявление в системе национальной культуры, ментальности литературы. Вероятно, каждый из участвовавших в этногенезе долган народов, групп в той или иной степени привнес что-то свое, свой опыт мирочувствования.

Родоначальник долганской литературы, ее единоличный представитель — Огдо Аксёнова (Евдокия Егоровна Аксёнова, 1936—1995) — за относительно короткую жизнь сумела создать гуманитарную реальность своего народа: она разработала основы письменности, написала учебники для школы, составила словари, собрала, подготовила к изданию образцы фольклора, начала формировать литературный язык долган, на котором возможно полноценное художественное самовыражение. На протяжении трех десятилетий друг за другом выходят книги для детей и взрослых.

Художественный мир Огдо Аксёновой рассматривается нами в контексте теоретико-методологических изысканий, обращенных к национальным литературам народов России [1—9]. Материалом исследования послужили стихотворения Аксёновой, вошедшие в поэтические сборники «Бараксан» (1973) и «Признание в любви» (1996). В статье используются описательный, биографический, структурно-семантический, мифопоэтический методы.

Обсуждение

Первая книга Огдо Аксёновой «Бараксан» включает в себя и стихи на долганском языке, и переводы на русский. Оригинал и перевод следуют друг за другом, что создает ощущение единства художественного пространства и при этом дает возможность сопоставить исходное произведение и русскоязычное переложение. Следует подчеркнуть, что Аксёновой повезло с переводчиками, среди которых были литераторы, говорившие по-долгански. Они, как правило, с вниманием относились как к структурно-композиционным параметрам, так и к содержа-

тельно-выразительному плану стихотворений. Переводчики в данном случае обычно не увеличивали объемы переводимых текстов, существенно не вторгались со своими поэтическими «инициативами» в их образную, понятийную материю. В сборник «Бараксан» вошли образцы долганского фольклора — загадки, приметы, пословицы, поговорки. Такое совмещение семиотических систем может показаться символическим: размываются границы между индивидуально-авторским и коллективным народным творчеством.

В художественном мире Огдо Аксёновой преобладают стихи о севере, его природе. В основе этих текстов — своеобразная риторика приглашения. Автор стремится представить свой суровый родной край в наилучшем свете, отобразить его экзотическую красоту, показать трудолюбие, открытость, гостеприимство людей. Ключевым топосом становится тундра, которая у Аксёновой проявляется почти в каждом стихотворении. В произведениях долганской поэтессы тундра — это живая стихия, с которой непременно нужно встретиться, соприкоснуться. Такие презентационные, «пригласительные», «вербующие» тексты обращены к конкретным лицам — читателям, друзьям, будущим гостям:

Приезжайте в тундру к нам,
К белым тающим снегам...
Тундра щедро вас напоит
Стылой талою водой.
Тундрой вас вода наполнит,
Легкой силой молодой...
Приезжайте в тундру к нам...

[10. С. 24]

(перевод Леонида Яхнина)

Тундра обычно изображается как пространство движения. Несмотря на жесткий холод, жизнь в ней никогда не замирает. Еще один важный локус в поэзии Огдо Аксёновой — полуостров Таймыр, символизирующий этнокультурные истоки долган:

Таймырские снега,
Мой север — бараксан.
Просторно, высоко
И сердцу и глазам.
Еще и оттого
Душа моя поет,
Что древние хранит
Обычаи народ...

[10. С. 80]

(перевод Александра Зорина)

Рассматривая геопоэтику Огдо Аксёновой, конструируемые в ее поэтическом мире северные ландшафты, нельзя не подчеркнуть широту расселения долган — их ареал проживания простирается от Таймыра до Восточной Якутии, от Северного Ледовитого океана, от тундры до тайги. Живущие на культурно-генетических

«ветрах» долганы открыты миру, другим народам, языкам. Это важная онтологическая черта их мировоззрения, ментального взаимодействия с внешним миром.

Наиболее репрезентативный образно-тематический блок в поэзии Огдо Аксёновой — времена года. Противопоставление зимы/лета, весны/осени, холода/тепла, ярких красок/цветового однообразия представлено в творчестве многих авторов, поэтизирующих миры Севера. С одной стороны, это универсальный образно-символический язык, сложившийся комплекс изобразительных пластических характеристик, позволяющих поэту отображать внешние контрасты природы и внутренние экзистенциальные конфронтации лирических субъектов. С другой — семиоэстетическое восприятие сочетаний/оппозиций времен года часто отличается национальной спецификой, речь может идти о выявлении этнокультурных механизмов поэтической рефлексии, традиций описания различных природных состояний, отрезков времени.

В рассматриваемых книгах Огдо Аксёновой «Бараксан» и «Признание в любви» преобладают стихи о весне («Дудинка» [10. С. 76]; «Ручьи и капли» [10. С. 94]; «Новые приметы» [10. С. 97]; «Все рады солнцу» [10. С. 98] и др.), которая в жизни северного народа имеет сакральное значение, становится долгожданным событием. «Весенние» тексты характеризуются наличием устойчивых авторских установок, мотивов, образов. Они пронизаны радостными эмоциями, в них ярко выражено созерцательное начало, доминируют описательные стратегии, фигурируют мотивы отступления зимы, оживания тундры, привлечены цветочные эпитеты. Примечательно, что лирическая манифестация весны у Аксёновой лишена каких-либо явных мифологических контекстов, обходится без «ритуальной оптики». На первом плане — визуальные изменения, внешние проявления.

Стихотворения об осени («Осенний день», «Осень» [10. С. 19, 86]) эмоционально неоднородны. Осенняя панорама Огдо Аксёновой — облака, дожди, пасмурное небо, высокая концентрация желтого цвета. Лирическая героиня пребывает в ожидании больших холодов. При этом осень обостряет восприятие мира, дает возможность прочувствовать драматизм ускользающего тепла. Осенние метаморфозы в стихах Аксёновой соотносятся с отдельными физиологическими процессами, выражаются при помощи телесной символики:

С плоской груди
Соскребают тепло.
Дышит грудь тяжело.
Все труднее дышать.
Не под силу, видать,
Земному теплу
Облака растолкать...

[10. С. 86]

(перевод Александра Зорина)

Наступление зимы может художественно преподноситься в повседневно-бытовом ключе. К ее приходу необходимо тщательно готовиться, ее приближение требует от жителя тундры внешнего и внутреннего переустройства. Этот бытовой

вектор предзимнего ожидания, в действительности становящегося экзистенциальным событием, обыгрывается в стихотворении «Зима наступает»:

Дни светоносные, большие
промчались...
Чум тундровики
меняют на передвижные
и утепленные балки.
С последним солнышком
хозяйки,
боясь минуту упустить,
весь гардероб свой — без утайки —
спешат проветрить, просушить.
Изнанкой вывернуты вещи,
подобно пестрому ковру
лежат...
Как юкола, трепещет
привязанная на ветру
сухая обувь.
Тучи хмуры,
полны грядущей темноты.
От инеев осенних шкуры
разбухли.
Греют животы
на бледном солнышке.
Иная
пора нам скоро предстоит.
И первый снег на все, сверкая,
с недоумением глядит.

[10. С. 73]

(перевод Александра Зорина)

Художественное восприятие лета нельзя назвать однозначным. Оно обжигающее, короткое, ослепляющее и внезапно исчезающее. Посвященных ему текстов у Огдо Аксёновой немного. У ее лета нет своей развернутой панорамы, своей полной картины реальности. Оно состоит из фрагментов, «отрывков» ощущений, переживаний. Лето в тундре — испытание для животных и людей:

Горло старой гагары
хрипело в жару
беспощадного лета...

[10. С. 102]

(перевод Александра Зорина)

Многие стихотворения Огдо Аксёновой о временах года напоминают детские стихи. В них почти нет сложно-противоречивой действительности мира взрослых, отсутствует фон экзистенциальных потрясений, обид, разочарования. Природа

в представлении долганской поэтессы — космос совершенно другого порядка, более высокого устройства, далекий от человеческих страстей.

Огдо Аксёнова в своих стихотворениях оперирует большим количеством культурно кодифицированных долганских лексем, реалий материальной и духовной культуры. Это очевидно ожидаемая художественная программа, позволяющая автору максимально детально, достоверно представить картину жизни долган. Подобные «затемненные» дефиниции становятся индексами идентификации, сигналами «своего». Многие из них не совпадают с якутскими эквивалентами, де-факто повышая степень лингвотерминологической самостоятельности создаваемых литературных норм долганского языка. Для Огдо Аксёновой поиск и последующая поэтизация долганских корней, категорий были магистральными задачами. Формирование литературных основ требовало от поэта особой языковой концентрации и селекции, определения тонкого слоя и утверждения хрупкой платформы отличий. Эта сложная научно-творческая работа Аксёновой для основной части читательской аудитории остается незамеченной. Однако отдельные элементы, эпизоды осуществленной лексико-понятийной фильтрации угадываются и воспроизводятся переводчиками на русский язык. Почти каждое стихотворение Огдо Аксёновой в переводах включает в себя долганские лексемы, которые семантически нередко перекликаются друг с другом, образуют самостоятельную концептосферу, уровни этнокультурной содержательности. Стратегия переводчика, нацеленная на сохранение долганских концептов, с точки зрения художественно-эстетических параметров полностью оправдывает себя. Представленный по-русски текст в значительной степени находится в поле национальной образно-символической изобразительности.

Примечательно, что воспроизводимые в переводах стихотворений долганские лексемы преимущественно относятся к материальному миру, сфере предметности. Этот факт указывает на важную черту творчества поэтессы: бытовая повседневность, окружающие этнофора вещи — не просто атрибуты, удобные и нетрудные для изображения сюжеты, факты действительности, а особое этноаксиологическое измерение бытия, одна из основ национального мироздания долган.

Значимый тематический аспект творчества Огдо Аксёновой — судьба родного языка, связанного с ним континуума «своего». В стихотворениях долганской поэтессы приоткрываются некоторые этнопсихологические нюансы восприятия мира носителями миноритарных языков. С одной стороны, пространство (языковое, культурное) чужих все чаще становится для них объективной системой координат, которую нужно уметь принимать, с которой следует смириться; с другой — внутреннее сохранение родного языка — условие духовного равновесия, своеобразный защитный фильтр, ключ к себе. Однако перечисленное — реалии бытия взрослого рефлексизирующего человека. Дети же чувствуют эти невидимые границы иначе, у них другие оттенки их восприятия. В стихотворении «Игра» Огдо Аксёнова преподносит читателю внутренние ощущения, ассоциации долганского ребенка, вынужденного жить в большом и чужом мире города. В сознании маленького этнофора еще не сложились четкие категории дифференциации, он живет эмоциями. Родной язык для него — одна из ключевых эмоциональных

составляющих малой родины, своего дома, семьи. Примечательно, что в тексте язык переключается с топографическими символами (океан, поселок, отчий дом):

В городе очень скучает Уйбачи,
Он вспоминает поселок рыбачий,
Лед океанский
И говор долганский...
Горкою корки от апельсина,
Рыжая лодка по скатерти скачет,
И улыбается мальчик Уйбачи,
Будто бы видит свой дом вдалеке
И говорит на родном языке...

[10. С. 62]

(перевод Александра Зорина)

Знаковость родного языка проявляется и в любовной лирике Огдо Аксёновой. Полное взаимопонимание влюбленных может достигаться только на родном языке. Интересно, что гармоничная любовь в художественном мире долганского автора возможна только с соплеменником. Сопряженность со «своим» становится гарантией подлинности, «проверенности» чувства, признаком искренности и надежности:

Солнце ясное гладит нас
Теплой рукой.
Твое сердце наполнено
Жаркой тоской.
На родном языке говори...
Быстро мчится река —
Воду не унесет,
Так и ветер
Слова наши
Не украдет.
На родном языке говори...

[10. С. 22]

(перевод Леонида Яхнина)

Отношение к родному языку у представителей «больших» народов и малочисленных этносов, по всей видимости, разное. В первом случае у этнофора зачастую нет глубинной духовно-эмоциональной соотнесенности с родным языком, он не чувствует ответственности перед ним, не задумывается о его будущем; во втором — лингвофор, напротив, находится на ином уровне языкового самоощущения. Язык для него — основа идентичности, ключевой культурный маркер. Он живет, творит в ожидании его скорого исчезновения, отсюда — драматические и экспрессивные интонации, «громкий» дискурс языковой тревоги, категоричность разделения мест, людей на своих и чужих.

Выделяющиеся на фоне других произведений «этнографические» тексты Огдо Аксёновой знакомят с укладом жизни долган. В таких стихах много бытовых подробностей, иллюстрирующих отдельные стороны материальной культуры наро-

да. В стихотворении «Чай оленевода» фигурирует загадочный кирпичный чай с белой солью, приготавливающийся при помощи веток тундровых берез и требующий к себе большого внимания, соблюдения важной последовательности:

Женщина из наших мест
В своем деле знает толк.
Ветки тундровых берез
Соберет — готов костер.

Самым первым на костре,
Лихо крышку приподняв,
Побежит кирпичный чай,
Да не пустит урибин...
Вкусен с белой солью чай...

[11. С. 46]

(перевод Валерия Кравца)

Мир малых бытовых радостей отражен в произведении «Что такое чум». Подчеркивается, что конструкция, устройство чума чрезвычайно простые («Связали шест с другим шестом, / Покрыв оленьей шкурой. / И вот готов долганский дом» [10. С. 11]). Внутренняя жизнь долганского чума — уют, спокойствие, тепло, сказки бабушки Кычи, ожидание возвращения мужчин с охоты.

У Огдо Аксёновой есть стихи, репрезентирующие ментальные черты долганского этноса. Речь в первую очередь идет о художественном освещении положительных качеств. В тексте «Обычай моих земляков» приводятся такие национально-ментальные характеристики, как миролюбие, толерантность, отзывчивость, гостеприимство:

Мы, долганы, спокойный народ.
Мы ненавидим войну и вражду.
Сомневаетесь?
Приезжайте к нам.
Увидите, как на промерзшей земле
юного солнца встречаем восход.
Точно так же встречаем гостей.
В каждом приезжем — солнечный луч.

[10. С. 78]

(перевод Александра Зорина)

Одно из поэтически приводимых табу, — запрет на кровопролитие:

Помню — чуть больше наперстка была —
порезала палец, брызнула кровь.
Сказала мне бабушка: «Не пролей
ни капли крови на землю... Смотри,
тундры миролюбивая дочь,
чтобы людская кровь не лилась...»

[10. С. 78]

(перевод Александра Зорина)

Обособленную жанровую группу в творчестве Огдо Аксёновой составляют так называемые песни. Особое отношение к данному жанру характерно для многих национальных поэтов, представляющих северные литературы. Песни, как правило, собираются в циклы, конструируют автономное измерение книг. (Подобный принцип организации художественного пространства, например, обнаруживается у ненца Юрия Вэллы.) Структурно такие песни часто отличаются от произведений, считающихся песнями в русской культуре. Им присуще более сложное ритмическое устройство, в переложении на русский они могут приобретать черты верлибра. Песни в поэтическом наследии Аксёновой имеют синтетическую природу, это перекрестье разных семиотических срезов, культурных и стилевых пластов. На уровне отдельных образных элементов, семантических контекстов они демонстрируют свою соотнесенность с долганским фольклором, принятыми в национальной культуре этнопоэтическими традициями. И вместе с тем очевидно фронтальное влияние соцреализма, «неравнодушного» к песенным формам и нацеленного на героизацию персонажей.

Песни Огдо Аксёновой при переводе на русский приобретают достаточно гладкую рифмовку. В долганском оригинале рифмы имеют более сложную, подчас — имплицитную природу. Переводчики, отталкиваясь от специфики заявленного жанра, нередко упрощают рифмовую конструкцию исходного текста:

Каранга кыһын каллааныгар
Табам тына тырылаата
хэй, хэй; хэй-хэй!

Чоокур, чоокур чыкыныыллар
Табаларым туньактара
хэй, хэй; хэй-хэй!

[11. С. 71]

К низкому небу на зимней заре
Тянется пар из оленьих ноздрей.
Хэй, хэй, хэй-хэй!

Четко копыта по насту звенят,
Мчат, как на крыльях, олени меня.
Хэй, хэй, хэй-хэй!

[11. С. 70]

(перевод Валерия Кравца)

Один из ярких образцов жанра песни в творчестве О. Аксёновой — текст «Песня охотника» [10. С. 51], в которой главенствуют соцреалистические символы, просматривается мотив восхваления родной земли. Мифологического содержания, элементов этнической кодификации в данном идеологически окрашенном произведении не обнаруживается. Следует заметить, что эта песня относится к раннему периоду творчества долганской поэтессы. Любовные песни, в основе которых — репрезентация женского Я, отличаются наивностью, эмоциональной

простотой. Ясность чувства, призыва, прозрачность желания, ожидания — на поверхности многих подобных текстов:

Ты охотник самый ловкий,
Ты милее всех парней...
Сердце девичье не льдинка,
Коля, Коля, Николай...

Лишь приду домой с работы —
От печали сердце плачет...
Каждый вечер возле дома
Жду тебя я, Николай...

[10. С. 57]

(перевод Валерия Кравца)

Одна из излюбленных песенных вариаций Огдо Аксёновой — колыбельная. Ее образная система, ритмическая структура восходят к фольклорным текстам, мифологическим представлениям долган. Анализируемые авторские колыбельные — монолог женщины, матери, обращенный к своему сыну. Декларируемый пол ребенка не случаен. Для традиционного долганского общества характерно разное отношение к рождению сына и дочери. Появление наследника воспринималось как большое счастье и расценивалось как божественный знак того, что жизнь рода не прервется. В рассматриваемых текстах отражена заклинательная функция, «программируется» судьба ребенка — мать «наговаривает» сценарий его будущего:

Тень колыбели скользит по стене.
Ночь охраняет твой сон голубиный.
Растешь ты, дитя мое, даже во сне.
Вырастешь — станешь мужчиной...

Ты на оленя садишься верхом,
Мчишься, как вихрь, снежной долиной.
Всех обгоняешь, парень, легко.
Вырастешь — станешь мужчиной...

[10. С. 12]

(перевод Леонида Яхнина)

Баю-бай, баю-бай,
Спи, малыш мой, засыпай...
Вырастай ты в молодца,
Стань похожим на отца...
Скоро твой наступит срок
За оленем мчать, сынок...

[10. С. 61]

(перевод Валерия Кравца)

Заключение

Поэтические тексты Огдо Аксёновой отличаются высоким художественным качеством. Поэтесса быстро ушла от соцреалистических стратегий письма, сделала основной акцент на проверенных лирических темах и хорошо знакомых образах. Применительно к творчеству Аксёновой речь может идти о поэтическом насыщении долганского языка, выстраивании его системы образно-символических компонентов, развитии внутреннего синтаксиса, расширении диапазона лирических ситуаций. В художественном мире Огдо Аксёновой представлен совершенно особый тип человека, этнофора, живущего, познающего себя и других в экстремальных природных обстоятельствах, климатических условиях. В некотором роде эти люди, литературы Крайнего Севера олицетворяют форпост мировой цивилизации, ими выработана уникальная система адаптации к сложнейшим внешним реалиям. Нельзя не сожалеть о том, что стихотворения Аксёновой забыты, ее творческое наследие почти не исследовалось, не переводилось на иностранные языки. В этом большая трагедия многих национальных писателей.

Список литературы

1. *Аmineva B.P.* Сопоставительное изучение русской и татарской литератур. Казань: Школа, 2017.
2. *Жулева А.С.* Этнологический аспект в исследованиях литератур народов Севера // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. М.: ИМЛИ РАН, 2014.
3. *Жулева А.С.* Трансцендентное в романах Юрия Рытхэу // Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах. М.: ИМЛИ РАН, 2017.
4. *Зейферт Е.И.* Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв. Караганда; Минск, 2007.
5. *Зейферт Е.И.* Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв. Лаге: BMV Verlag Robert Burau, 2009.
6. *Пошатаева А.В.* Литературы народов Севера: истоки, становление, развитие. М.: Наука, 1988.
7. *Султанов К.К.* От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007.
8. *Султанов К.К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
9. *Хазанкович Ю.Г.* Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Новосибирск: СО РАН, 2009.
10. *Аксёнова Огдо.* Признание в любви. Избранное. М.: Полиграфвидео, 1996.
11. *Аксёнова Огдо.* Бараксан. Стихи. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1973.

References

1. Amineva, V.R. 2017. Sopotavitel'noe izuchenie russkoi i tatarskoi literatur. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr «Shkola». Print. (In Russ.)
2. Zhuleva, A.S. 2014. "Etnologicheskii aspekt v issledovaniyakh literatur narodov Severa". In *Voprosy izucheniya istorii natsional'nykh literatur. Teoriya. Metodologiya. Sovremennye aspekty* [Questions of Studying the History of National Literatures. Theory. Methodology. Modern Aspects], edited by K.K. Sultanov. 337—366. Moscow: IMLI RAN. Print. (In Russ.)

3. Zhuleva, A.S. 2017. “Transtsendentnoe v romanakh Yuriya Rytkeu”. In *Voprosy izucheniya natsional’nykh literatur. Diskurs identichnosti v menyayushchikhsya kontekstakh* [Questions of the Study of National Literature. Discourse of Identity in Changing Contexts], edited by K.K. Sultanov. 300—319. Moscow: IMLI RAN. Print. (In Russ.)
4. Zeifert, E.I. 2007. *Zhanrovy protsessy v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX — nachala XXI vv.* Karaganda; Minsk. (In Russ.)
5. Zeifert, E.I. 2009. *Zhanr i etnicheskaya kartina mira v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX — nachala XXI vv.* Lage: BMV Verlag Robert Burau. Print. (In Russ.)
6. Poshataeva, A.V. 1988. *Literaturny narodov Severa: istoki, stanovlenie, razvitie.* Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
7. Sultanov, K.K. 2007. *Ot Doma k Miru. Etnonatsional’naya identichnost’ v literature i mezhkul’turny dialog.* Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
8. Sultanov, K.K. 2019. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost’: kommunikativnyi aspekt.* Moscow: IMLI RAN. Print. (In Russ.)
9. Khazankovich, Yu.G. 2009. *Fol’klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. Print. (In Russ.)
10. Aksenova, Ogdo. 1996. *Priznanie v lyubvi. Izbrannoe.* Moscow: «Poligrafvideo». Print. (In Russ.)
11. Aksenova, Ogdo. 1973. *Baraksan. Stikhi.* Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel’stvo. Print. (In Russ. In Dolgan)

Сведения об авторе:

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: arzami@rambler.ru

Bio Notes:

Aleksei A. Arzamazov is a Doctor of Philology, Leading Researcher of the Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: arzami@rambler.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-334-342

Research Article

Post-Colonial “Writing Back”

N.F. Shcherbak

St. Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The main aim of this article is to outline the state of the art of contemporary post-colonial literature related to the names of Vidiadhar Surajprasad Naipaul, Theodore Wilson Harris, Amos Tutuola, Grace Nichols, Amryl Johnson, Fred D’Aguiar, Maryse Conde. The theory of post-colonial studies put forward by Franz Fanon is considered to account for the creation of a new type of a post-colonial writer who maintains his own identity and is not related to any stereotypes, being in a way a Gorgon face that freezes anyone who wants to apply European or North Atlantic views on it. This sort of literature largely breaks the rules of the English language in the case of Anglophone literary sources that are considered in this research. A tendency is to develop a new kind of narrative regarding historical novel as well as classical post-colonial literature in the face of S. Rushdie or Garcia Marquez.

Key words: post-colonial literature, post-colonial theory, post-colonial reading, post-colonial thinkers

Article history:

Received: 27.04.2020

Accepted: 29.06.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Scherbak, N.F. 2020. “Post-Colonial “Writing Back””. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 334–342. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-334-342

© Щербак Н.Ф., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

«Ответное слово» постколониальной литературы

Н.Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Описано состояние современной постколониальной литературы, связанной с именами Видиадхара Сурадхпраасада Найпола (Vidiadhar Surajprasad Naipaul), Теодора Вилсона Харриса (Theodore Wilson Harris), Амоса Тутуолы (Amos Tutuola), Грейс Николс (Grace Nichols), Амриль Джонсон (Amryl Johnson), Фреда д'Агюяра (Fred D'Aguiar), Мариз Конде (Maryse Conde). В связи с рассмотрением политических традиций функционирования колоний и постколоний прослеживаются основные тенденции развития постколониальных теорий литературы, в частности психологической теории Франца Фэнона, парадигмы формирования идентичности жителя постколонии и, соответственно, образа героя литературного произведения. Изучается проблема «взгляда Медузы Горгоны», т.е. литературы, которая приходит на смену доминирующему («северо-атлантическому») взгляду устоявшихся стереотипов, которые не позволяли исконной литературе коренного населения показать свою идентичность. Важным фактором функционирования такой литературы становится создание измененного варианта английского (или испанского, французского языков), сходного с языком пиджин, который разрушает привычные языковые нормы. Авторы таких произведений нередко проводят описание жизнедеятельности потомков жителей колоний при переезде в европейские страны. В случае с классиками литературы (на примере Г. Маркеса или С. Ружди) очевидна еще одна тенденция — легитимность постколониальной литературы, т.е. создание классического паттерна. Для подтверждения данного положения приводятся отрывки дневников из недавно предоставленного Техасским университетом архива Г. Маркеса.

Ключевые слова: постколониальная литература, постколониальная теория, постколониальное чтение, постколониальные мыслители

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.04.2020

Дата принятия к печати: 29.06.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Щербак Н.Ф. «Ответное слово» постколониальной литературы // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 334–342. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-334-342

Introduction

In his three-stage scheme of development of the identity of the resident of the colony or post-colony, as well as discussing the principles of anti-colonial struggle, Franz Fanon considers the first level, the so-called colonial “assimilation”, which inevitably leads to

the second phase, the phase of “breach”, which, among other factors, encourages the step of the “recovery of the author’s identity by restoring the cultural traditions, a phase, after which “usually comes the third stage of post-colonial literature development, namely the stage of “struggle”” in which you get “a thinking author, the one who is the original inhabitant of the colony”, but who, in his own right, is the object of post-colonial criticism, who at first stages tried to get lost among people, but at the third stage begins an active struggle to restore freedom, assert his political role, and resist colonial aggression. Thus, in consideration of post-colonial literature theories one could observe a vital trend — the development of psychological theories originally put forward by Franz Fanon and his definition is “a three-level panorama”, which includes the steps of forming the identity of the resident of the colony or post-colony, and, consequently, the main character of a literary work.

In recent years, the views of the main theorists of post-colonial literature, represented by Said, Spivak and Homi Bhabha, show that the post-literary tradition includes postmodern, meta-modernist literature, feminist literature, as well as trends in the formation of literature of the indigenous inhabitants of the colonies, and literature written by the descendants of the inhabitants of the colonies, who received education and moved to live in the former conquering country. Post-colonial literature includes authors from the Caribbean (North Atlantic or Caribbean writers), such as the Trinidadian author Vidiadhar Surajprasad Naipaul, Caryl Phillips; English-speaking Guyanese writer, major historian of post-Indian culture Dabydeen David, English-language author of the Chinese origin Timothy Mo, English-language author of Japanese origin Kazuo Ishiguro, English-language author of Indian origin, classic of post-colonial literature Salman S. Rushdie, Guyanese writer Sir Theodore Wilson Harris; African (Nigerian) writer Amos Tutuola. Heroes of such literature study the topic of “the influence of the factor of globalization, hybridity on their identity” [1. P. 498], as do the heroes of the books of the Anglo-Chinese writer Timothy Mo. One of the main themes of the author is a satirical examination of issues related to corruption in Third World countries, as well as the problems of English-speaking residents in the Philippines and in the UK.

Another interesting trend in the development of fiction in modern post-colonial literature concerns historical prose. Thus, according to H. Prieto-Arrans, the emergence of historical prose is explained by the reaction against postmodernism and post-structuralism, which deny the traditional narratives (grand narratives) and is in some way a return to history [2]. The so-called “post-millennial shift” denies the relativity of postmodernism in relation to political doctrines. In English-language literature (Anglophone literatures) or French-language, Spanish-language, Portuguese-language literature, there is a clear emphasis on the multi-directional vector of memory image development, cross-references, and borrowings. This type of narrative uses either an indirect method of describing events, or a detailed personal and autobiographical (or pseudo-autobiographical) narrative that explores the tension created between private actors and entire institutions, or individual, private history and generally accepted points of view. The development of meta-modernism is not a philosophy, it is not an artistic note, a visual concept, a literary device, or a trope, but a structure of feeling. This structure of feeling finds its embodiment, according to V. Serbinskaya, in various nominal languages that have been described in detail by scientists and researchers and were coined: “new

sincerity”, “quirkiness”, “freak-folk”, “new romanticism”, “new materialism”, “speculative realism”. The beginning of the 21st century is the defining period for the transition from postmodernism to meta-modernism (just as the sixties were the period of transition from modernism to postmodernism). This trend is embodied in post-colonial literature due to the fact that its main dominant is not sad images of the past, but life-affirming characters and stories. Another term proposed by literary critics is the term digi-modernism. This term can denote a trend in culture that has replaced postmodernism, noting the irony and skepticism of a certain infantilism, romantic seriousness, infinity, and evidence of reality. At the same time, any text created in this aesthetics, by definition, is incomplete and optimistic, since it implies the participation of several persons in its creation, or an imitation of such a process of text generation.

Discussion

There is a pronounced tendency to create a new image of a resident of the former English-speaking (or French-speaking colony), who becomes the main (or secondary) character of post-colonial literature. His views are not due to the influence of a Western author or a political force that determines his identity, but are formed on the basis of native traditions and specific language means. Feminist literature, as well as indigenous literature, is becoming the main focus of research by theorists, and is becoming popular among readers. Authors often cannot associate themselves only with a specific country, telling about a whole set of countries and relationships between heroes, families, and entire continents.

A large number of English-speaking authors, representatives of the Empire, explore the problem associated with post-colonial literature, write about it with nostalgia, but a certain condescension, which is so characteristic of the representative of the conquering country. The fall of the British Empire was one of the main themes of fiction, starting with Kipling, F. M. Foster's *A Passage to India*, Paul Scott's *Johnny Sahib* (1952) and *Raj Quartet* (1966-1975). Similarly, Anthony Burgess in *Time for a Tiger* (1956), *the Enemy in the Blanket* (1958), “*Beds in the East*” (1959) showed a great interest in non — English, that is, international experience. In the 70s and 80s, interest in the experience of living in other countries, especially the former colonies of Great Britain, was particularly pronounced in the works of young researchers at the University of East Anglia, among whom are Malcolm Bradbury, literary teacher of Kazuo Ishiguro, and Andrew Motion.

Of much interest is post-colonial literature, which was created by the descendants of the inhabitants of the colonies who came to the UK. In this sense, the literature created by these writers does not fall under the term post-colonial, but forms its own niche, those authors who encountered the culture of the conquering country already on their own land in the era of post-colonial development. Literary texts have a special relationship to the English language. The main characters of these works assert their own identity, and at the same time distort, almost specifically, the norms of the English language [1. P. 493–500]. In the 1950s, Sam Selvon was a Trinidadian writer who created his works in the Creole version of English, having moved to the UK in 1950. Among his most famous works, *The Lonely Londoners* (1956), *I Hear Thunder* (1963), *Moses Ascending* (1975). In these works, the English language acts as one of the main characters of the

narrative, with its own grammar and music. Here, for example, are the descriptions given by the author in the novel *Lonely Londoners*:

It have people living in London who don't know what happening in the room next to them, far more the street, or how other people living. London is a place like that. It divide up in little worlds, and you stay in the world you belong to and you don't know anything about what happening in the other ones except what you read in the papers [3].

It is obvious that the description is filled with sadness, minor distortions (divide) show that the text is written by a native speaker of a non-standard version of the English language, which is particularly obvious in the following example:

It had a fellar call Five Past Twelve. A test look at him and say, 'Boy, you black like midnight'. Then the test take a second look and say, 'No, you more like Five Past Twelve [3].

Some language distortions (it had a fellar call) are not as eloquent as the joke itself about a person who is called Five Minutes past one, and the style and register are such that it can be assumed that in addition to the meaning of "strange", it also means "sexy". In addition, comparisons of the "guy" with the clock give out a certain regularity of the author (in some fragments, he also compares the Piccadilly square with the magnet of the Universe. Such metaphors as the "city" — is the "universe", the "body" is the "clock" make the works in many ways post-modernist, its space-time sub-systems are diverse and implemented in a large number of options and contexts.

To a larger extent, this kind of metaphor is similar to the first episteme (Renaissance episteme) in M. Foucault's system of epistemes, in which "words" and "things" change places and mix. Another technique that is actively used by S. Selvon is evident in books about Moses, in which events are described through the so-called "focalization", that is, only through the prism of Moses's consciousness (as, for example, in the book *Moses Ascending* (1975)).

Another prominent representative of the post-colonial trend is Ken Saro — Wiwa, a Nigerian writer and public figure who organized campaigns of violent resistance to transnational corporations and the Nigerian government. The book *Sozaboy: A Novel in Written English* (1985) is written as an anti-war demonstration, which takes place during the civil War in Nigeria. The main character, Mene, has very naive views about military service. He believes that in the Army, he will grow up, attract the attention of the girl Agnes, whom he loved, and also impress the villagers where he lives. In real life, everything turns out to be completely different. In this case, the current trend of considering history is obvious, as well as an open war against binary oppositions and stereotypes that are debunked right before our eyes, creating the effect of real life, rather than a far-fetched fantasy.

To a large extent, innovations by authors of post-colonial literature concern poetry, many of which use reggae texts. This includes authors such as Grace Nichols, Amryl Johnson, and Fred D'Aguiar. Grace Nichols is a Guyanese poet and author of books for children. After graduating from the University of Guyana, she taught at school and studied journalism. In 1977, she moved to the UK. Her poetry is based on her native Caribbean rhythms and carries the traditions of American and Guyanese folklore. So in the cycle the *Fat Black Woman's Poems* (1984) collected poems, the lyrical heroine of which is not a slender European woman, but a completely unattractive (from the point of view of

stereotypes) black woman. The poet recreates the experience of “otherness”, allowing you to experience a completely different, and at the same time similar paradigm of perception of the world, again destroying the usual oppositions. In one of the poems of the cycle *Blow Winds Blow* (1983), the poet writes about her feelings, the beating of drums, the Voodoo religion, but writes about it allegorically (in the text: here, Vaudoux, that is, “here, Voodoo”), thus referring to Haiti, religion, to what can heal and kill at the same time.

The image of post-colonial literature is sometimes compared, especially in previous colonial years, to the image of the Gorgon Medusa, which, as tradition says, paralyzes any reader or author with its gaze, that is, in the face of the “North Atlantic modern”, which is prone to making everything mediocre (averaging and discrediting), but always makes you turn back to the tradition. Fumagalli refers to a large number of texts (both modern and the ones that date back to the 12th century and which belong to the authors, residents of the Caribbean), and writes about their infinite variety. The literary works under research include historical short stories by Guadeloupean author Maryse Conde, ancient Egyptian fairy tales, romantic short stories by Jamaican authors, and a poem by Nobel Laureate Derek Walcott [4. P. 135–139].

The authors of the Caribbean countries would also include stories of the Colombian writer Garcia Marquez, an example that is, indeed, exceptionally successful, since Marquez operates with the tradition of the native population, actively using the methods of modern, postmodern literature, which allows him (similar to S. Rushdi), to claim the role of a classic of post-colonial literature. What is the reason for it?

Garcia Marquez, first of all, is a national writer, and at the same time a popular writer, in a sense, an epic one. This is an author whose works are read with joy all over the world, and, at the same time, he is a writer who, like no other one, has preserved an amazing identity, a sense of his own land, country and tradition. All these points can perhaps be illustrated by the phrase that Colonel Buendia expresses in the book *One Hundred Years of Solitude* (the novel that brought Marquez world fame). Waking up early in the morning, the Colonel suddenly makes a stunning discovery. “The earth is as round as an orange!”, he states. The discovery of this kind for any person on the planet is joyful, a little naive, and universal, and, here, the comparison of the earth with an orange, has, perhaps, its own special national flavor, as well as lime and earth, which one of the heroines of the novel *One Hundred Years of Solitude*, the orphan Rebecca, constantly chops off the wall and quietly eats! For Marquez, love is the embodiment of a demon (that is, non-Christian, primordial, pagan). That is, what should and should be fought against (and (and, accordingly, what often wins over a person, hence the metaphor of “murder” or “death”). One of the works is called “about love and other demons” (the epigraph for this book, by the way, is the words from Thomas Aquinas, “Hair probably rises much earlier than other parts of the body”. Thomas Aquinas. About the resurrection of the body as a whole. Section 8, Chapter 5). Love for Marquez often occurs against the background of global catastrophes, which is the best setting (as in the novel *Love During the Times of Cholera* (1985)). The main features of the literary direction that Marquez follows are accurate, “realistic” detail in describing eccentric characters and supernatural events. Marquez admitted that he decided to “destroy the demarcation line between what seemed real and what seemed fantastic, because in the world that he sought to embody, this barrier did

not exist”. For his characters, “Christian morality”, “Republican traditions”, “currency famine”, “social progress” are the same products of modern magical consciousness as belief in spirits, fairy tales, mystical experience and corruption.

An even more important factor for understanding the figure of the author—a classic of post-colonial literature, which Marquez creates on the pages of his works, becomes not so much his political activity, but the authority of his personality on the political horizon, and, accordingly, the interpretations that such an image entailed. Some Internet sources (in particular, the popular newspaper *El País*, dated October 3, 2014), write that during the US presidency of Bill Clinton (1993—2001), Garcia Marquez, at the personal request of the President of Mexico, Carlos Salinas de Gortari, informally mediated negotiations between Clinton and the Head of the Republic of Cuba, Fidel Castro (*La mejor novela de espías de García Márquez*. EDICIONES EL PA S S.L.). The reference, however, is given to the art book *Back channel to Cuba*, written by William Leogrande and Peter Kornbluh, who allegedly revealed secret documents about negotiations between Cuba and the United States, starting with the Socialist Revolution in Cuba in 1959.

Here is what information is contained in a more reliable source: the Garcia Marquez archive, recently released digitally and published for the University of Texas at Austin’s Harry Ransom Center website. The archive, in particular, contains detailed records of meetings between Garcia Marquez and Bill Clinton, Garcia Marquez and Fidel Castro. One of the notebooks describes Marquez’s famous (and often interpreted) meeting with Bill Clinton and Hilary Clinton at the White House, along with other guests, including Carlos Fuentes, a Mexican writer and diplomat. A meeting that lasted five hours [5].

According to the information provided in the archive as a summary of what happened, Marquez talked about both the drug trade and Colombia. The text of the same completed summary of the meeting, stored in the archives of Marquez, at some point in the middle of the discussion, Clinton decides to change the topic of the discussion and begins to talk about literature. In response to this, he receives the desired answers from his interlocutors—the names of his favorite novels. *The Adventure Of Huckleberry Finn* by Mark Twain, *The Count Of Monte Cristo* by Alexandre Dumas. Clinton quotes Faulkner’s *the Sound and the Fury* from memory, explaining which part of this work is more complex:

Así que el mismo Clinton desvió la conversación hacia la literatura. ¿Qué libro le hubiera gustado escribir a Styron? preguntó Clinton, para iniciar la ronda. “Huckleberry Finn”, de Mark Twam, respondió el anfitrión. ¿Y a Gabo? “El conde de Montecristo”, de Alejandro Dumas. <...> Me gusta más Absalón, Absalón”, señaló Clinton, “pero sobre todo admiro la sejaínda parte de El ruido y la furia”. Los coitertulios se sorprendieron, porque esa es, como dice García Márquez, “la parte más compleja, y la más meritoria y difícil, del trabajo de Faulkner.

[And then Clinton turned the conversation to literature. “What book would have liked to write to the Styron? Clinton asked to start the round. “Mark TWAIN’s Huckleberry Finn”, the owner replied. “And Gabo?” “The count of Montecristo by Alexandre Dumas” ... And I like Absalon, Absalon” Clinton said. “But most of all I like the second part of the Sound and the Fury. Everyone present was very surprised, as Garcia Marquez said, “this part is the most complex and confusing of all Faulkner’s works] [5].

If the conversation with Clinton seems much more formal, stretched, held rather from a sense of duty than a sincere desire to help, the meeting with Fidel Castro for Marquez

is much more emotional, as evidenced by the words of Marquez against Fidel Castro, very open and sincere: “to sum up, without a single break but my or someone else’s, I would like to say the following: I’m friends with F(idel) for many years, I admire him, I respect him and I love him very much”:

En síntesis, y sin una sola interrupción suya ni de nadie, le dije lo siguiente: Lo primero que quisiera decirle es que no sólo mantengo con F una gran amistad desde hace muchos años, sino que además lo admiro mucho, lo respeto mucho y lo quiero mucho.

[Summing up, without giving my own interpretation, or any other, we can say the following: I have not only maintained a friendship with Fidel for many years, but I also admire him very much, respect him, and love him very much”] [5].

Developing the idea that the United States has made Fidel an image of a primitive and brutal dictator, Marquez writes in his diary that Castro, in fact, is a completely different person, very well educated, versed in world politics, a man with experience, and a political gift of rare Providence, a brilliant orator:

Los USA le han creado la imagen de UN dictador primitivo y cruel, y es todo lo contrario: un hombre muy bien educado, muy bien informado del mundo, de una experiencia y de una lucidez políticas excepcionales, y un lector poco común.

[The United States has created an image of a primitive and brutal dictator, in fact: the opposite is true, he is a very well-educated, well-informed person with experience and an amazing political gift, an excellent public speaker] [5].

During one of the meetings with Fidel Castro, Marquez himself asks Fidel a question about literature, but this is not done to change the topic of conversation, but is shown as a completely relaxed continuation of the conversation on a friendly basis. This is the all-reconciling summing up question Marquez asks Fidel: “What are you reading now?”:

Y ahora, terminemos con estos discursos y dígame una cosa: “¿Qué libro está leyendo?”
[Let’s end this discussion, tell me what you are reading now?]

In this case, the story shows not even a specific political activity of the writer, but rather his image of a worthy, trustworthy, wise man and public figure. The literary works of Garcia Marquez are an attempt to combine the image of the original hero of the post-colony and the traditions that have always been. An interesting fact is that such a figure becomes somebody to bridge the gap between the old and the new world, between the post-colony world and the Empire or conquering country.

To sum up, there is a certain “answer” to post-colonial literature, an answer in the meaning of what is indicated in the book “the Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literature” [Ashcroft, Griffiths, Tiffin 1989], written by Bill Ashcroft, Gareth Griffiths, Helen Tiffin and released in 1989. The book is dedicated to post-colonialism and is the first truly serious theoretical work, covering a large number of post-colonial texts, which is devoted to the study of post-colonial culture.

Conclusion

Post-colonial literature, which replaces the dominant view of former colonies that did not allow indigenous literature to show its identity. An important factor in the

functioning of such literature is the creation of a new type of English, Spanish (or French) citizen, who destroys the usual norms and stereotypes. Such literature is characterized by a description of the life of the descendants of the inhabitants of the colonies after their moving to European countries, or a recreation of their life in a post-colony, addressing issues of hybridity.

References

1. Carter, R. and McRae J. 2001. *The Routledge History of Literature in English*. London, New York. Print.
2. Boccardi, M. 2009. *The Contemporary British Historical Novel: Representation, Nation, Empire*. London. Print.
3. Selvon, S. 1956. *Lost Londoners*. London: Longman. Print.
4. Fumagalli, M.C. 2009. *Carrabean perspectives on modernity. Returning Medusa's gaze*. London: University of Virginia Press. Print.
5. Marquez, G.G. *Series IV. Personal and Career Related*. 1952—2014. Box 77. Folder 5. Web. URL: <https://hrc.contentdm.oclc.org/digital/collection/p15878coll51/>. Date 11.07.2019.

Bio Note:

Nina F. Shcherbak is a PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Linguoculturology, St. Petersburg State University. E-mail: alpha-12@yandex.ru
SPIN code — 7253-0707
Scopus ID — 57200526072

Сведения об авторе:

Щербак Нина Феликсовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alpha-12@yandex.ru
SPIN код — 7253-0707
Scopus ID — 57200526072

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-343-351

Научная статья

Концепт «память» и национальный образ мира в творчестве Александра Кана

С.В. Ананьева

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова
Министерства образования и науки Республики Казахстан
Республика Казахстан, 050010, Алматы, Курмангазы, 29

В мировом литературном процессе довольно распространена тенденция, когда писатели — представители своего народа и своей культуры живут за пределами исторической родины. Поиск ответов на важнейшие вопросы современности, вызовы глобализации способствуют раскрытию этнокультурного мира, общечеловеческое и общемировое волнует каждого из них. На примере творчества А. Кана раскрыто, как оппозиция *свое/другое* и *свое/чужое* позволяет передать национальный образ мира и национальное мироощущение. Принцип равноправия и признания *другого* как равного себе — основа диалога. Романы, повести, эссе А. Кана во многом автобиографичны и направлены на осмысление пути родного народа, его предназначения на земле. Путь родной литературы в представлении А. Кана — от литературы отчаяния через литературу томления и преодоления к бесконечной великой литературе великого сердца.

Ключевые слова: этническая идентичность, время художественное, концепт «память», история как миф, концепт «дом», диалогичность поэтик, эссе, коллективная травма

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.05.2020

Дата принятия к печати: 29.06.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Ананьева С.В. Концепт «память» и национальный образ мира в творчестве Александра Кана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 343–351. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-343-351

© Ананьева С.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Concept of Memory and National Image of the World in Literary Texts of Alexander Kahn

S.V. Ananyeva

M.O. Auezov Institute of Literature and Art
Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
29, Kurmangazy, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

A fairly common trend in the global literary process is when writers — representatives of their nation and their culture — live outside their historical homeland. The search for answers to the most important questions of our time and the challenges of globalization in relation to the ethnocultural world concern each of them. A. Kahn's work reveals how opposition of 'one's own' versus 'the other' conveys the national image and national attitude. The principle of equality and recognition of the other as an equal to oneself is the basis of dialogue. Novels and essays by A. Kahn are largely autobiographical and aim at understanding the path of the compatriots, their mission on earth. The path of national literature in the mind of A. Kahn is from the literature of despair through the literature of longing and overcoming to the endless great literature of a great heart.

Key words: ethnic identity, artistic time, memory, history as a myth, concept *home*, dialogic poetics, essays, collective trauma

Article history:

Received: 17.05.2020

Accepted: 29.06.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Ananyeva, S.V. 2020. "Concept of Memory and National Image of the World in Literary Texts of Alexander Kahn". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 343—351. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-343-351

Введение

Многогранный и разнообразный культурный контекст современности создаст предпосылки для качественно нового осмысления современного развития национальных литератур. В поисках эстетической свободы (символично название книги Евгения Шишкина «Я свободен» [1]) писатели и поэты возвращаются к традиционным ценностям реализма, лирико-автобиографическому повествованию и к реалистической манере письма. В то же время картины реальности и художественного вымысла в повествовании причудливо переплетаются, продолжая эксперимент авторов художественных текстов с языком и стилем, графическим оформлением разными шрифтами, включением sms-сообщений, визуального, монтажно-клипового ряда изображений.

Открытая и предельно обнаженная авторская манера повествования характерна для прозы Александра Кана. Современный романист, драматург, эссеист пишет на русском языке. И сам предпринимает попытку ответить на вопрос: к каким мировым стилям и направлениям можно отнести корейскую литературу на русском языке? Корейский русскоязычный автор, по мнению А. Кана, «волен работать в самых разных стилистиках и манерах — архаической, реалистической, модернистской, — выстраивая свой сюжет линейно или метафорически, играя с языком или относясь к нему слишком буквально, используя те или иные уровни художественной условности, создавая одно- или многоэтажные произведения, кому как по силам. Суть не в этом, а в том, что всех нас, как это видно из “Книги белого дня”, объединяет один пронзительный посыл совершенной любви к несовершенному миру, через который наша стойкая, дерзкая литература, в своих лучших проявлениях, своим чистым голосом присоединяется к хору литературы мировой» [2. С. 271].

Непревзойденным мастером слова и образа является известный русскоязычный прозаик Анатолий Ким. Поэтика его романов и повестей не просто оригинальна, в каждом последующем произведении российский прозаик так раскрывает образы героев и выстраивает повествование, что поднимает его на новый уровень. Творчество А. Кима «развивается по двум направлениям — корейскому, герметичному, под тяжелым небом изгнаннической, родовой, национальной судьбы, с четкой, детерминированной... под стать древнегреческой, драматургией, и русскому — напротив, неохватному, настежь открытому всем любопытствующим взглядам, залетным ветрам, драматургически не оформленному, а скорей портретному, где писатель больше художник... Как ему разрешить в себе два этих, никак не соприкасающихся мира, а об их пересечении вообще говорить не приходится» [3. С. 202]. Все это отражается в диалогичности поэтик произведений.

Диалектику развития его художественного пространства А. Кан видит следующим образом: волнуемое сахалинское море — плодоносящее луковое поле — проповедующий Отец-Лес. Писатель обратил корейского героя к русской жизни и космосу, продемонстрировав «всю возможную мощь и магию художественного слова, на что оно, слово, способно» [3. С. 220].

Разные культурные практики обогащают стиль А. Кима. Коллективная идентичность, дематериализация прошлого, память — в центре его прозаических произведений. Нарратор пытается осмыслить свое предназначение на земле, будучи уверенным в том, что как писатель он родился в дальневосточной деревеньке Роскошь и именно деревня — главное хранилище духовных ценностей и нравственного богатства. И в то же время подтверждает всем своим творчеством приверженность национальной классической корейской литературной традиции.

Обсуждение

В эссе «Третий Гамлет (Мировые диаспоры XXI века: опыт литературного осущестления маргинального героя)» А. Кан выделяет в современной литературе корейцев СНГ три направления: литература *архаики*, литература *ассимиляции* и литература *сопротивления*. Поэты архаики обращаются к дальневосточной поэти-

ческой традиции, что приводит в современной социокультурной ситуации к бесконечному оплакиванию утраченных культурных ценностей [4. С. 200]. Представители второго направления — некоторые поэты корейского происхождения (Диана Кан и др.) пытаются ассимилироваться в русской литературе.

Литературу сопротивления А. Кан рассматривает на примере своего творчества, приходя к выводу, что литература корейцев СНГ — «русская по языку, корейская по ментальной пластике и экзистенциальная по своему окончательному выходу, по всем ее гамлетовским вопросам» [4. С. 204].

Диалогичность поэтик включает диалог индивидуального и общественного опыта. Вот как это происходит у А. Кана: «... Я высвобождал близких, дорогих мне людей, замурованных прошлым, политическим режимом, исторической несправедливостью, расизмом и ксенофобией, собственными слабостями, ошибками, просто кривым и дырявым пространством и временем, и возвращал им жизни в своих рассказах, воскрешал их смыслы, которые обыкновенно так стремительно исчезают с уходом людей. И свое сочинительство, и свою литературу я воспринимал уже как некое религиозное действо по возвращению живых и ушедших из духовного небытия» [5. С. 233]. На примере своего творчества современный казахстанский автор раскрывает главный смысл литературы коре сарам — собирать и создавать из осколков прошлого бессмертные образы людей.

Символично название пьесы А. Кана «Коридор», действующие лица которой меняют свои облики. Нравственные ценности трансформируются. Экзистенциальное ощущение одиночества в пьесе «Коридор» (жанр которой самим автором определен как патриотическая комедия) сквозное: «Самое страшное, когда рядом люди, а на самом деле — никого...» [5. С. 162]; «Всем одинаково плохо и одинаково хорошо» [5. С. 162]; «А сейчас, как в тоннеле: ни начала, ни конца... Вот когда-нибудь войду и обратно не выйду» [5. С. 164]; «Везде одно и то же. Замкнутый круг» [5. С. 180]. Призраки бывшие, родные, близкие, дальние, куклы, тени...

В сборнике «Дорожка феи в саду», посвященном 75-летию Республиканского корейского театра музыкальной комедии и 70-летию проживания корейцев в Казахстане, опубликованы пьесы Хан Дина, Цой Ен Гына, Анатолия Кима, Лаврентия Сона, Генриетты Кан и Александра Кана. Тональность пьес самая разнообразная: от трагико-эпических нот при воссоздании картин прошлого (депортации, военного времени и т.д.) до искрометных, образных и точных интонаций в текстах музыкальных сказок и комедии-фарса, реплики действующих лиц которых из далекого прошлого звучат порой актуально и современно. В пьесах корейских драматургов раскрыты фольклорные образы и мотивы.

Этнические и этические проблемы, связанные с изображением коллективной травмы последствий депортации 1937 года, в текстах корейских авторов присутствуют постоянно. О депортации размышляет один из героев пьесы А. Кана «Коридор» — современный писатель, который «ручонками своими так мелко-мелко по листу водит, и прямо видно, как из-под пера его маленькие человечки враспынную разбегаются, потом он их — раз! — волевым движением коротенькой руки обратно — в колонки, темницы — вот тебе и самая настоящая депортация!» [5. С. 162]. Изучение дискурса о депортации в современной художественной литературе корейских авторов позволяет рассматривать влияние исторической трав-

мы на современную культуру, на сохранение и развитие «открытого критического пространства, принимающего во внимание параллели между перекликающимися концептами и эпистемологическими традициями постколониального и деколониального дискурсов» [6. С. 42].

Концепт «дом» в пьесе «Коридор» так или иначе находит отражение в репликах персонажей. Римма отвечает бывшему мужу: «А где он, дом? Вот мой дом! (Шумно раскрывает зонтик)» [5. С. 164]. Аня, подруга Антона, 16—17 лет мечтает, как и героини «Трех сестер» А.П. Чехова, уехать в Москву и жить так, «чтобы никто не мог уходить из моего нового дома и возвращаться, когда пожелает» [5. С. 174]. Антон, сын Риммы и Бориса, собираясь вслед за Анной, просит немного времени, чтобы «попрощаться с домом. Мысленно». Концепт дома оживает в просьбе Бориса, обращенной к матери: «Мне срочно нужен здешне-тамосный словарь». И в диалоге матери с сантехником: «Разве книги спасут, если дом рухнет? Книжки надо читать в светлом, чистом и сухом доме» [5. С. 176].

Мотив ухода из дома (Анна, Антон, бабушка) и вынужденного возвращения (Римма) проходит красной нитью через всю пьесу. Нет дома у соотечественника, приехавшего из-за рубежа, он приглашает всех в ресторан на прощанье. И концепт дома вырастает до концепта Родины, маленьких родин, разделенной родины; чудесной родины, пасторальной картины из окна проносающегося поезда, выйти из которого нельзя; родного городка, в котором родилась Римма. Родина гостя — технический прогресс:

Освободили нас: послали на рудники, понастроили заводов, железных дорог, магазинов, небоскребов, военно-морских баз, банков... А теперь, где бы я ни был, везде вижу: технический прогресс. И гордость меня переполняет... Технический прогресс — это и есть моя Родина [5. С. 183].

Лейтмотив непрекращающегося дождя варьируется. Вслух читает страницы «Библии» о потопе пришедший по вызову сантехник. И дождь, и коридор оживают в репликах матери, одной из главных героинь. Коридор может шалить и хулиганить, менять свою длину, трансформироваться, укорачиваться (в детстве) и удлиняться (сейчас). Приезжий гость не понимает значения слова «коридор», ему пытаются объяснить, подбирая синонимы и выстраивая синонимический ряд: проход, вестибюль, тоннель, шахта, мостик — нежилое, промежуточное пространство. Ложь, грубость, невежество, потемки — это все тот же коридор, темный и душный, которого так боится мать.

О депортации пишет современный писатель, «творчество» которого прочел всемогущий Аполлон (именно он решает, кого отправить в поездку на историческую родину): «...Между табличками слова — “свобода”, “самосознание” — вот еще такое слово помню: “депортация”». А вот молодая героиня пьесы, Анна, рассказывает о матери, ждущей отца: «Она сейчас как сумасшедшая стала, все ходит по комнате — из угла в угол. Как заключенная за час до освобождения» [5. С. 173].

Важно, что драматург сам в беседе с автором статьи раскрывает замысел пьесы и объясняет движение сюжета: «Таким образом, в этом печальном произведении моими героями была осуществлена попытка — трагикомическая, истерическая,

драматическая! — выбраться из Коридора, но это, как видится, невозможно сделать, поскольку любое родное пространство, в котором мы обитаем, каким бы уродливым оно не было, срастается с нашей душой, плотью и памятью».

Интересно проследить, как А. Кан от образов Человек-капсула («Невидимый остров») и Человек-река («Свидание с комнатой») переходит к образу-понятию — Человек-коридор, «когда это проклятое пространство уже вросло глубоко в тебя и даже формирует твое мировидение».

В романе «Треугольная Земля» А. Кана было прослежено формирование сознания у всей диаспоры и отдельной личности, «после многолетнего коридорного существования»:

Да, жизнь моя есть один коридор, правда, бывало, свернешь налево или направо, а там как бы комната, а в ней человек, но присмотришься, не человек это, а дверь, за которой другой коридор, и даже не обидно, остановишься в раздумье, — а теперь куда? Сам себе и ответишь, что нет разницы никакой, куда, все равно кругом коридор, и, значит, это и есть путь человеческий, и нет ни рая, ни ада, а есть один коридор, и ветер в лицо.

Герои произведений А. Кана всегда — перед выбором. Свой экзистенциальный выбор они совершают вопреки опасности и, порой, страху собственной гибели. Герои умирают и рождаются заново: «И тогда начинается новая полнокровная жизнь с построением нового свободного мира». Центральное место в эссе «Невидимый остров» занимает память. «Память как пустота. Память как ожог» [7. С. 420]. А. Кан вводит понятие этнического экзистенциализма [7. С. 423]. Принципиально важным для национального сознания он считает самоощущение вечного гостя: «Оказавшись на чужой территории, кореец автоматически расставался со своей культурой, традициями, национальным духом» [7. С. 423]. И в любом случае он попадал под сильнейшее влияние русской культуры. В то же время он оказывался словно в состоянии междуязычия (незнание корейского и русского языков), которое на деле оборачивалось безъязычием. В сложившейся ситуации будущее корейской культуры видится А. Кану «на пути сращения мощного подсознательного пласта национальной — психологической и художественной — пластики с российским образованием и российским контекстом» [7. С. 426].

Безусловно, в структуре художественного произведения, в поэтике, стилистике, системе художественных образов находит отражение национальная картина мира, национальное мирознание автора. Емко и всеобъемлюще пишет об этом А. Ким, первой картиной души которого (считая себя художником, писатель пишет по этому поводу: «Я мыслю цветом, линией и художественными образами». — С.А.) были степь и желтые холмы Казахстана. Цвет старого меда холмов, огромные алые облака тюльпанов, словно в одночасье опустившихся с небес на землю, яркое сияние зелени.

«Мир нашей души — это музей Божественного искусства. Каждый из нас носит в себе целую картинную галерею», — уверен писатель. Картинная галерея детства: пыльно-желтая степь, голубой свет небес (небо может быть разным: размытым и синим), желтые холмы, зеленые перья лука, бескрайние степи, неспешные орлиные спирали над горами. «Блекло-желтые» склоны холмов становятся

весной «нарядными, как расписные шелка». Элемент национального мировосприятия дополняет весенний степной пейзаж. «Душу человека, — уверен писатель, — формируют ландшафты той страны, которую впервые увидел он в самом раннем детстве. В дальнейшем она не может измениться. Душа может только расшириться и дополниться другими картинами мира. Я навсегда останусь огнепоклонником солнца, яростно пылающего над раскаленной бескрайней степью. Никогда не перестанет шуметь и мельтешить в моей душе многоязыкий пестрый базар народов. Я стану человеком множественного, полиментального склада характера» [8. С. 235]. Навсегда вошло в душу писателя «огромное пространство, которое вмещает в себя и круговые полеты орлов, и предгорную равнину, и желтые холмы Казахстана» [8. С. 236]. В душе прозаика распахнулись огромные орлиные просторы, и она насквозь пропиталась жарой казахской пустыни.

Через границу «идет — не влияние! не заимствование! — а *взаимодействие* культур, литератур. То, что считалось “влиянием”, оказывалось сложной операцией сотрудничества, содействия различных кодов, трансформационным процессом перекодировки воспринятого в одной культуре, литературе и перенесении его путем “перевода — парафраза — пересказа” — в другую культуру, литературу» [9. С. 285]. Именно так в творчестве современного казахстанского прозаика А. Кана и писателей корейского происхождения происходит взаимообогащение корейской и русской литературных традиций.

Заключение

Тему более чем векового существования корейской диаспоры в России и Казахстане с самых разных точек зрения, в ракурсе настоящего, прошлого и будущего, проецируя реальное историческое время и время художественное или мифологическое анализирует А. Кан в эссе «Невидимый остров». Размышляя о корейской литературе, создаваемой на русском языке, о том, к каким мировым стилям и направлениям ее можно отнести, о ее этнической идентичности, А. Кан убежден, что все, пишущие в самых разных традициях и направлениях, «объединены одной национальной тоской или ревностью по дому».

Память в произведениях корейских писателей выступает как лирическое переживание, благодаря которому автор выводит героя из художественного пространства прошлого в условное будущее. Память как сон, дикий и ужасный, оставляющий в читательском сознании ожог. Память — это и родной (корейский) язык, и все, с ним связанное (традиции, национальная культура, атмосфера, мироощущение). Память — вечная боль и память — пустота, абсолютная ледяная пустота и в то же время неземная пронзительная тоска автора по этой пустоте. Авторская замороженность своей памятью или объектом, ее вызвавшим, присутствует во всех перечисленных пунктах.

Лики памяти — Боль, Стрдание, Сон, Ожог, Корейский язык, Пустота... [7. С. 440]. Память перестает быть памятью, становясь прошлым, настоящим и будущим, истинным содержанием человеческого Духа.

Ассоциативно связаны с картинами прошлого родного народа рассказы и повести А. Кана, посвященные современным темам, эссе писателя о судьбах корей-

ской русскоязычной литературы («Возвращение домой»), о его личном восприятии литературы, ставшей идеальным убежищем, позволяющим ни от кого и ни от чего не зависеть («От литературы отчаяния к литературе преодоления») и др. Среди представительниц старшего поколения, с которыми автору фатально невозможно установить полный контакт (из-за языкового барьера и из-за магической, завораживающей неподвижности их лиц, лиц мумий, уносящих с собой в небытие тайну целого народа), видятся ему те, кто уносит с собой культуру и историю. «Я глубоко убежден, что те остатки культуры, фольклора, преданий, осколки когда-то разбитого зеркала искусства, несут в себе именно они, — в складках своих лиц и ладоней, одежд, в тонких щелках глаз, в которых уже невозможно что-либо разобрать — это прорези маски, сквозь которые еще глядят на тебя исчезающие история и культура», — говорит современный автор. Эта монотонно звучащая древность, безликая и величественная, отшлифованная миллиардами скорбных голосов, летит дальше навстречу новым голосам, новым утратам.

Высокая этничность определяется по способу авторского видения мира, пронизанного национальной тоской, — видения корейского прасимвола, праиероглифа, проступающего сквозь любую — родную, чужую — картину мира. Процесс восстановления разорванных связей, воссоединения оборванных струн в национальных литературах Казахстана приобретает в XXI веке отчетливый культурно-возрожденческий смысл. Важно понять не только самого себя, но и другого (национальный мир, художественную реальность, человека).

Список литературы

1. Шишкин Е. Я свободен. М.: Наш современник, 2011.
2. Кан А. Книга белого дня. Литература корейцев СНГ в поисках утраченной идентичности. Тараз: Сенім, 2010.
3. Кан А. Соглядатай (Литература как обретение новой родины) // Известия корееведения в Центральной Азии. 2009. Вып. 8 (16). С. 191—220.
4. Кан А. Третий Гамлет (Мировые диаспоры XXI века: опыт итературного осуществления маргинального героя) // Корейская диаспора в ретро и перспективе. Материалы международной конференции. Алматы, 2007. С. 198—205.
5. Кан А. Коридор // Дорожка феи в саду. Сборник пьес корейских авторов. Алматы: RUAN, 2006.
6. Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 32—43.
7. Кан А. Невидимый остров. Корейская диаспора СНГ (1988—1998): опыт художественного преодоления маргинального сознания // Невидимый остров. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2004.
8. Ким А. Мое прошлое // Ким А. Остров Ионы. Метароман. Повести. М.: Центрполиграф, 2002.
9. Земсков В. Сравнительное литературоведение и «история мировой литературы» // Вопросы литературы. Май—июнь 2016. С. 282—285.

References

1. Shishkin, E. 2011. Ya svobodен. Moscow: Nash sovremennik. Print. (In Russ.)
2. Kahn, A. 2010. Kniga belogo dnya. Literatura koreytsев SNG v poiskakh utrachennoy identichnosti. Taraz: Senim. Print. (In Russ.)

3. Kahn, A. 2009. “Soglyadatay (Literatura kak obreteniye novoy rodiny)” in *Izvestiya koreyevedeniya v Tsentral’noy Azii* 8 (16): 191–220. Print. (In Russ.)
4. Kahn, A. 2007. “Tretiy Gamlet (Mirovyye diaspory XXI veka: opyt literaturnogo osushchestvleniya marginal’nogo geroya)” in *Koreyskaya diaspora v retro i perspektive. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Almaty. Print. (In Russ.)
5. Kahn, A. 2006. “Koridor” in *Dorozhka fei v sadu. Sbornik p’yes koreyskikh avtorov*. Almaty: RUAN. Print. (In Russ.)
6. Tlostanova, M.V. 2020. “Postkolonial’nyy udel i dekolonial’nyy vybor: postsotsialisticheskaya mediatsiya”. *Novoye literaturnoye obozreniye* 1: 32–43. Print. (In Russ.)
7. Kahn, A. 2004. “Nevidimyy ostrov. Koreyskaya diaspora SNG (1988–1998): opyt khudozhestvennogo preodoleniya marginal’nogo soznaniya” in *Nevidimyy ostrov*. Almaty: ID «Zhibek zholy». Print. (In Russ.)
8. Kim, A. 2002. “Moye proshloye” in *Ostrov Iony. Metaroman. Povesti*. Moscow: Tsentrpoligraf. Print. (In Russ.)
9. Zemskov, V. 2016. “Sravnitel’noye literaturovedeniye i «istoriya mirovoy literatury”. *Voprosy literatury*. May-iyun’ 2016: 282–285.

Сведения об авторе:

Ананьева Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова МОН РК. E-mail: svananyeva@gmail.com

Bio Note:

Svetlana V. Ananyeva is a Head of the Department of International Relations and World Literature of the Auezov Institute of Literature and Art MES RK, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. E-mail: svananyeva@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362

Научная статья

Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия

О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

А.С. Демченко

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Республика Казахстан, 050040, Алматы, Аль-Фараби, 71

Настоящее исследование посвящено актуальной междисциплинарной проблеме — русскоязычию, в частности русскоязычной литературе постсоветского пространства, которая вмещает в себе «инобытие» множества этнокультур и порождает уникальные образы мира. Место культуры в привычном понимании сегодня занимает *транскультура* — пространство взаимодействия и взаимоотталкивания, переплетения, констелляции, наложения, «перетекания» культур друг в друга. У этих процессов нет и не может быть застывших, конечных форм, которые были бы определены раз и навсегда. Вот почему произведения, созданные в эстетике транскультурации, всегда уникальны, будь то художественный текст, музыкальное послание или немая арт-хаусная кинозарисовка, говорящая на языке негативного пространства кадра.

Мы полагаем, что транскультурная эпистема должна быть задействована в процессе формирования нового мышления. Человек, не обладающий развитой прагматической пресуппозицией, лишен *объяснительного знания* и становится жертвой информационного манипулирования, внедряющего в коллективное сознание модель конфронтационного восприятия Другого. В настоящей работе мы хотели бы продемонстрировать методику работы со студентами высшей школы, обозначенную нами как иммерсивное чтение. На материале творчества российских немцев (в частности, Е. Зейферт и Г. Бельгера) мы поэтапно описываем этапы погружения читателя в литературное произведение (вертикализация контекста, создание герменевтического комментария, стадии типизации и дифференциации текстов внутри избранной парадигмы, синтез) и выносим на обсуждение результаты нашей работы со студентами и докторантами России и Казахстана в рамках лекционных курсов «Литература и глобализация», «Межкультурная коммуникация в художественном измерении» (автор курсов — Бахтикирева У.М.).

Ключевые слова: русскоязычная проза, транслингвизм, транскультурация, творчество российских немцев, иммерсивное чтение

© Валикова О.А., Демченко А.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.04.2020

Дата принятия к печати: 29.06.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Валикова О.А., Демченко А.С. Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 352—362. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362

Research Article

Translingual Literary Text: on Problem of Understanding

O.A. Valikova

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

A.S. Demchenko

Al-Farabi Kazakh National University

71, Al-Farabi pr., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

The given study covers an actual interdisciplinary issue — Russian language, post-Soviet Russian literature in particular, that includes the “otherness” of multiple ethnic cultures and creates unique images of the world. In the modern conventional sense, culture is replaced by transculture — a space of interaction and mutual repulsion, intertwinement, constellation, overlapping, flowing of cultures into one another. These processes have no and can’t have any solidified, final forms that would be determined once and for all. Therefore, the works created in the aesthetics of transculturation are always unique, be it a literary text, a musical message or a silent arthouse short film speaking the language of negative space.

We believe that a transcultural episteme should be used in the process of new thinking formation. A person without any developed pragmatic presupposition is deprived of explanatory knowledge and becomes a victim of the information manipulation embedding a model of confrontational perception of the Other into the collective consciousness. By the given work, we would like to demonstrate a method of working with higher-school students that we called Immersion Reading. Using the works by Russian Germans (in particular, E. Seifert and G. Belger), we describe the stages of reader’s immersion into a literary work step by step (context verticalization, hermeneutic comment creation, stages of typification and differentiation of texts within a chosen paradigm, synthesis) and then bring up the results of our work with students and doctoral candidates of Russia and Kazakhstan for discussion within “Literature and Globalization”, “Intercultural Communication in Art Dimension” lecture courses (author of the courses — Bakhtikireeva, U.M.).

Key words: Russian prose, translanguism, transculturation, works by Russian Germans, immersion reading

Article history:

Received: 03.04.2020

Accepted: 29.06.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Valikova, J.A., Demchenko, A.S. 2020. "Translingual Literary Text: On Problem of Understanding". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 352—362. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362

Введение

В русле современной гносеологической доминанты в науках о языке — антропоцентризма — художественный Текст перестает быть *только* продуктом речевой деятельности, подвергаемым структурной препарации. Он превращается в зону «перекрестного опыления» множественными смыслами, в креативное поле с повышенным потенциалом к генерации новых образов мира. В особенности это касается транскультурных текстов — вне зависимости от их принадлежности к конкретному дискурсивному сектору, будь то художественная литература, элементы политической коммуникации, медиа и т.д. В аспекте би-, поли-, транслингвизма (шире — транскультурации) Текст, безусловно, становится репрезентантом нескольких культур в их взаимоналожении, взаимоотталкивании, симбиозе, подчинении, адаптации. Как отмечает У.М. Бахтикиреева, транскультурный текст — это «межкультурная коммуникация в художественном измерении», однако участниками диалога в данном случае выступают культурные и языковые идентичности автора-билингва.

Ведущие исследовательские центры мира подходят к изучению транскультурного текста с разных позиций, но актуальность самого объекта не вызывает сомнений. Транскультурный текст изучается сегодня как дидактическое средство (школа Вивиан Замэль, Массачусетский университет, исследования Розалинд Сильвестр, Университет Бэлфаст, Северная Ирландия; проекты Флорес Нельсон, Лингвистический университет, Филадельфия; работы Офелии Гарсиа и Ли Вэй и др.); как посредник в межкультурной коммуникации (Бет Сэмюэльсон, Юми Матсумото); как продукт «транслингвального воображения» (Стивен Келлман, Питер Кован, Пина Антинуччи и др.); как показатель новой дискурсивной «экологии» (например, работы Джея Джордана). Исследование «текстов культуры/транскультуры» в России также является одним из приоритетных направлений современной филологии.

Транскультура означает «новую сферу культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных и профессиональных культур» за счет преодоления «замкнутости их традиций, языковых и ценностных детерминаций» [1]. Транскультурализм/транскультуральность, в свою очередь, предполагает одновременное существование в разных культурах с сохранением отпечатков каждой из них. Результатом транскультуральности становится постепенное изменение культуры, в том числе путем гибридизации. Таким образом, транс-

культуральность, или синонимичный ему термин транскulturация, приводит к принятию различий (“reconciling differences” [2]) в связи с тем, что индивидуум выступает в роли сразу нескольких идентичностей и в одной, и в другой культуре.

Транслингвальная литература постсоветского пространства — по-прежнему необозримая *terra incognita* для исследователей. Тот факт, что домен русскоязычной литературы в высшей степени неоднороден по своему составу (от творчества российских немцев Поволжья до произведений «русскоязычного севера»), а русский язык оценивается писателями неоднозначно (и как коммуникативный мост, и как коммуникативное же препятствие в творчестве), перед специалистами ставятся сложные задачи, главная из которых — поиск адекватных методов описания и изучения таких текстов.

Обсуждение

Один из наиболее продуктивных подходов к проблеме был предложен У.М. Бахтиреевой, которая считает целесообразным действовать дедуктивно, переходя от изучения языкового сознания народа/народов к изучению индивидуальных особенностей творческой языковой личности [3]. Отчасти такой подход можно назвать *биорекопструктивным*.

Биорекопструкция языковой личности — комплексный метод, включающий в себя этапы лингвопортретирования и систематической фиксации фактов речевой деятельности говорящего. Личность писателя-билингва исследуется с позиции его языковой биографии. Впервые в российской науке на перспективность составления и описания языковых биографий указывал Вяч. Вс. Иванов, отмечая, что стоит особо изучать языковые периоды, отличающие разные времена в жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства, а также отдельные трагические повороты языковой судьбы [2]. О важности составления речевых портретов писал и Л.П. Крысин, полагая, что они могут дать обширное представление не только об отдельной личности, но и о целой социальной структуре [4]. Известный русист Молдовы Т.П. Млечко говорит в этом случае о языковом портрете [5]. Опираясь на изложенные подходы, У.М. Бахтиреева интерпретирует языковую биографию личности как языковую онтологию — то есть иноязыковое бытие, овеществление автора в материи текста [6]. Ученый убеждена, что «осмысление и описание языковой биографии личности невозможно без обращения к лингвистическим дисциплинам (антропоцентрическая парадигма современной науки о языке) и дисциплинам из других наук (философия, история, политология, социология, психология, культурология) и др. Языковая биография конкретной личности предоставляет следующие возможности: содействовать накоплению знаний о языковом бытии би-, поли- и транслингвальных авторов; осмыслить встроенность/погруженность индивидуального маршрута языковой биографии в социальный контекст; выявить типическое через индивидуальное, а также витальность/жизнеспособность языка (русского) функционировать в качестве транснационального» [7].

Развивая тезисы ученого, отметим, что продуктивным видится и изучение автобиокопструктивного текста, иными словами, произведения, частично либо

полностью восстанавливающего судьбу автора и его окружения сквозь призму судеб его героев. Подобный текст способен предоставить богатый материал для исследования и стать ключом доступа к индивидуальному воображаемому языковой личности. Однако его изучение требует известной подготовки.

Вот уже много лет в образовательной программе кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов, а также в элективном модуле кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби читается спецкурс «Межкультурная коммуникация в художественном измерении» (автор — У.М. Бахтикиреева), цель которого — познакомить студентов с культурой — и культурами — русскоязычного художественного текста. Литературное наполнение спецкурса вариативно. Хорошо известные, классические тексты (в частности, произведения Ч. Айтматова, Ф. Искандера, О. Сулейменова, Ю. Рытхэу и др.) скомбинированы в нем с достижениями новейшей литературы (творчество российской немки Е. Зейферт, татарки Г. Яхиной, киргизки Т. Боташевой, казаха А. Жаксылыкова и др.) самых разных жанров и направлений. Мы предлагаем обозначить методику вхождения в художественный текст билингвального автора как *иммерсию (иммерсивное чтение)*, выделяя несколько этапов работы с ним: до-текстовая подготовка (вертикализация контекста, биорекострукция и лингво-портретирование), иммерсия (чтение, составление герменевтического комментария, декодирование художественных образов текста), рефлексия (диагностическая работа с аудиторией).

Для того, чтобы погружение состоялось, читатель должен быть в достаточной степени «оснащен» информативно. В этом случае действенным оказывается метод, который условно можно было бы назвать «вертикализацией контекста». Под вертикальным контекстом (И.В. Гюббенет) принято понимать всю совокупность знаний, характеризующих ту или иную эпоху.

Приступая к изучению творчества, например, российских немцев, читатель/исследователь должен в общих чертах понимать, какие исторические детерминанты определили не только художественное, но и онтологическое миро- и самоощущение авторов, чем обусловлено их «тут-бытие» и отчего оно литературно воплощено именно в *этих* образах. Так, российские немцы, расселившиеся в Нижнем Поволжье во второй половине XVIII века и получившие там Автономию (1923), из-за трагических поворотов истории были подвергнуты депортации и вынужденной ассимиляции с соседями по *неродине*, в результате которой должны были «забыть» свои имена (практика трансформации собственных имен в «русско-звучащие» была болезненна, но повсеместна, о чем пишут многие авторы, например, Г. Бельгер, Е. Зейферт, А. Шмидт и др.) и «сокрыть» свой язык во внутрисемейном, глубоко личном пространстве. Депортация привела к тому, что целый этнос в одночасье почувствовал себя детерриторизированным, отринутым от мира, «чужим» среди своих. Состояние транзитности, промежуточности, «нигде-ности» на долгое время стало основой этнического мироощущения российских немцев и до конца еще не преодолено — или непреодолимо вовсе. Все авторы сходятся в одном: российские немцы — это уникальный субэтнос, рожденный под влиянием истории. «Я по национальности российский немец. Не немец.

Я российский немец. Я считаю, что такая национальность существует» (В. Гагин). Романист И. Гергенрёдер на вопрос «Считаете ли вы российских немцев самостоятельным этносом?» отвечает: «У меня нет в этом сомнений». Вот что ответила в интервью нам литературовед, писательница Е. Зейферт: «Я — российская немка, *Russlanddeutsche*, это особое этническое ощущение» [8].

Помимо вертикального контекста необходимо наличие герменевтического комментария, объясняющего рождение тех или иных жанровых форм и образов мира. Важно учитывать, что российские немцы метафизически «стягивают» воедино материю обоих языков, а вместе с ними и ключевых образов мира. Если Германия — это «вертикаль» (высота и глубина), а Россия — горизонталь (даль и ширь), то российско-немецкое ощущение рождает *панораму* — *высоту* над *ширью*. Если ключевой концепт российской культуры — «дорога», «путь», а немецкой — «дом», то в российско-немецкой художественной реальности возникает «дорога к дому». Это лейтмотив русско-немецкой литературы, сквозные герои которой — вечные странники, путники, пилигримы (ср. название главного романа Г. Бельгера «Дом скитальца»).

Интересным, во многом продуктивным оказывается при герменевтическом анализе «наблюдение над жанром». Известно, что жанровые формы — во многом репрезентанты этноязыковой картины мира и эпохи, внутри которой они бытуют. Так, наиболее частотными для XX века в творчестве российских немцев были малые жанровые формы, такие, как песня (трудовая, элегическая, «о судьбе» и т.д.), баллада, шванк (история из жизни, случай), шпрук (назидание), хайку (лирическое трехстишие). Эти сжатые жанровые формулы были призваны вдохновлять и поддерживать, напоминать и направлять этнос на пути исторических «изломов». В XXI веке начали активироваться эпические жанры, в особенности *роман*. Литература российских немцев накопила достаточный потенциал к самоосмыслению и самоописанию, к глубокой и последовательной интроспекции в масштабах эпического раздолья.

Примечательно, что даже Е. Зейферт, известная своей поэтической привязанностью к стихотворным жанрам, начала писать знаковую для ее творчества «Карагандинскую повесть» («Плавленную лодочку»), рассказывающую о судьбах нескольких поколений руссландойче. В настоящей работе мы хотели бы остановиться на некоторых фрагментах повести, сосредоточившись на ее транслингвальной природе и автобиорекопструктивном наполнении.

Елена Ивановна Зейферт — личность-полигранист, убежденная в том, что «мертвых языков не бывает». Воспитанная в семье депортированных в Караганду российских немцев, она с детства впитывала русскую речь наряду с немецкой. К «блаженному» двуязычию позднее присоединилась и латынь. Разная природа постигаемых языков, их имманентная полярность в свойствах, структуре, общем складе актуализировались в сознании Елены Зейферт в антропоморфных образах: немецкого как языка-женщины, латыни как языка-девочки, русского как языка-мужчины.

Е. Зейферт росла на окраине Караганды в поселке российских немцев и до шести лет была убеждена, что все существительные в немецком языке начинаются с буквы “D” (особенность языков с артиклями). Ее бабушка Мария была

родом из села Гларус (Кларус), которое запечатлено в «Карагандинской повести» как утраченный оазис Гларуса, насильно отчужденный от маленькой героини по имени Марийка. Трагедию утраты дома и семьи мы впервые проживаем вместе с этой осиротевшей девочкой. Сквозь призму пластичного, отчасти мифологизированного детского восприятия автор рисует картины жизни семьи Марийки до и после депортации. Сознание девочки наполнено ассоциациями и всполохами воспоминаний. Она способна очутиться памятью как в собственном доязыковом, досознательном периоде, так и гармоничном, благоустроенном быту своего дома:

В длинный ряд стоят корзины и корзинки, в них травы и ягоды, а в некоторых, с очень плотным плетением, вода. Мама крутит ручку деревянной маслобойки, подливает сметаны в ее горло. Из дымохода пахнет копченым окороком и колбасой, там на крюках можно закоптить сразу целую свинью. Марийка своими глазами видела на чердаке коптильную камеру, она очень широкая, а снаружи выходит в узкую трубу. На лаковые дверцы шкафов в родительском доме приклеены точеные украшения. Уютно, никто не роется в кухонном буфете и сундуке.

Последнее предложение фрагмента имплицитно указывает на то, как была поругана внешним вторжением эта идиллия: пришел некто и начал рыться (без спросу и дозволения) в сердце дома — его хранилищах.

Сознание девочки противится словам матери, повторяющей, как заклинание, ее имя и имена ее родных (“*Tu pist Maria Jäckel, secks Jahre alt, di Mudr hehst Else, Vadr hehst Robert, da Brieder sin Robert un Andreas, tu pist am zweite Agust Neizehnhunnertfufuntraißig kewohre, di Heimat is s Tourf Klarus...*”). Она воспринимает себя и всех окружающих частью гонимой жестоким погонщиком *коровы*. Удивительна задействованная автором символика, проникнутая емкой интертекстуальностью. Мотив загнанной коровы напоминает нам и о жестоких скитаниях Ио, обретшей покой лишь в Египте, и о долгих странствиях Кадма и Гармонии, которых издыхающая от *усталости корова*, предреченная оракулом, привела к месту основания будущей *новой родины* — города Фивы. Скорбное путешествие Марийки в Караганду дано в тексте небольшими фрагментами, к каждому из которых автор приводит своеобразный эпиграф. Эпиграфы можно читать как отдельную повесть: 1. *Изгнанник укачивает в себе дом. Марийка течет жидкой металлической речкой.* 2. *По корове, как шершни, ползают убогие земляные духи. Солнце давит на крышу теплушки.* 3. *Корова упала на передние ноги и тужится встать. Марийка ест белый камень.* Эти «ключи» к пониманию, активно участвующие в запуске герменевтического круга, наделены в тексте большой значимостью. Первый метатекстовый комплекс указывает на мысль автора о том, что каждый человек есть носитель зародыша своего собственного дома. Утрачивая дом внешний, человек по-прежнему несет в себе дом «внутренний», которому суждено либо родиться, либо умереть — или родиться и умирать. Здесь же звучит мысль о том, что человек остается собой, лишь множество раз встречая собственные отражения в бесконечных «матрешечных блужданиях». На наш взгляд, она как нельзя более полно актуализирует идею о неразрывности расщепленного, о синтезе множественностей внутри одного человека. Эта идея очень важна для Зейферт как для носителя более чем одной культуры: «Мне свойственно не расщепление, а стяжение, синтез, игра балансов. Я — российская немка,

Russlanddeutsche, это особое этническое ощущение». Корова, символизирующая счастливое плодородие (неслучайно в культуре Древней Греции это животное — атрибут Геры, покровительствующей семье и материнству), и корова, скитающаяся без сна и отдыха в поисках пристанища, — два полярных мотива европейской мифологии, в диалектическом единстве которых всегда рождалось некое новое пространство или *качество этого пространства*. Подобные мифологические сюжеты зачастую рассказывают нам о зарождении новых миров (город Фивы) или династий (род Ио, подаривший миру величайшего из героев — Геракла), а потому обладают существенным этиологическим компонентом. Этиологию возникновения совершенного особого этноса — «российских немцев» — прослеживает в своей повести и Е. Зейферт.

В безжизненном кровавом солнце, которое (как читаем в эпитафии и далее, в самом тексте) «давит на крышу теплушки», корежится утраченный мир Гларусы. Зейферт изображает его одухотворенным и живым: никнут деревья с листьями, напоминающими растопыренные детские ладошки, рыдает река Вортуба. Автор проводит здесь прямую психологическую параллель: рыдает река, истошно кричит Марийка. Все настоящее становится бывшим, а бывшее — мифическим. Стирается память об отце, превращенном сознанием девочки в «тролля». Холодными и неживыми становятся пальцы матери. В Караганде Марийку берет к себе российская немка Лидия, и девочка принимает из ее рук «белый камень» — курт, специально засушенный кусочек соленого сыра. Архетипический мотив вкушения пищи знаменует приобщение человека к новому кругу и новому пространству. Так, вкусив пищу карагандинской земли, Марийка принимает новый дом. Но случайно ли сравнение курта (сухого круглого сыра) с *белым камнем*? В текстах Ветхого и Нового Заветов белый камень рассматривается как символ правоты, невинности или победы («...побеждающему ... дам ... белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2:17)). В художественной ситуации, созданной Зейферт, Марийка получает право на новое сокровенное имя. “Ese, Kindje. Tes is Trockekähs. Dr is lecker”. Марийка жадно лижет курт, он соленый, он вкуса ее слез. Учитывая, что героиня в данном случае — субъектное воплощение своего этноса, данное право (право на собственную уникальность, внутерриториальность, особость) символически получают и российские немцы.

В «Карагандинской повести» русский и немецкий языки не перемежаются, как зачастую случается в транслингвальном тексте. Вспомним хотя бы произведения Г.К. Бельгера, в которых триязычие (русские, казахские, немецкие слова) слиты в синтагматике речевого потока. Каждому языку в «Плавильной лодочке» отведена своя роль. Русский — язык овнешнения, событийности, сюжетной канвы. Немецкий — язык внутреннего пространства героев и их интимного общения. Двужычие, в свою очередь, единственно возможный формат реализации самой художественной «вещи». Как неоднократно подчеркивает Е. Зейферт, в этом и проявлена ее идентичность: *Russlanddeutsche* — самостоятельная, неделимая «Я». Это, по словам автора, «возможность удержаться на нескольких плотках сразу».

Заключительный этап работы с текстом — дискуссия — позволяет определить, произошло ли у адресатов (студенческой аудитории) смещение «аксиологической оси» и, если да, то какова общая тенденция в данном случае. Практика показы-

вает, что «радость узнавания» (О. Мандельштам) иной культуры, которая происходит посредством хорошо знакомого языка (русского), позитивно сказывается на обучающихся. Материал оказывается для них в необходимой степени сложным за счет включения многочисленных инокультурных «неизвестных», однако не становится непреодолимым коммуникативным препятствием, так как представлен на русском языке. Как объясняет Д. Дирксен [9. С. 95], ситуация преодолимой сложности очень благоприятна для слушателей. Они осуществляют работу над собой, продолжая находиться в приемлемых для себя условиях общего комфорта, что повышает их внутреннюю мотивацию; та, в свою очередь, способствует намеренному повторению подобных ситуаций, а повторение формирует навыки — практическое применение полученных знаний в повседневной жизни. В нашем случае толерантность — это тоже навык. А значит, преподавание русскоязычной литературы должно стать ординарным в системе высшего образования СНГ — по крайней мере, если совместное жизнеположение его народов остается нашим приоритетом.

Заключение

Русскоязычие — широкий канал доступа к национальным литературам для всех, кто владеет языком. Это энергетически незатратный (резистентность здесь не настолько значительна, как в случае с иностранным языком) способ приобщиться к инонациональным образам мира. На этом ординарность заканчивается и начинается собственно «чудо». Мы получаем возможность посмотреть на мир в новом культурном ракурсе. Наше воображаемое трансформируется и обогащается под воздействием ранее не известных форм передачи мысли. Горизонт восприятия расширяется за счет неоднократного — и множественного — приращения смыслов, интенсивной этнокультурной амплификации, которая неизбежна при вхождении в транскультурный текст. Подобный опыт взаимодействия с иными культурами (но посредством одного языка) не проходит бесследно: читатель, наученный правильно входить в хайдеггеровский «круг понимания» внутри художественного мира, постепенно переносит эту «модель вхождения» в мир реальный. Он учится понимать Другого. Словами Н.Л. Лейдермана, происходит воспитание «личности с широким взглядом на мир».

Такое воспитание не должно быть пунктирным или хаотичным. Его необходимо сделать систематическим и последовательным. Почему вопрос стоит о необходимости? Потому что недостаток понимания, спровоцированный, в свою очередь, недостатком первичного знания, может привести к настоящей коммуникативной катастрофе. Наше общество со всех сторон атаковано информацией. Колоссальность информационных массивов, умноженная на многократно увеличенный темп жизни Человека Воспринимающего, создает у индивидуума иллюзию широкого выбора, но при этом требует от него значительных сокращений мыслительных усилий. «Языковая личность в темпе» не имеет возможности качественной проработки своего пресуппозиционного «фонда», а потому зачастую реагирует на внешние импульсы шаблонно и схематично, становясь *victim flexibus* — жертвой манипуляции. Мы часто упускаем из вида, что норма — язы-

ковая и ценностная, культурная и поведенческая — весьма относительна, а потому воспринимаем «непохожесть» на себя заведомо конфронтационно. «Архетип “Свой vs Чужой” всегда интерпретируется в аксиологическом плане как “хорошее vs плохое”, причем свое — это хорошее, а чужое — это плохое, потому что чуждость отрицательна уже потому, что она чужая». Мы можем научиться обходить подобные ментальные ловушки, и русскоязычная литература — топос встречи языков и культур — способна оказать нам в этом неоценимую помощь.

Как показали новейшие исследования, аффективность литературного произведения приближена к аффективности мифа. Исследователи А. Кузмицова и А. Анген установили прямую корреляцию между чтением художественного произведения и эмпатией [10]. Их эксперимент показал, что «стилистический нативизм» вызывает в читателях намного больший эмпатический отклик, чем стилизация как художественный прием. Это в свое время отметил еще Н.Л. Лейдерман, утверждавший, что органичный мифологизм «певцов Севера», ставший частью духовного пространства их героев, обнажает искусственность мифологизма многих русских романов. Таким образом, по нашему убеждению, русскоязычная литература несет в себе огромный эмпатический заряд, крайне необходимый нашей стране для мирного и успешного существования.

Список литературы

1. Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта, 2016.
2. *Guilherme M.* Difference in diversity: multiple perspectives on multicultural, intercultural, and transcultural conceptual complexities” // *Journal of Multicultural Discourses* 10(1). Pp. 1–21.
3. Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П. От изучения содержания языкового сознания народа до изучения индивидуальных особенностей отдельной языковой личности // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 28. С. 56–63.
4. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
5. Крысин Л.П. Можно ли по речи узнать интеллигента? // Статьи о русском языке и русских языковедах. М.: Флинта, 2015.
6. Млечко Т.П. Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев: Славянский университет Республики Молдова, 2013.
7. Бахтикиреева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. № 2 (50). 2016. С. 76–80.
8. *Seifert E.* “In a doublesharp Language”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. Vol. 14. Issue 1, pp 122–139, 2017.
9. Дирксен Дж. Искусство обучать. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2017.
10. *Kuzmicova A., Mangen A., Stole H., Begnum A.C.* Literature and readers’ empathy: A qualitative text manipulation study. *Language and Literature*. Vol. 26. Issue: 2, pp. 137–152, 2017.

References

1. Zhukova, I.N., Lebed’ko M.G., and Z.G. Proshina. 2016. *Cross-Cultural Communication Dictionary*, Moscow: Flinta. Print. (In Russ.).
2. *Guilherme, M.* 2015. “Difference in diversity: multiple perspectives on multicultural, intercultural, and transcultural conceptual complexities”. *Journal of Multicultural Discourses* 10(1): 1–21.

3. Bakhtikireeva, U.M., and V.P. Sinyachkin. 2016. "From the study of the linguistic consciousness of the people to the study of the individual characteristics of the language personality". *Psycholinguistics Journal* 2: 56—63.
4. Ivanov, V.V. 2004. *Linguistics of the Third Millennium: Issues for the Future*. Moscow: Studia Philologica. Print. (In Russ.).
5. Krysin, L.P. 2015. Is it possible to recognize an intellectual by speech? In *Articles about the Russian language and Russian linguists*. Moscow: Flinta. Print. (In Russ.).
6. Mlechko, T.P. 2013. *Russian language personality of the near abroad*. Chisinau: Slavic University of the Republic of Moldova. Print. (In Russ.).
7. Bakhtikireeva, U.M. 2016. "On Translingualism and Transculturation trough One Language Biography". *The Humanities and Social Studies in the Far East* 2 (50): 76—80.
8. Seifert, E. 2017. "In a doublesharp Language", *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14 (1): 122—139.
9. Dirksen, J. 2017. *Design for How People Learn*. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber. Print. (In Russ.)
10. Kuzmicova, A., Mangel A., H. Stole, and Begnum A.C. 2017. "Literature and readers' empathy: A qualitative text manipulation study. *Language and Literature* 26 (2): 137—152.

Сведения об авторе:

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Демченко Алена Сергеевна — PhD в области филологии, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби. E-mail: alenchika@mail.ru

Bio Notes:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Ass. Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, RUDN University. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Alena S. Demchenko is a PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: alenchika@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-363-374

Научная статья

Элегия и элегический модус художественности в поэзии Роб. Ахметзянова и А. Кушнера

А.З. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Статья посвящена рассмотрению особенностей элегии и элегического модуса художественности в русской и татарской поэзии 70–80 годов XX века. Фактическую основу исследования образуют стихотворения А. Кушнера, современного российского поэта, и Роб. Ахметзянова, известного татарского лирика XX века. Установлено, что элегия не вошла в круг традиционных жанров татарской (шире — восточной) поэзии, ее генетические корни связаны с другими формами, например марсией. Сделан вывод о том, что поэтический цикл «Көзге элегияләр» («Осенние элегии») Роб. Ахметзянова достаточно полно передает самобытность татарского художественного сознания, его литературную идентичность, проявляющуюся в способности соотносить с формой стиха, с ее архитектурными принципами свои глубинные переживания. Сопоставительный анализ показал, что субъективное и объективное в элегиях Роб. Ахметзянова существует в иной, менее выраженной форме противопоставления, чем в русской элегической традиции, что обусловлено связью художественного мышления татарского поэта с народной поэзией. В частности, в лирическом цикле автор обращается к парным образам, например, «ике алма» («два яблока»), которые также встречаются в татарской песне. Исследование подтвердило, что творчество Роб. Ахметзянова можно рассматривать как «катализатор» элегии в национальной литературе XX века: элегическая форма и ее приемы способствовали узнаванию жанра, к тому же элегия стала сферой репрезентации авангардного духа творчества татарского автора. В поэзии же А. Кушнера элегическое и идиллическое взаимодействуют в одном лирическом сюжете, трансформируя тем самым устойчивые черты названных жанров и их модальностей («Уходит лето», «Мне кажется» и др.).

Ключевые слова: элегия, элегическая модальность, идиллия, идиллический мир, Роб. Ахметзянов, А. Кушнер, сопоставительная поэтика, авангард

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16.04.2020

Дата принятия к печати: 29.07.2020

Модератор: О.А. Валикова

© Хабибуллина А.З., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хабибуллина А.З. Элегия и элегический модус художественности в поэзии Роб. Ахметзянова и А. Кушнера // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 363—374. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-363-374

Research Article

Elegy and Elegy Mode of Artistry in the Poetry of Rob. Akhmetzyanov and I.A. Kushner

A.Z. Khabibullina

Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan city, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation

The article is devoted to the examination of elegy features and elegy mode of artistry in Russian and Tatar poetry of 70—80's XX century. The actual basis of the research is formed by A. Kushner's poems, modern Russian poet and Robert Akhmetzyanov, known Tatar lyric of the XX century. It is stated that elegy was not included in the circle of traditional Tatar poetry genres (wider — oriental), its' genetic roots are bound with other forms like "marsiya". The author comes to the conclusion, that poetic cycle "Kozge elegiyalar" ("Autumn elegies") by Rob. Akhmetzyanov fully depicts the identity of Tatar artistic consciousness, its' literary identity, reflecting in its' ability to correlate its' deep experiences with poem form and with its' architectonic principles. The comparative analysis has shown that subjective and objective in Rob. Akhmetzyanov's elegies exist in a different, less expressive form of contradiction than in the Russian elegy tradition, which is marked by the connection of the Tatar poet's artistic way of thinking with folk poetry. Particularly, in the lyrical cycle the author resorts to paired images, like "ike alma" ("two apples"), which also appear in the Tatar song. The research proved that Rob. Akhmetzyanov's creativity can be considered as "catalyst" of elegy in the national literature of the XX century: elegy form and its' techniques contributed to the genre recognizability, more than that, elegy became the field of representation of the avant-garde spirit of the Tatar author's creativity. In the A. Kushner's poetry elegy and idyllic interact in the same lyrical plot, thus transforming the stable features of the genres mentioned and their modality ("Ukhodit leto" ("The summer's leaving"), "Mne kazhetsya" ("It seems to me") etc.

Key words: elegy, elegy modality, idyll, idyllic world, Rob. Akhmetzyanov, A. Kushner, comparative poetics, avant-garde

Article history:

Received: 16.04.2020

Accepted: 29.07.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Khabibullina, A.Z. 2020. “Elegy and Elegy Mode of Artistry in the Poetry of Rob. Akhmetzyanov and I.A. Kushner”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 363–374. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-363-374

Введение

Рассмотрение того, как связаны между собой русская и татарская элегия, представляет в настоящее время дискуссионную область сопоставительной жанрологии как одного из разделов сопоставительной поэтики национальных литератур. Развивает данную тенденцию заметное внимание татарских лириков второй половины XX — первых десятилетий XXI века к элегическому жанру, что подтверждает творчество Роб. Ахметзянова, Р. Файзуллина, Ш. Анака, Р. Аймета, Р. Гаташа.

Проблемизирует исходную ситуацию то обстоятельство, что элегия исторически не вошла в круг традиционных жанров татарской поэзии XIX — нач. XX века. Вместе с тем, по мнению ученых (Г. Ибрагимов, Г. Халит, Р.З. Яхин, Н.Х. Лаисов), элегическое начало соответствует природе национальной литературы, татарской литературной идентичности в целом. При этом исследователи видят генетическую связь элегии с другими восточными жанрами, в частности *марси*.

Очевиден факт, что такие черты элегии, как субъективность, отсутствие фабулы, «воскрешение картин радостного прошлого, контрастирующего с печальным настоящим», «однообразный элегический тон, принадлежащий субъекту лирического рассказа», — все это указывает на обособление чувства личного Я в татарском художественном мировосприятии в XX веке [1. С. 63].

Выскажем в этой связи предположение: элегия как жанр русской литературы гомологична разным формам татарской поэзии, в которых высшую ценность приобретает стремление к «гармоническому примирению противоречий бытия», обостренное чувство нарушения внутреннего равновесия, порождающего уединение и тоску, наконец, размышления о смерти [2. С. 118].

Предпринятый подход к изучаемой проблеме также подтверждается современными исследованиями категории жанра (Ж. Женетт, Ю. Тюпа, Н. Тамарченко, С.М. Зенкин, Е.Н. Рогова). Так, согласно взглядам С. Зенкина, «жанры можно изучать как типы развертывания речи или как типы ее завершения, как бесконечную деятельность, или как законченный объект, который она производит. В этом смысле полезно разграничивать *жанры дискурса* и *жанры текста* (выделено нами. — А.Х.): есть романическое и есть роман, есть трагическое и есть трагедия» [3. С. 241]. С позиции сопоставительной поэтики разграничение в жанрах различных «типов развертывания речи» достаточно значимо, так как это предполагает выход за пределы универсальности разных моделей жанров в ту абстрактную и воображаемую область, где могут пересекаться и находить свое выражение неоднородные ситуации, предметы, персонажи, сложившиеся в многообразии жанров в разных национальных литературах.

В этом плане актуальным представляется рассмотрение элегического жанра в лирике татарских поэтов XX века как с точки зрения его сопоставления с русской элегией XIX—XX веков, так и ее модальности. Мы полагаем, что продуктивными

в таком аспекте анализа будет диахронный и синхронный способы сопоставления национальных литератур.

Обсуждение

Обратимся к сопоставительному исследованию элегии Роб. Ахметзянова, татарского поэта 70—80 годов XX века, и А. Кушнера — современного российского поэта. Нужно отметить, что рассмотрение их творчества в сопоставлении до сих пор не составляло предмет компаративных исследований.

В творчестве Роб. Ахметзянова элегия — жанр особенный: он обращался к нему почти в каждом из своих поэтических сборников. Так, в сборник «Тургай тэрэзэсе» («Окошко жаворонка», 1995) вошел цикл «Көзге элегияләр» («Осенние элегии») [4], составленный из стихотворений разных лет, но объединенных тонкими и глубокими переживаниями самого автора; в них ошутима элегическая тональность, они в целом соответствуют архитектонике элегического жанра, ее устойчивым чертам.

Уже в первой элегии «Ике алма өзелеп төште таңда» («В рассвет сорвалась пара яблок»), на наш взгляд, проявилась одна из особенностей татарского художественного мышления — тяготение к двуплановости, порождающее внимание к парным символам и понятиям. В элегии Роб. Ахметзянова — это «ике алма» («пара яблок»), образ, символизирующий гармонию в любви, единство чувств:

<...> эзләр калган... Анда ике алма,
бер-берсенә елышып, көзге таңда
көтеп ята гүя безне: «Тагын
килерләр, дип, икәү безнең янга...»
[4. С. 135]

<...> следы остались... Вот пара яблок
Словно ждет нас, осенним утром,
прильнув друг к другу, будто говоря:
«Влюбленных пара вновь придет сюда...»

(перевод Л.Ф. Переведенцевой)

Через все произведение проходит образ осени, отличающейся богатым спектром коннотативных значений: несмотря на переживание тоски и одиночества, которое он эмоционально несет в себе, картина увядающей природы порождает присутствие «смешанных ощущений» — особого состояния субъекта татарской элегии [1. С. 17—18]. Так, «смешанные чувства» в первой элегии Роб. Ахметзянова — это печаль об ушедшем времени и одновременно радость от того, что в мир входит осень — время вдохновения, воспоминаний и торжества прекрасного.

Кошлар төшә жанга кунактарга.
Ике алма төсле ике йөрәк
аерым-аерым яна безнең көйрәп,
көзләр аша яна, еракларда!...
[4. С. 135]

Ах, птицы, ваша песнь — душе отрада,
Два сердца, словно яблок пара,
огнем горят, нас вдохновляя,
сквозь осень, в будущее — сквозь года!..

(перевод Л.Ф. Переведенцевой)

Интересно отметить, что почти каждая из элегий, вошедших в цикл, завершается *мотивом вдохновения*. Лирический субъект, переживая смешанные чувства: и тоску, и печаль об ушедшей молодости — видит в осени время творчества. Можно утверждать, что мотив печали здесь не перерастает в мотив смерти и обновления жизни как традиционных мотивов кладбищенской и унылой элегии в русской поэзии (Жуковский «Сельское кладбище», Пушкин «...Под небом голубым страны своей родной», «Я видел смерть; она в молчанье села»). Он несет в себе чувство примирения и, как результат — своеобразный переход к «высокому регистру», в котором чувствуется и торжество прекрасного, и выражается высокий идеал поэта, как, например, в элегии «Агыйнештэ каен яфраклары» («Неслышно гонит родниковая вода»).

В свете сказанного мы полагаем, что поэтика элегий Роб. Ахметзянова достаточно близка к традициям русской поэзии XIX века. Как отмечал по этому поводу О.В. Зырянов, «...что касается Пушкина, то в его элегиях таким медиатором (наряду с мечтой) выступает также ценностная категория памяти, связанная с органической для поэта установкой на «чужой» мир, другой тип сознания» [2. С. 170]. В элегиях Роб. Ахметзянова другим типом «сознания», иным ракурсом внутреннего Я выступает такое восприятие мира, в котором ощутим выход к самым возвышенным чувствам, рождающим вдохновение.

Стремление распахнуться навстречу другому Я репрезентировано также в особом внимании татарского поэта к миру природы и ее образам. Природные образы создают присутствие *воображаемого мира*, в котором словно «замирает» красота — недостижимый идеал самого поэта. Хронотопической же репрезентацией прекрасного является осенний сад — сакральное пространство, которое существует наряду с реальной картиной жизни и олицетворяет самые глубокие и невыразимые чувства элегического субъекта.

Таким образом, состояние грусти — устойчивое для лирического героя татарской элегии. Оно повторяется от строфы к строфе, от одного стихотворения к другому в данном поэтическом цикле, постепенно погружая читателя в особенную красоту вечернего пейзажа, в сумерки. Это удивительное время, которое выражает переход от одной «фазы» жизни к другой:

И сумерки, когда тот сад накроют,
То будто оживут следы на тропке,
И тень влюбленных до рассвета бродит
И на листву любви слова ложатся робко.....

(«Ике алма өзелеп төште таңда» —
«В рассвет сорвалась пара яблок»)
[4. С. 135].

Здесь вполне уместен комментарий В.Э. Вацура: «Избрав этот момент перехода от дня к ночи, от “деятельности” к “покою”, элегия еще более подчеркивает лексико-грамматическими средствами самый процесс протекания времени, делая читателя его соучастником, продуцируя сопереживание» [1. С. 57]. Можно утверждать, что в описании «сумеречного состояния» природы татарская поэзия была также близка к поэтике данного жанра.

В татарской элегии XX века, в частности в творчестве Роб. Ахметзянова, лирический субъект достаточно органичен природе, он глубоко понимает ее живую духовную жизнь. Кроме того, мы полагаем, что субъективное и объективное в элегиях Роб. Ахметзянова существует в иной, менее выраженной форме противопоставления, чем в русской литературе, что обусловлено связью художественного мышления татарского поэта с народной песней (длинной и короткой). Интересно в этой связи отметить, что образ «ике алма» («пара яблок»), к которому обратился Роб. Ахметзянов в элегии «В рассвет сорвалась пара яблок», соответствует образам фольклорной песни татар. Так, Г. Рахим («Взгляд на нашу народную словесность»), обосновывая прием «ассоциации идей» в поэтике коротких песен, приводит произведение, в которой он встречается:

Йөгереп чыктым урамга, тэгэрэп килэ пар алма,
Пар алма дай, пар китереп, кавыштырсын бер Алла.

Выбежал я на улицу — катится пара яблок,
Словно пару яблок, пусть соединит нас Аллах [5. С. 79].

(перевод М.И. Ибрагимова)

Мы считаем, что соотнесение элегических воспоминаний субъекта переживаний с народной поэтикой во многом обусловлено основной тенденцией жизни татарской поэзии 70—80 годов XX века. Согласно взглядам Д.Ф. Загидуллиной, начиная с 1960 годов происходит «сдвиг в художественной парадигме в татарской поэзии» под влиянием народной песни [6. С. 26]. Исследователь пишет: «...элегичность, воссоздание ощущения возврата к национальным истокам — к народной культуре, нравственно-религиозным ценностям, образной системе татарского фольклора, в стихосложении — к основам традиционной силлабики стали теми свойствами, которые характеризовали не только творчество отдельных поэтов, но и поэзию 1960—1980-х годов в целом» [6. С. 26].

Справедливо утверждать, что элегии Роб. Ахметзянова, основанные на элементах поэтики и образной системе татарской песни, выражают иной, чем в русской литературе, аспект видения событий прошедшей жизни, этапов внутренних переживаний героя. Это позволяет сделать вывод о том, что татарское художественное сознание, находясь в поле диалога с русской классикой, вместе с тем сохраняло черты национальной идентичности, которая по-своему проявилась как в отношении к проблеме субъективного и объективного в архитектонике элегии, так и к *категории времени*. К примеру, в стихотворении Роб. Ахметзянова «Озата бара ак диварлар» («Нас провожают белокаменные стены», 1973), вошедшего в анализируемый цикл, нет абсолютизации прошлой жизни, как в традиционной элегии, напротив, все произведение построено на присутствии насто-

ящего момента художественных переживаний лирического субъекта, что раскрывается в таких выражениях, как «озата бара безне» («нас провожают»), «исэ жилләр» («ветры дуют»). Через них, тем не менее, подобно элегии в русской поэзии, передается плавное, словно путь тянующихся облаков, ощущение движения временного потока:

Безне озатып ак үрлэргә менә
ел артыннан ел...
...Кар артыннан кар

Нас провожая, к белоснежным высям
устремляется за годом год...
...*За снегом снег...* [4. С. 138].

(перевод Л.Ф. Переведенцевой)

Интересно отметить, что автор использует традиционные для его лирики образы: образ дождя, ветра, белоснежных облаков. Вместе с тем с их помощью выстраивается не ретроспективное движение к прошлому (линейное время), как в традиционной элегии, а некая «вертикаль» памяти: от стихийного, почти неуловимого осознания себя в прошлом к пониманию того, что человек — лишь часть вселенского бытия, «вершинным» знаком которого являются высокие белоснежные облака.

Суть элегического Я в этой элегии — в осознании конечности бытия человека перед вечной и сильной природой. Однако эмоция уныния, которая является основной в произведении, сопряженная с мотивом движения неба и белого снега, вместе с тем не порождает противопоставление («разобщенность») лирического субъекта с окружающим его вселенским бытием подобно тому, как это состояние характеризовало элегию и элегический модус художественности в русской поэзии.

Мы полагаем, что такая особенность архитектоники элегии Роб. Ахметзянова соответствовала авангардным поискам татарского автора. На наш взгляд, элегия «Озата бара ак диварлар» («Нас провожают белокаменные стены») основана на элементах синтеза изучаемого жанра с другими формами, которые вошли в татарскую поэзию второй половины XX века, и прежде всего идиллии.

Именно идиллией «Чыкты бер болыт...» («Возникла туча...») автор завершает свой цикл «Осенних элегий». Между произведениями разных жанров не только композиционная связь. Образы элегии «Нас провожают белокаменные стены» (снег, дождь, облака) в финальном стихотворении выступают в совершенно другом жанровом дискурсе: противоречия лирического субъекта здесь «разрешаются» полностью, задавая естественный ритм жизни природы и человека. Последним же свойственна психология единения и гармоничная целостность между собой.

В этом аспекте интересным видится сопоставление элегий и идиллии Роб. Ахметзянова со стихотворениями А. Кушнера, в творчестве которого элегическая и идиллическая модальности по-своему находят свое выражение. Такое сопоставление основано на синхронном принципе исследования русской и татарской литератур.

Элегическому творчеству А. Кушнера посвящена достаточно большая исследовательская литература. Так, в учебном пособии «Современная русская литература» Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого произведения А. Кушнера рассматриваются через призму элегической традиции [7]. Об элегичности художественного мышления российского поэта писали И.Б. Роднянская, Е.И. Фетисова, В.И. Козлов и др. Ими отмечалось, что, хотя данная форма сознательно не идентифицировалась автором, элегизм мировосприятия — важнейшая черта его многих стихотворений: «Быть нелюбимым! Боже мой!», «Человек привыкает», «Осень», «Ну прощай, до завтра», «Я-то помню еще пастухов...», «Мне кажется...», «Читая шинельную оду...», «Я посетил уют холодный твой вблизи...» и др. В них значительное место отведено поэтически глубоким, поражающим философской тонкостью размышлениям о быстротечности бытия, движении ускользающего времени, о стремлении человека найти свое счастье. По мнению В.И. Козлова, в этом аспекте поэтика кушнеровских произведений близка к приемам и мотивам аналитической и кладбищенской элегии [8].

Среди произведений А. Кушнера, основанных на выражении элегического модуса художественности, выделяется стихотворение «Мне кажется...», которое опубликовано в сборнике «Четыре десятилетия», в разделе «Восьмидесятые».

Обращение к нему неслучайно. Несмотря на то, что автор не упоминает данный жанр в заглавии стихотворения, в нем передается одно из основных состояний элегического субъекта — нарушение гармонического равновесия, несогласия Я поэта с миром. Именно оно, как известно, является концептуальным свойством как самого жанра элегии, так и ее модальности. В этом аспекте произведение иллюстрирует момент выхода лирического субъекта из целостной картины действительности, экзистенциальную разобщенность с ней. Такое пограничное состояние переживается субъектом элегии глубоко внутренне.

Уже в самом начале стихотворения звучит элегический по своей тональности мотив ухода («жизнь прошла»), указывающий на воображаемую границу жизни и смерти: она неявно осознается субъектом переживания как неразрешимый конфликт времени в его личном пространстве бытия (это подчеркивает троекратный повтор слов «мне кажется...»).

Мне кажется, что жизнь прошла.
Остались частности, детали.
Уже сметают со стола
И чашки с блюдами убрали.
Мне кажется, что жизнь прошла.
Остались странности, повторы.
Рука на сгибе затекла.
Узоры эти, разговоры... [9. С. 154].

Стихотворение достаточно зримо раскрывает черты элегического мировосприятия. Это — и эмоция уныния, охватившая героя, и уединение, уход в мир собственных чувств и рефлексии над течением своей жизни; наконец, абсолютизация прошлого, которое хранит в себе память о лучших годах. Кроме того, элегизм в стихотворении создается за счет другого приема: сложного совмещения,

подобного текучему потоку сознания, противоположных настроений: появление мистической гостьи в доме рождает в субъекте чувство возрождения жизни («смешанные ощущения»):

Беседа дрогнула, запнулась,
Потом настроилась опять,
Уже при ней, — и жизнь вернулась

(выделено нами — А.Х.) [9. С. 154].

Однако отметим, что в творчестве А. Кушнера элегичность восприятия тесно взаимодействует с идиллической модальностью — одним из пластов художественного мышления поэта. Такая сложная, но неразрывная связь разных сторон духовного и жанрового мира русского лирика была всесторонне рассмотрена в статье В.И. Козлова «Вооруженное чудо Александра Кушнера». В ней автор тонко замечает, что «Кушнер — поэт, скорее, вышедший из элегической традиции и постепенно сформировавший свою магистральную поэтику, основывающуюся на идиллическом мировоззрении. То есть, буквально перефразируя Роднянскую (исследователь творчества А. Кушнера — А.Х.), — он элегик чем дальше, тем меньше» [8]. В статье «Идиллия в XX в. — стратегия эскапизма (на примере поэзии И. Бунина, Б. Пастернака, А. Кушнера)» автор отмечает, что «Александр Кушнер в стремлении выгородить в пространстве культуры идиллическое пространство зашел гораздо дальше. Настолько, что не будет большим преувеличением сказать о случае экспансии идиллической картины мира в самые разные жанровые области» [10. С. 43].

Опираясь на данный вывод, отметим, что если для татарского поэта важнейшим является разграничение двух жанров, сознательный переход от элегии к идиллии, сохранение их архитектурных свойств, то в поэзии Кушнера элегическое и идиллическое тесно взаимодействуют в одном лирическом сюжете, трансформируя тем самым устойчивые черты названных жанровых форм и их модальностей.

Так, в стихотворении А. Кушнера «Уходит лето. Ветер дует...», вошедшем в цикл «Семидесятые», мотив движения, неумолимого бега времени и приближения его к финальной черте напоминает элегию, созданную, однако, на едва заметной идиллической основе. Идиллический модус художественности возникает из Я субъекта, его духовно наполненного состояния, из тех чувств, которые были рождены от единства с миром. Вместе с тем такой опыт неразрывен с элегической темой, задающей в стихотворении ясное ощущение необратимого бега лет: время, подобно сильному ветру, движется вперед, настойчиво и стремительно, минуя желания и силы человека, равнодушно вырывая его из идиллической целостности прошлого.

Уходит лето. Ветер дует так,
Что кажется, не лето — жизнь уходит...
Уходит свет. Уходит жизнь сама.
Прислушайся в ночи: любовь уходит,
Оставив осень в качестве письма,
Где доводы последние приводит.

Уходит муза. С кленов, с тополей
Летит листва, летят ей вслед стрекозы.
И женщины уходят все быстрее,
Почти бегом, опережая слезы [11].

Возникающая в произведении рефлексия лирического субъекта — это рефлексия согласия с законами вечной природы, примирения с ними, один из которых — неумолимый ход времени — к его самому исходу, концу. Это открытие субъекта переживания, знаменующее собой выход из гармоничного и целостного соответствия природе, разъединение с ней, уверенно подчеркивает рефрен «уходит»: «уходит лето», «жизнь уходит», «уходит муза», «уходит свет». Названный рефрен, как и в стихотворении «Мне кажется...», ясно иллюстрирует элегическое мироощущение, более сложное, психологически противоречивое, чем в идиллии, но формирующееся из прежних, более ярких и целостных чувств.

Как мы видим, тема прошлого через призму неопределенного будущего, признание торжества времени (природы) над человеком — это в большей мере элегическая тема, разворачивающаяся у Кушнера в идиллическом восприятии мира: в нем когда-то было лето, мечты о любви, вдохновение от полноты жизни. Знаками утраченного мира юности (утраченного счастья) являются природные образы, которые олицетворяются в стихотворении. Так, через призму идиллического мировосприятия создается удивительный образ убегающего лета (молодости):

И ежится, и ускоряет шаг,
И плечиком от холода поводит.
По пням, по кочкам, прямо по воде.
Ей зимние не по душе заботы [11].

Напротив, в лирическом цикле Роб. Файзуллина «Осенние элегии» обратная ситуация: из элегии, создающей ясное ощущение утраты, ушедшего навсегда времени, молодости, лирический субъект вырывается в идиллический мир («Возникла туча...»). Здесь он «освобождается» от внутренних противоречий: его Я «расширяется» в целостности мира, приобретая гармонию с ним. Так субъект переживаний становится частью вечной природы.

Как отмечалось выше, в отличие от А. Кушнера, который был достаточно свободен от жанровых пристрастий в своем творчестве (поэт не дает каких-либо указаний на жанр своих произведений, он сознательно не выбирает элегию как основную форму своих стихов), Роб. Ахметзянов подчеркивает свой выбор, следуя при этом тем различиям, которые характерны для поэтики элегии и идиллии.

Заключение

Мы полагаем, что такая особенность жанрового мышления татарского поэта связана с тем, что в его родной литературе прошлых эпох большое значение имела поэтика канонических и твердых форм, таких, как газель, рубаи, касыда, кыйтга. Ахметзянов стихийно следовал ей, вплетая строгость и традиционность этих жанров в свое творчество. Элегия, с этой точки зрения, сохраняет свойства канонического жанра, она упорядочена в свете устойчивых мотивов (например,

мотива смерти, воспоминания о прошлом), а также приемов и принципов элегии («смешанные ощущения»), архитектоники ее инвариантных свойств.

Исследование подтверждает, что те внутренние переживания лирического субъекта, которые содержала в своем огромном потенциале татарская поэзия XIX — начала XX веков, достаточно свободно формализовалась в элегию, в концептуальные свойства стиха на уровне мотивики, тропеического языка, субъектно-объектных отношений. С этой точки зрения, стихотворения Роб. Ахметзянова, его поэтический цикл «Осенние элегии» полно передают самобытность татарского художественного мышления, его литературную идентичность, проявляющуюся в способности соотносить с формой стиха, жанром свои глубинные стихийные художественные переживания и чувства. Этому, на наш взгляд, способствовал опыт татарской поэзии до второй половины XX века, направленный, как известно, на формализацию мира литературы, углубление его в жанр, в «структуру мысли». В этом аспекте творчество Роб. Ахметзянова можно рассматривать как «катализатор» элегии в национальной поэзии XX века: данная форма и ее приемы способствовали узнаванию жанра в литературе, к тому же элегия стала сферой репрезентации авангардного духа творчества татарского автора.

Список литературы

1. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994.
2. Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
3. Зенкин С.Н. Теория литературы. Проблемы и результаты: учеб пособие для магистрантов и аспирантов. М.: Литагент НЛО, 2018.
4. Әхмәтҗан Роб. Тургай тәрәзәсе [Окошко жаворонка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. (на татар. яз.)
5. Рәхим Г. Сайланма әсәрләр / төз. М.И. Ибраһимов, А.М. Гайнетдинов. Казан: Ихлас, 2018 (на татар. яз.)
6. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX—XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. Казань: Татар. книж. изд-во, 2018.
7. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. Семидесятые годы (1968—1986): учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Козлов В.И. Вооруженное чудо Александра Кушнера / The armed miracle of Aleksander Kushner (13.03.2018). URL: <http://prosodia.ru/?p=2487> (дата обращения: 01.07.2020).
9. Кушнер А. Стихотворения. Четыре десятилетия. М.: Прогресс-Плеяда, 2000.
10. Козлов В.И. Идиллия в XX в. — стратегия эскапизма (на примере поэзии И. Бунина, Б. Пастернака, А. Кушнера) // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 37—47.
11. Кушнер А. Семидесятые. URL: <https://www.kushner.poet-premium.ru/semidesyatye.html#12> (дата обращения: 04.04.2020).

References

1. Vacuro, V.E. 1994. Lirika pushkinskoj pory. «Elegicheskaya shkola». St Petersburg: Nauka. Print. (In Russ.).
2. Zyryanov, O.V. 2003. Evolyuciya zhanrovogo soznaniya russkoj liriki: fenomenologicheskij aspekt. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Print. (In Russ.).
3. Zenkin, S.N. 2018. Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty: ucheb posobie dlya magistrantov. Moscow: Litagent NLO. Print. (In Russ.).

4. Әһмәтҗан, Роб. 1995. Turgaj tәрәзәse [The lark's window]. Kazan. Tatar. kit. nәshr. Print. (In Tatar).
5. Rәhim, G. 2018. Sajlanma әsәrlәр [Selected works] / tәz. M.I. Ibrahimov, A.M. Gajnetdinov. Kazan: Ihlas. Print. (In Russ., in Tatar.).
6. Zagidullina, D.F. 2018. Tatarskaya poeziya i proza rubezha XX—XXI vekov: esteticheskie orientiry i hudozhestvennye poiski: monografiya. Kazan': Tatar. kni. izd-vo. Print. (In Russ.).
7. Lejderman, N.L., and M.N. Lipoveckij. 2001. Sovremennaya russkaya literatura: v 3-h kn. Kn. 2. Semidesyatyе gody (1968—1986). Moscow: Editorial URSS. Print. (In Russ.).
8. Kozlov, V.I. 2018. Vooruzhennoe chudo Aleksandra Kushnera. Web. <http://prosodia.ru/?p=2487> (date of access 01.07.2020). (In Russ.).
9. Kushner, A. 2000. Stihotvoreniya. CHetyre desyatiletiya. Moscow: Progress-Pleyada. Print. (In Russ.).
10. Kozlov, V.I. 2017. “Idilliya v XX v. — strategiya eskapizma (na primere poezii I. Bunina, B. Pasternaka, A. Kushnera)”. *New philological bulletin* 4 (43): 37—47. Print. (In Russ.).
11. Kushner, A. Semidesyatyе. Web. Access: <https://www.kushner.poet-premium.ru/semidesyatyе.html#12> (data obrashcheniya 04.04.2020). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Хабибуллина Алсу Зарифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru
ORCID 0000-0002-3332-4066 <http://orcid.org/0000-0002-3332-4066>
SPIN-код 463512 http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=463512

Bio Note:

Alsu Z. Khabibullina is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru
ORCID 0000-0002-3332-4066 <http://orcid.org/0000-0002-3332-4066>
SPIN-code 463512 http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=463512

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-375-384

Научная статья

Синтаксические трансформации в русских переводах романа А. Кадыри «Минувшие дни»

Г.Н. Хидирова

Узбекский государственный университет мировых языков
Республика Узбекистан, 100138, Ташкент, ул. Кичик Халка Йули Г-9А, д. 21-а

Сопоставляемые языки (узбекский и русский) относятся к языкам разного грамматического строя, что имеет определяющее теоретическое и практическое значение в познании языковых явлений. Грамматический строй этих языков определяется природой их синтаксиса и морфологии. Различия языков на разных уровнях их системы обуславливают трудности перевода. Этим вызвано применение в процессе перевода синтаксических трансформаций. В статье на материале русских переводов романа А. Кадыри «Минувшие дни» анализируются синтаксические трансформации — преобразования структуры предложения или одного синтаксического типа предложения в другой. Показывается, что трансформации занимают важное место в художественном переводе, так как нередко оказывается невозможным использовать соответствия из словарей. С помощью трансформаций возможно изменение внутренней формы лексических единиц или замена той или иной синтаксической структуры для адекватной передачи содержания. На фактическом материале рассматривается влияние лексических, грамматических и стилистических факторов на приемы межъязыковой замены, средства компенсации, различные преобразования, в том числе и синтаксические трансформации.

Ключевые слова: перевод, адекватность, преобразование, художественный текст, средства компенсации, синтаксическая трансформация, сдвиги выражений, сопоставительный анализ, приемы межъязыковой замены

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28.04.2020

Дата принятия к печати: 29.06.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хидирова Г.Н. Синтаксические трансформации в русских переводах романа А. Кадыри «Минувшие дни» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 375—384. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-375-384

© Хидирова Г.Н., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Syntactic Transformations in Russian Translations of A. Kadiri's Novel "Past Days"

G.N. Khidirova

Uzbekistan State University of World Languages
21-a, Kichik Halka Yuli Str. G-9A, Tashkent, 100138, Republic of Uzbekistan

The compared languages (Uzbek and Russian) belong to languages of different grammatical structure, which has a decisive theoretical and practical significance in the cognition of linguistic phenomena. The grammatical structure of these languages is determined by the nature of their syntax and morphology. Differences in languages at different levels of their system cause translation difficulties. This is the reason for the use of syntactic transformations in the translation process. The article analyzes syntactic transformations — transformations of the structure of a sentence or one syntactic type of sentence into another, based on the material of Russian translations of A. Kadiri's novel "Past Days". It is shown that transformations occupy an important place in literary translation, since it is often impossible to use correspondences from dictionaries. With the help of transformations, it is possible to change the internal form of lexical units or replace one or another syntactic structure for an adequate transfer of content. Based on factual material, the influence of lexical, grammatical and stylistic factors on the methods of interlingual replacement, means of compensation, various transformations, including syntactic transformations, is considered.

Key words: translation, adequacy, transformation, literary text, means of compensation, syntactic transformation, expression shifts, comparative analysis, methods of interlingual replacement

Article history:

Received: 28.04.2020

Accepted: 29.06.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Khidirova, G.N. 2020. "Syntactic Transformations in Russian Translations of A. Kadiri's Novel "Past Days". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 375—384. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-375-384

Введение

Узбекская литература XX века представляет собой сплав различных творческих поколений, обладавших своими идеологическими взглядами и убеждениями. Это период резких контрастов в определении творческих принципов.

Немаловажный интерес в этом отношении представляет анализ русских переводов произведений Абдуллы Кадыри — основателя узбекской романистики, писателя, начавшего новую эру в развитии национальной прозы, своим творчеством

приблизившего читателя к высотам современной художественной словесности, обладающего уникальным талантом, выдающегося мастера узбекской литературы XX в., занимающего по праву почетное место в ее истории [1].

На русский язык были переведены следующие художественные произведения Абдуллы Кадыри: повесть «Обид кетмон: колхоз хаётидан кисса» («Абид Кетмень»), авторизованный перевод Л. Соцердотовой (1935); роман «Ўткан кунлар» («Минувшие дни»), перевод Л.Г. Бать, В.В. Смирновой (1958); роман «Меҳробдан чаён» («Скорпион из алтаря»), перевод Л.Г. Бать, В.В. Смирновой (1961); рассказы «На улаке», «О чем говорит упрямец Ташпулат», «Пир злых духов», перевод Н.В. Владимировой (совместно с А. Наумовым) (60—80-е гг. XX в.); роман «Ўткан кунлар» («Минувшие дни»), перевод М. Сафарова (2008).

Изучению своеобразия русских переводов посвящено немалое количество работ как лингвистов [3; 4], так и литературоведов [5—7]. Однако синтаксическая трансформация¹, проявляющаяся в переводах, еще не была объектом специального исследования лингвистов.

Для того чтобы удостовериться в этом, переходим к анализу фактического материала — одного из произведений А. Кадыри — романа «Минувшие дни». Здесь можно столкнуться с отчетливо проявляющейся синтаксической трансформацией.

Известно, что целью художественного перевода является максимально полное воспроизведение подлинника в материале другого языка. Это в определенной степени повышает ответственность переводчика за правильное воспроизведение содержания данного текста оригинала на переводимом языке. Переводчик сам отбирает на родном языке все художественные средства языкового порядка. Такой подход дает возможность читателю вникнуть в содержание художественного произведения. Именно поэтому художественный перевод относят к оригинальному интерпретационному творчеству.

По справедливому утверждению В.Н. Комиссарова, «при межъязыковом общении тексты на разных языках оказываются коммуникативно равноценными. Центральным здесь оказывается вопрос, какие свойства языка делают это возможным, в чем заключается коммуникативная равноценность такого типа, какова теоретически возможная общность и практически достижимая общность разноязычных текстов, объединяемых в акте межъязыкового общения» [8. С. 23].

Сопоставляемые языки — узбекский и русский — относятся к языкам разного грамматического строя, что имеет определяющее теоретическое и практическое значение в познании языковых явлений и в определенной степени обуславливает трудности перевода. В разрешении указанных проблем важную роль играет применение трансформации.

Интерес к сопоставительному анализу синтаксиса русского и узбекского языков обусловлен комплексом причин. Большое значение приобретает исследование переводческих преобразований, являющихся одним из актуальных аспектов при рассмотрении лингвистических особенностей текстов художественных произведений.

¹ Термин «трансформация» в 1957 году впервые применил Зелиг Харрис в статье «Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре».

Изучение трансформаций, проявляющихся при переводе художественных текстов, приобрело значительную важность для переводчиков в связи с развитием большого количества международных контактов в разных сферах человеческой деятельности. Как отмечают исследователи, в процессе перевода создаваемый текст трансформируется в другую языковую систему, а перевод подвергается анализу как культурологическое явление [9—18].

Обычно в переводоведении выделяют четыре вида трансформаций: лексическую, грамматическую, синтаксическую и стилистическую. Лингвисты, занимавшиеся данной проблематикой (Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.С. Бархударов, А.М. Фитерман, Т.Р. Левицкая, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, А.Б. Шевнин, Н.П. Серов, А. Паршин [19—22]), считают, что разного рода трансформации чаще всего осуществляются комплексно (одновременно).

Обычно под синтаксическими трансформациями понимаются преобразования синтаксической структуры предложения или одного синтаксического типа предложения в другой [23. С. 94]. В процессе перевода изменение синтаксических функций сопровождается перестройкой синтаксической конструкции. К синтаксическим средствам компенсации чаще относят такие приемы, как перестановки и замены (замены членов предложения; объединение и членение конструкций; синтаксические замены в структуре сложного предложения; замена типа связи (подчинения сочинением и наоборот); синтаксическое уподобление (дословный перевод) [24. С. 161]. Однако в любом случае при переводе все эти трансформации нарушают синтаксическую структуру исходного предложения, хотя между единицами двух языков устанавливаются отношения соответствия.

Обсуждение

Одним из видов синтаксических трансформаций является членение сложного предложения, при котором синтаксическое целое делится на несколько предикативных структур. Более наглядно это наблюдается в следующем контексте:

1264-нчи хижрия, далв ойининг 17-нчиси, кишки кунларнинг бири, куёш ботқан, теварақдан шом азони эшитиладир...

[Был семнадцатый день месяца далув тысяча двести шестьдесят четвертого года хиджры. Солнце зашло. Со всех сторон неслись призывы муэдзинов к вечернему намазу] (пер. Л.Г. Бать и В.В. Смирновой, 1958 г.).

[Шел семнадцатый, зимний день месяца далв тысяча двести шестьдесят четвертого года хиджры, солнце зашло, с окрестностей доносились призывы к вечерней молитве] (пер. М. Сафарова, 2008 г.).

Такой прием изменения синтаксического рисунка предложения в переводе Л.Г. Бать и В.В. Смирновой делает текст более легким для восприятия и не приводит к явному искажению смысла. В варианте М. Сафарова мы видим, что переводчик не стал делить предложение на части, оставив без изменений последовательность предикативных частей бессоюзного сложного предложения оригинала.

Узбекское многокомпонентное сложное предложение содержит в себе пять предикативных структур. В переводе Л.Г. Бать третья часть «кишки кунларнинг бири» опущена. Привлекает внимание сноска № 1 — разъяснение в конце стра-

ницы текста перевода, в ней путем применения глоссы представленное объясняется следующим образом:

¹ Хиджра — бегство Магомета из Мекки в Медину (16 июля 622 г.); с этого времени ведется мусульманское летоисчисление. Месяц далув соответствует примерно январю. Указанная дата соответствует январю 1847 года.

В структурной части предложения оригинала «...куёш ботқан...» слово «ботқан» является причастием и выполняет определительную функцию. Перевод узбекского причастия русским глаголом «село» с употреблением дополнительной смысловой единицы (в данном случае наречия времени — *уже*), на наш взгляд, адекватно передает обстоятельство или состояние — «севшее солнце» (досл. перевод автора).

В конструкции «... тевааракдан шом азони *эшитиладир...*» использован глагол настоящего времени. Сохранение времени глагола в переводе является актуальным, так как через настоящее время глагола (доносятся/слышны) создается тот необходимый эффект присутствия — создание зримой картины, позволяющей читателю ощутить себя находящимся на месте события.

Отметим, что первые три предиктивные части предложения оригинала являются назывными, но в русских переводах они представлены двусоставными предложениями. В данном случае, на наш взгляд, А. Кадыри неслучайно выбрал такой стиль описания. Подобные предложения обычно используются во вступительной части драматических произведений (ср. А.П. Чехов «Вишневый сад»: Действие первое — *Комната, которая до сих пор называется детской. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренняя. Окна в комнате закрыты...* и т.п.) [25. С. 197].

Данная конструкция (в действительности — целый абзац) является первым предложением всего романа. Абзац не описывает действия, он является вводным, неким обстоятельственным фоном (год, месяц, время года, время суток и место), той отражающей дух времени действительностью, где далее будут разворачиваться события в романе. Именно назывные предложения, в которых отсутствует всякое действие, как нельзя лучше отражают намерения автора:

1264-й год хиджры, 17-й день месяца далв. [Обычный зимний день. Солнце уже село, в округе слышны призывы к вечерней молитве...] (пер. автора).

Очевидно, что использование трансформаций связано с различиями синтаксиса русского и узбекского языков. В обоих языках наблюдаются разнообразные синтаксические конструкции, к примеру, простое предложение может быть осложненным распространяющими, вводными, уточняющими, однородными членами. Рассмотрим пример изменения синтаксического рисунка предложения:

Ҳасаналини болалик вақтида Эрондан киши ўғирлаб келгучи бир туркман кўлидан *Отабекнинг бобоси ўн беш тилло баробарига сотиб олган эди*. Ҳасаналининг Отабеклар оиласида куллиқда бўлганига элли йиллар чамаси замон ўтиб, энди Отабеклар оиласининг чин бир аъзоси бўлиб кеткан.

[История Хасанали была такова: еще в детстве он был куплен за пятнадцать золотых дедом Отабека у торговца живым товаром, который занимался тем, что ездил в Иран,

крал там детей и привозил для продажи. Около пятидесяти лет прожил Хасанали в доме отца Атабека и стал настоящим членом этой семьи] (пер. Л.Г. Бать и В.В. Смирновой, 1958 г.).

[Еще в детстве *Хасанали был куплен дедом Атабека* за пятнадцать золотых тилля у одного туркмена, который занимался кражей детей в Иране для их дальнейшей продажи. Раб Хасанали прожил в семье Атабека около пятидесяти лет, и за это время успел стать настоящим ее членом] (пер. М. Сафарова, 2008 г.).

Переводчики использовали синтаксические трансформации, такие как добавления и замена простого предложения сложной конструкцией с бессоюзной и подчинительной связью.

Примечательно, что в обоих переводах появляются слова, которых нет в оригинале. В переводе Л.Г. Бать добавлено «История Хасанали была такова...» — начало предложения, которое отсутствует в узбекском тексте. На наш взгляд, перевод получился громоздким, привлекающим внимание к второстепенной информации о деятельности туркмена-работорговца (кстати, слово «туркмен» отсутствует в переводе). Очевидно, что это делает повествование рыхлым. На наш взгляд, основная работа переводчика заключается в подборе максимально приближенных эквивалентов в паре языков. Именно это необходимо для осуществления наиболее качественного перевода и достижения максимальной адекватности переводимого текста.

В переводе М. Сафарова присутствуют следующие добавления: «за пятнадцать золотых *тилля*»; «кражей *детей* в Иране для их дальнейшей продажи».

Узбекское слово «тилло» в данном контексте означает «золотые монеты». Использование его в варианте М. Сафарова, на наш взгляд, является некорректным, семантическим повтором существительного «золотых». Сочетание «для их дальнейшей продажи» является канцеляризмом и делает повествование сухим, неживым, неестественным для русской художественной речи.

Особенностью первого предложения в обоих переводах явилась замена действительного залога глаголов страдательным, что, естественно, привело к смене синтаксических функций подлежащего и дополнения. В данном случае возможен и прямой перевод, т.е. перевод с сохранением (как в оригинале) глагола действительного залога:

Дед Атабека выкупил раба *Хасанали* (еще ребенка) ровно за пятнадцать золотых у туркмена — торговца людьми, похищенными в Иране. Хасанали верно служил дому отца Атабека около пятидесяти лет, и со временем в этой семье его стали почитать очень близким, точнее родным человеком (пер. автора).

Многие узбекские литературные критики отмечают, что язык романов А. Кадыри отличает чрезвычайная лаконичность и простота. Так, И. Султонов утверждал: «Если говорить о языке художественной литературы, то в этой сфере Абдулла Кадыри строго определял требования народности и простоты... Роман “Минувшие дни” отличается и своей простотой, и в то же время стремлением охватить все богатство народной лексики» [26. С. 92]. Очевидно, что эти факторы и условия должны обуславливать выбор переводчиком художественных средств и стиля повествования для переложения художественного произведения на другой язык.

Также следует отметить, что русский синтаксис характеризуется сложной, но последовательной пунктуацией, а в узбекском языке правила пунктуации выполняются непоследовательно и занимают незаметное положение при построении предложения [27]. Поэтому при переводе простого распространенного узбекского предложения на русский язык оно часто преобразуется в сложное предложение или в осложненное определительными оборотами и/или уточняющими конструкциями:

Шунинг учун бўлса керак, Отабекка ихлос қўйиб, унга ўз боласи каби қарар: “Ўлганимдан кейин руҳимга бир калима қуръон ўқуса, бир вақтлар Ҳасанали ота ҳам бор эди деб ёдласа, менга шуниси кифоя” деб қарор берган ва ҳозирдан бошлаб Отабекка бу тўғрида *сипоришлар бериб*, ундан самимий ваъдалар олиб юрғучи оқ кўнгиликлик бир кул эди.

[Видимо, потому Хасанали привязался так сильно к Атабеку и относился к нему, как к родному сыну. В глубине души этот честный слуга *надеялся*, что после его смерти будет кому вспомнить о нем и прочесть молитву из корана. “Мне и того довольно”, — *думал* он. Однажды он *высказал* свою *надежду* Атабеку и получил искреннее заверение в том, что это будет исполнено] (пер. Л.Г. Бать и В.В. Смирновой, 1958 г.).

[Видимо, поэтому всю свою любовь и привязанность обратил на Атабека, ставшего ему, как родным сыном. «Если после моей смерти он прочтет молитву из Корана за упокой души моей, вспомнит меня добрым словом, мол, жил когда-то на этом свете Хасанали-ата, мне этого будет предостаточно», — *думалось* ему. Он уже *попросил* Атабека об этом и взял с него соответствующие искренние заверения. Вот таким простодушным человеком был этот старик-раб] (пер. М. Сафарова, 2008 г.).

По синтаксическим параметрам данное узбекское предложение является сложной конструкцией, осложненной придаточной изъяснительной частью, однородными сказуемыми, деепричастными оборотами, а также вводными словами. Поэтому в переводах это одно целое предложение логично преобразовано в несколько самостоятельных.

В данных переводах синтаксические трансформации не приводят к искажению смысла. Но при этом нужно сохранить не только все звенья в описании персонажа (Хасанали), но и создать полноценный художественный текст с точной передачей художественно-эстетической ценности оригинала. Подсчет словоформ в тексте оригинала (52) и сопоставление их количества в трех переводах соответственно (59 Л.Г. Бать / 66 М. Сафаров / 57 Г. Хидирова) свидетельствует о том, что необходимость передачи «коммуникативного членения» предложения приводит к добавлению новых слов, появление которых безусловно окажет свое воздействие (позитивное/негативное) на семантического поле текста оригинала. На наш взгляд, умелое использование синтаксических трансформаций при художественном переводе узбекского сложного предложения позволяет найти в русском синтаксисе адекватные конструкции, которые дают возможность избежать многословности в изложении, точно передать художественно-эстетическую ценность оригинала:

Видимо, поэтому, Хасанали сильно привязался к Атабеку и относился к нему, как к родному сыну. «Мне хватит и того, что после смерти будет кому вспомнить меня добрым словом и помолиться за упокой души», — так решил для себя простодушный

старик. И получив от Отабека искренние заверения по этому поводу, Хасанали ота немедля начал давать ему свои наказания (пер. автора).

В процессе перевода узбекского художественного дискурса на русский язык трансформация синтаксических закономерностей и будет являться одним из средств компенсации.

При переводе необходимо учитывать различные свойства языковых единиц, а именно: порядок элементов, форму слова, словосочетания, предложения, грамматические значения форм в контексте. В плане синтаксического сопоставления в наблюдаемых текстах оригинала и переводов романа А. Кадыри встречаются предложения различных типов.

Заключение

Для осуществления адекватного перевода необходимо использование синтаксических трансформаций. Основными причинами необходимости синтаксических трансформаций являются отсутствие соответствующего грамматического явления в русском/узбекском языке, несовпадение стилистического характера аналогичных грамматических явлений в языках, несовпадение смысловой структуры словосочетания в узбекском и русском языках, необходимость передачи «коммуникативного членения» предложения, формальная невыраженность семантических компонентов словосочетания и семантическая избыточность. Очевидно, что переводческие трансформации на практике в чистом виде встречаются редко, обычно они сочетаются друг с другом, принимая форму сложных, комплексных трансформаций.

Изучение языка переводов произведений первого узбекского романиста показало, что трансформации занимают важное место в художественном переводе, так как нередко оказывается невозможным использовать соответствия из словарей. С помощью трансформаций можно изменить внутреннюю форму лексических единиц или, наоборот, полностью заменить ту или иную структуру для адекватной передачи содержания.

Список литературы

1. *Мирзаев С.* Узбекская литература XX века. М.: Восточная литература, 2010.
2. *Саломов Г.* Тил ва таржима (Язык и перевод). Ташкент: Фан, 1966.
3. *Джураев К.* Мастерство поэта-переводчика Л.М. Пеньковского (на материале русских переводов узбекской поэзии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1977.
4. *Саидов Ф.Г.* Текст и перевод (проблемы литературного жанра и стилистики). Ташкент, 1991.
5. *Средняя Азия в творчестве русских советских писателей.* Ташкент: Фан, 1977.
6. *Исраилова М.* Хамза в русских переводах. Ташкент: Фан, 1981.
7. *Камилова С.* Русские нравственно-психологические традиции в современном узбекском культурологическом пространстве // Вестник учебно-методического объединения по образованию. 2012. № 4. С. 56—68.
8. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М., 2002.
9. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.

10. *Латышев Л.К.* Взгляд на современный перевод через призму его истории // Перевод и переводческая компетенция. Курск, 2003.
11. *Маслова В.А.* Линвокультурология: М.: Академия, 2001.
12. *Никонов В.М.* Социо- и линвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте // Проблемы культурной адаптации текста. Воронеж, 1999.
13. *Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Высшая школа, 2006.
14. *Адзиева З.Х., Ярова Я.Р.* Культурологический аспект художественного перевода. Дагестанский государственный педагогический университет, 2011.
15. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
16. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М., 1975.
17. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
18. *Алимов В.В.* Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. М., 2004.
19. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980.
20. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. СПб., 2003.
21. *Кулемина К.В.* Эквивалентность и адекватность в переводах поэтических текстов. Пятигорск, 2006.
22. *Абраменко Г.А.* Итальянский язык. Трудности перевода. М., 2011.
23. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводческий словарь. М., 2003.
24. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
25. *Чехов А.П.* Сочинения в 18 томах // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1978.
26. *Султонова М.* Ёзувчи услубига доир. Ташкент: Фан, 1973.
27. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. Изд. АН СССР, 1960.

References

1. Mirzaev, S. 2010. *Uzbekskaya literatura KHKh veka*. Moscow: Izd. «Vostochnaya literatura» RAN. Print. (In Russ.).
2. Salomov, G. 1966. *Til va tarzhiba (Yazyk i perevod)*. Tashkent: Izd-vo «FaN» UZSSR. Print. (In Russ.).
3. Dzhuraev, K. 1977. *Masterstvo poehta-perevodchika L.M. Pen'kovskogo (na materiale russkikh perevodov uzbekskoi poezii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Tashkent. Print. (In Russ.).
4. Saidov, F.G. 1991. *Tekst i perevod (problemy literaturnogo zhanra i stilistiki)*. AKD. Tashkent. Print. (In Russ.).
5. *Srednyaya Aziya v tvorchestve russkikh sovetских pisatelei*. Otv. Ed. By N.V. Vladimirova. Tashkent: Izd-vo «FaN» UZSSR, 1977. Print. (In Russ.).
6. Israilova, M. 1981. *Khamza v russkikh perevodakh*. Tashkent: Fan. Print. (In Russ.).
7. Kamilova, S. 2012. “Russkie nraivstvenno-psikhologicheskie traditsii v sovremennom uzbekskom kul'turologicheskom prostranstve”. *Vestnik uchebno-metodicheskogo ob'edineniya po obrazovaniyu* 4: 56–68. Print. (In Russ.).
8. Komissarov, V.N. 2002. *Sovremennoe perevodovedenie*. Moscow. Print. (In Russ.).
9. Komissarov, V.N. 1990. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)*. Moscow: Vysshaya shkola. Print. (In Russ.).
10. Latyshev, L.K. 2003. “Vzglyad na sovremennyy perevod cherez prizmu ego istorii” in *Perevod i perevodcheskaya kompetentsiya*. Kursk. Print. (In Russ.).
11. Maslova, V.A. 2001. *Linvokul'turologiya*: M.: Akademiya. Print. (In Russ.).
12. Nikonov, V.M. 1999. “Sotsio- i lingvokul'turologicheskie problemy adaptatsii konnotativnykh edinits yazyka v tekste” in *Problemy kul'turnoi adaptatsii teksta*. Voronezh. Print. (In Russ.).
13. Obolenskaya, Yu. L. 2006. *Khudozhestvennyi perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Moscow: Vysshaya shkola. Print. (In Russ.).

14. Adzieva, Z.Kh., and Ya. R. Yarova. 2011. Kul'turologicheskii aspekt khudozhestvennogo perevoda. Dagestanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Print. (In Russ.).
15. Retsker, Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Moscow, 1974. Print. (In Russ.).
16. Barkhudarov, L.S. 1975. Yazyk i perevod. Moscow. Print. (In Russ.).
17. Shveitser, A.D. 1988. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty. Moscow. Print. (In Russ.).
18. Alimov, V.V. 2004. Teoriya perevoda. Perevod v sfere professional'noi kommunikatsii. Moscow. Print. (In Russ.).
19. Min'yar-Beloruhev, R.K. 1980. Obshchaya teoriya perevoda i ustnyi perevod. Moscow. Print. (In Russ.).
20. Kazakova, T.A. 2003. Prakticheskie osnovy perevoda. St. Petersburg. Print. (In Russ.).
21. Kulemina, K.V. 2006. Ekhivalentnost' i adekvatnost' v perevodakh poehticheskikh tekstov. Pyatigorsk. Print. (In Russ.).
22. Abramenko, G.A. 2011. Ital'yanskii yazyk. Trudnosti perevoda. Moscow. Print. (In Russ.).
23. Nelyubin, L.L. 2003. Tolkovyi perevodcheskii slovar'. Moscow. Print. (In Russ.).
24. Komissarov, V.N. 2002. Sovremennoe perevodovedenie. Moscow: EHTS. Print. (In Russ.).
25. Chekhov, A.P. 1978. Sochineniya v 18 tomakh. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tomakh. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.).
26. Sultonova, M. 1973. Ezuvchi uslubiga doir. Tashkent: «FaN». Print. (In Russ.).
27. Kononov, A.N. 1960. Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka. Izd. AN SSSR. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Хидирова Гулнора Назиевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики преподавания Узбекского государственного университета мировых языков. E-mail: konfruslit@mail.ru

Bio Note:

Gulnora N. Khidirova is a Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Uzbek State University of World Languages. E-mail: konfruslit@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-385-396

Научная статья

Креолизированный текст как полилингвильный феномен

В.С. Косенко

Российский институт театрального искусства — ГИТИС
Российская Федерация, 125009, Москва, Малый Кисловский пер., д. 6

В устном речевом общении целесообразно различать вербальный и невербальный канал общения. Просодические (интонационные) средства — речевая мелодия, ударения, временные характеристики звуков речи, с которыми ассоциируются значения слов, сформированные в этнической культуре коммуникантов, транслируются по вербальному каналу. По невербальному каналу транслируются характеристики голоса говорящего — высота, сила, темп, ритм голоса, которые, употребляемые намеренно или ненамеренно, несут независимо от семантики языковых средств невербальную информацию о говорящем, его отношении к собеседнику, предмету общения, к самому говорящему. В работе исследовалось различие в смысловом восприятии одного и того же текста, произнесенного диктором-мужчиной и диктором-женщиной, с целью выявить причинные связи между половой принадлежностью диктора и спецификой понимания содержания, произнесенного им речевого сообщения.

Ключевые слова: вербальный и невербальный каналы общения; просодические (интонационные) характеристики речи, невербальные характеристики голоса коммуникантов (высота, сила, темп, ритм)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23.04.2020

Дата принятия к печати: 29.07.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Косенко В.С. Креолизированный текст как полилингвильный феномен // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 385—396. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-385-396

© Косенко В.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Creolized Text as a Polylingual Phenomenon

Viktoriya S. Kosenko

Russian Institute of Theatre Arts — GITIS
6, M. Kislovskiy per., Moscow, 125009, Russian Federation

In oral speech communication is advisable to distinguish between verbal and non-verbal communication channel. The verbal channel is served by the sounds of a particular ethnic language, with which the meanings of words formed in another ethnic culture are associated. The verbal channel broadcasts non-linguistic signs: height, strength, pace, rhythm of the speaker's voice. These signs, used intentionally or unintentionally, carry, regardless of the semantics of language means, non-verbal information about the speaker, about his attitude to the interlocutor, to the subject of communication, to the speaker himself. The study revealed the contribution of the speaker's gender to the quality of the sounding (spoken) text in comparison with the qualities of the same text in written performance.

Key words: verbal and non-verbal communication channel, linguistic and non-linguistic signs, height, strength, pace, rhythm of the speaker's voice; female and male voice as non-linguistic signs, male and female voice as a sign of attitude

Article history:

Received: 23.04.2020

Accepted: 29.07.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kosenko, V.S. 2020. "Creolized Text as a Polylingual Phenomenon". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 385—396. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-385-396

Введение

Полилингвильность — такое качество семиотической системы, при котором знаки различного уровня находятся в синергетическом взаимодействии друг с другом, образуют феномены более сложного порядка. Основным качеством подобных образований становится интермедильность: они успешно функционируют в нескольких семиотических модулях. К полилингвильным феноменам относится и креолизованный текст. Любое лингвистическое исследование осуществляется в условиях презумпции того, что в процессе речевого общения используются как собственно языковые знаки, так и различные неязыковые знаки, которые употребляются вместе с языковыми. В своем исследовании лингвист либо игнорирует факт соупотребления неязыковых знаков, либо учитывает их влияние на функционирование (производство и восприятие) языковых знаков.

Так как любой предмет, созданный в конкретной этнической культуре, потенциально может стать знаком, если он вовлекается в социальные отношения коммуникантов, проблема учета/неучета знаков, употребляемых вместе с языковыми знаками, может ставить под вопрос валидность результатов анализа речи, особенно речи устной.

Все языковые знаки, вовлеченные в общение, разделяются на две большие группы: 1) знаки, для производства которых используются артикуляторные органы человека, но которые не являются собственно языковыми знаками (высота, сила, темп, ритм); 2) знаки, в производстве которых голос не участвует (одежда, качество ткани из которой она изготовлена, и все аксессуары, находящиеся на теле человека, т.е. то, что называется «социальной кожей»), жесты, позы человека, окружающая культурная и природная материальная среда, в которой развивается общение.

Объектом нашего анализа являются неязыковые характеристики голоса, которые используются намеренно или ненамеренно как знаки для регулирования поведения объекта речевого воздействия.

В.П. Морозов, крупнейший исследователь невербальных средств коммуникации (общения), пишет по поводу их знаковой функции: «...звуковая речь как средство общения несет слушателю, при этом независимо от семантики слова, то есть как бы “между слов”, невербально весьма значительную и важнейшую для слушателя информацию о говорящем, его отношении к собеседнику, к предмету разговора, к самому себе и тому подобное» [1. С. 24].

Учитывая речь и особенности невербальных средств, В.П. Морозов предлагает в речевом общении выделять два информационных канала: первый канал, где используются языковые знаки, и второй канал, где функционируют неязыковые акустические и неакустические знаки. Кроме того, он делает попытку составить номенклатуру характеристик невербальных экстралингвистических средств общения:

«• полисенсорная природа... [этих средств — В.К.], то есть реализация ее одновременно через разные органы чувств (слух, зрение, обоняние и другие);

• эволюционно историческая древность по сравнению с вербальной речью; м независимость от семантики речи (слова могут значить одно, а интонация голоса — другое);

• значительная произвольность и подсознательность;

• независимость от языковых барьеров;

• особенности акустических средств кодирования;

• особенности психофизиологических механизмов восприятия (декодирование мозгом)» [1. С. 27].

Особенности психофизиологических механизмов восприятия речи (декодирование мозгом) согласно гипотезе В.П. Морозова [2] заключаются в том, что речь, состоящая одновременно как из вербальной (фонетической), так и из невербальной (тембр голоса) части, обрабатывается мозгом в соответствии с двумя разными принципами. Левое полушарие осуществляет фонемный анализ речи, правополушарная обработка речевой информации «заключается в интегральной целостной оценке речевых единиц (патернов) целых слов, и сравнении их с хра-

нящимися в памяти эталонами тембральных, интонационных, ритмических и других характеристик речи» [1. С. 39].

Целью нашего экспериментального исследования является изучение влияния женского и мужского голоса на коннотативное содержание произносимого ими речевого сообщения.

Описание эксперимента

Стимульный материал представляет собой один и тот же текст, произнесенный диктором-мужчиной и диктором-женщиной. Этот текст составлен как компиляция из 27 текстов испытуемых, описывающих фотографию осеннего леса средней полосы России. Компилятивный текст содержит языковые средства, используемые только испытуемыми, т.е. он содержит слова, которые во внешней форме отображают образы восприятия испытуемых, сформированные ими в процессе восприятия фотографии, что исключает навязывание исследователем образов своего сознания испытуемым. Испытуемые — это студенты второго курса, разделенные на 3 группы: первая группа — 27 человек, 14 женщин, 13 мужчин; вторая группа — 25 человек, 14 женщин, 11 мужчин; третья группа — 28 человек, 15 женщин, 13 мужчин. Для всех испытуемых родной язык — русский.

Дикторы — мужчина 38 лет и женщина 36 лет, носители русского языка, владеющие орфоэпическими нормами.

Ход эксперимента

Первой группе предъявлялся для смыслового восприятия текст, который произносил диктор-мужчина, второй группе предъявлялся текст, который произносила диктор-женщина, третьей группе предъявлялся письменный текст. После смыслового восприятия текста испытуемые измеряли результат этого восприятия при помощи однополосных шкал. Наше исследование осуществлялось в рамках психосемантического эксперимента методом модифицированного семантического дифференциала.

Фотография, описанная в экспериментальном тексте

Экспериментальный текст

Осень. Последние теплые денечки. Еще много листьев на деревьях, след лета еще не остыл. Лес так и манит своим спокойным покачиванием и мерным треньканьем какой-то птички, хочется зайти и пособирать грибы, вдохнуть глубоко лесного прозрачного воздуха. Кажется, что земля и воздух пропитались летним теплом и теперь отдают его всем растениям и деревьям, чтобы им хватило перезимовать. Тихая лесная заводь ведет к другому озеру. Кажется, что с раннего утра здесь были рыбаки, а теперь где-то готовят уху к обеду. Берега топкие, значит скоро можно поискать здесь клюкву.

Обсуждение

Для исследования проблемы влияния пола диктора на восприятие текста целесообразно использовать модифицированный семантический дифференциал (СД). Этот метод позволяет выявить неосознаваемые самим испытуемыми критерии восприятия исследуемых объектов. Испытуемые по заданному набору характеристик оценивали объекты от 0 до 5 (0 означает отсутствие качества, 5 — его максимальную выраженность). Объектом нашего исследования является восприятие звучащего текста, описывающего картину (женский голос) (ЗТЖ); звучащего текста, описывающего картину (мужской голос) (ЗТМ), письменного текста, описывающего картину (НТ).

Цель исследования выявить, как влияет пол диктора на восприятие одного и того же текста.

Процедура семантического дифференциала позволила соотнести оценки, данные тексту, произнесенному диктором-мужчиной, с оценками, данными тексту, произнесенному диктором-женщиной, и с оценками письменного текста.

Все шкалы, сгруппированные в факторы, характеризуют качества звучащих и письменных текстов. Название этих качеств совпадает с названием фактора: оценка (денотативная), оценка (коннотативная), символичность, активность, сила, обыкновенность, натуралистичность. Использование однополюсных шкал дает дополнительную «степень свободы» в выявлении когнитивных структур испытуемых в экспериментальном материале. Показателем субъективной шкальной синонимии и антонимии является группировка шкал—признаков описания в одном факторе [3—8].

Полученные суммарные матрицы были подвергнуты обработке в статистическом пакете (SPSS). После обработки данных получили семантическое пространство из восьми факторов. Результаты можно видеть на графиках категорий-факторов [3. С. 141].

Факторы названы с опорой на входящие в них шкалы и приведены в порядке убывания их значимости.

Оценка (денотативная) (красочный, живописный, выразительный)

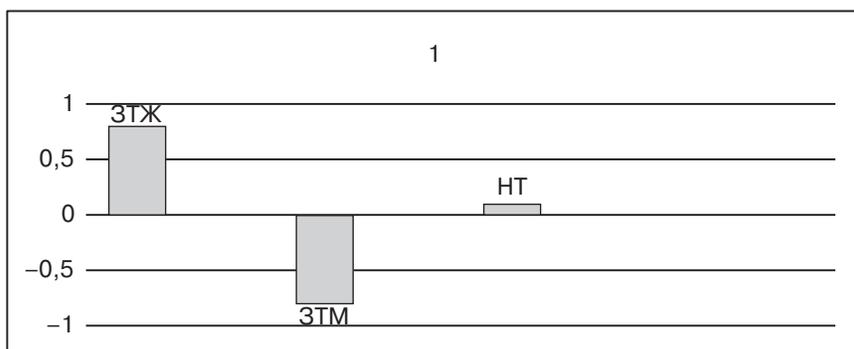

Рис. 1

Рисунок 1 показывает, что письменный текст воспринимается нейтрально, но тот же самый текст, озвученный мужским голосом, воспринимается наименее красочно, живописно и выразительно. Оценки по этим шкалам подтверждают это — они самые низкие для этого объекта. Этот же текст, озвученный женским голосом, имеет наивысшую оценку. Это можно объяснить тем, что женский голос значительно более сложен, чем мужской, в связи с тем, что у женщин большая вариация в размерах и форме голосовых связок. Кроме того, женские голоса имеют гораздо больше природной «мелодичности». Голос является мощным средством невербального воздействия на подсознание окружающих. Тон, высота, сила звучания влияют на восприятие по голосу.

Оценка (коннотативная) (легкий, спокойный, гармоничный, неагрессивный, открытый, естественный, искренний, приятный)

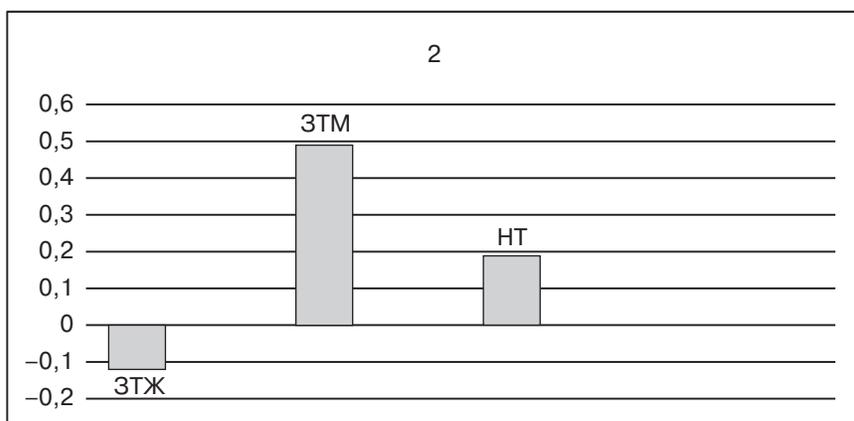

Рис. 2

По фактору **оценка (коннотативная)** письменный текст имеет небольшое положительное значение, а текст, озвученный мужским голосом (ЗТМ), имеет самую высокую оценку. Женский голос по этому фактору получил, хотя и незначительную, но отрицательную оценку.

По статистике мужской голос признается более стереотипным. Проще говоря, слушатели хуже замечают разницу между разными мужскими голосами. Например, женские голоса сильно отличаются при использовании в рекламе — от соблазнительно-эротических молодых голосов до глубоких и спокойных, в зависимости от целевой аудитории и категории товара. Этот же принцип работает при озвучивании документального видео. Стереотипность мужского голоса позволяет воспринимать информацию более спокойно, не отвлекаясь на эмоции. Зачастую именно мужским голосом озвучиваются военно-исторические записи. Это целесообразно, чтобы донести информацию о военных действиях, не вдаваясь в эмоциональный аспект. Очень хорошо мотивируют зрителей документальные видео с патриотическим оттенком. Таким образом, мужской голос создает в сознании слушателя атмосферу деловитости и отрешенности от эротических раздумий, тогда как звук женского голоса ассоциирован у слушателя с естественной для человеческих отношений эротической окрашенностью, дисгармонирующей с содержанием письменного текста, отображающего природный пейзаж [9. С. 252–256].

Символичность (*возвышенный, образный, символический, художественный*)

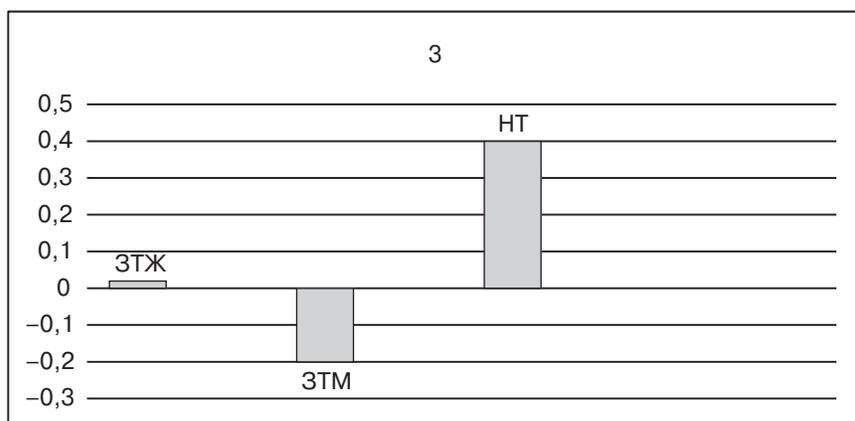

Рис. 3

По фактору **символичность** самое большое положительное значение имеет письменный текст. Звучащий женский текст и тем более звучащий мужской голос воспринимается менее образно, символично и возвышенно, чем просто текст. Это можно объяснить тем, что при восприятии письменного текста у реципиента больше возможностей для создания собственных представлений о том, как может звучать данный текст. В отличие от мужского женский голос чище, имеет более широкий звуковой диапазон и более эмоционален, поэтому звучащий женский текст может восприниматься более образным возвышенным и символическим, чем мужской.

Активность (*динамичный, активный, яркий, изошренный, четкий*)

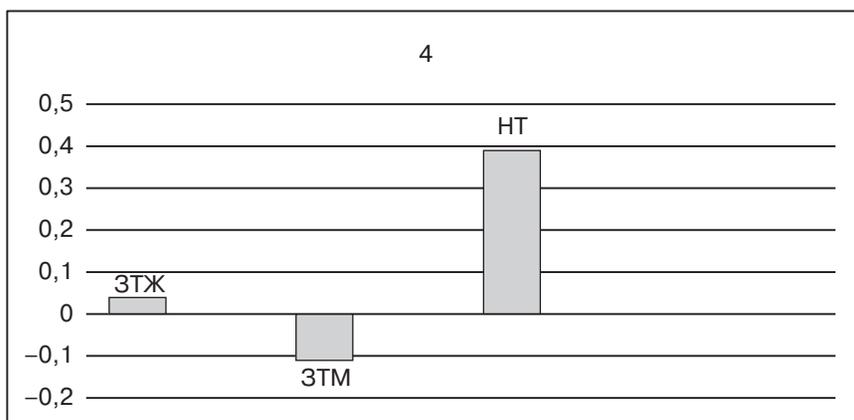

Рис. 4

Женской эмоциональной речи свойственно использование мелодических модуляций. Это делает звучащий женский голос ярким, динамичным и активным. Возможно, этим объясняется, что женский голос воспринимается более ярким и активным. Это показано на рис. 4. Более высокие оценки женского голоса по критерию *динамичный, активный, яркий, изошренный, четкий* объясняются, вероятно, тем, что эти оценки фиксируют воздействие на сознание реципиента зрительного образа живописного отображения яркого осеннего лесного пейзажа с преобладанием цветов теплой части спектра.

Романтичность (*интимный, изысканный, романтический*)

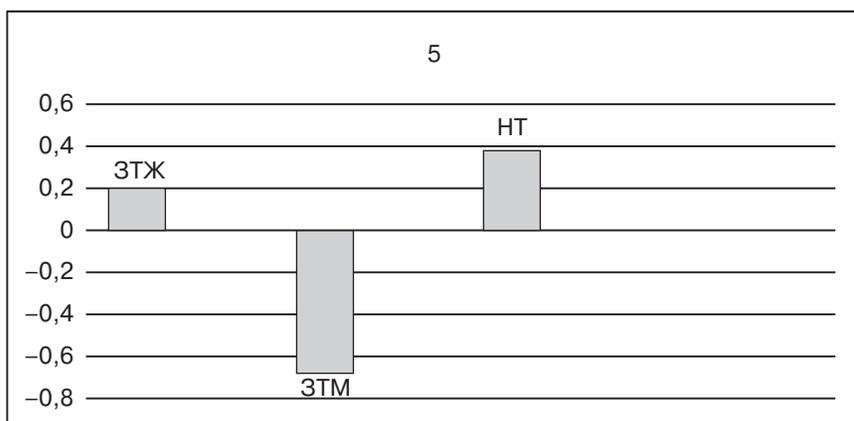

Рис. 5

Если учесть, что женский голос считается более музыкальным по сравнению с мужским голосом и звучит на высоких частотах, а диапазон этих частот шире, чем в случае мужского голоса, то вполне естественно, что он воспринимается как более изысканный и романтический. У мужчин более грубый голос, спектр воспроизводимых ими звуков шире, чем у женщин. Но у женщин голос мягче, нежнее и чище, слова, произнесенные им, гораздо легче воспринимаются в условиях

звуковых помех (чем объясняется озвучивание женщинами важной информации в транспорте, общественных местах).

Сила (*холодный, сильный, жесткий, темный, сложный*)

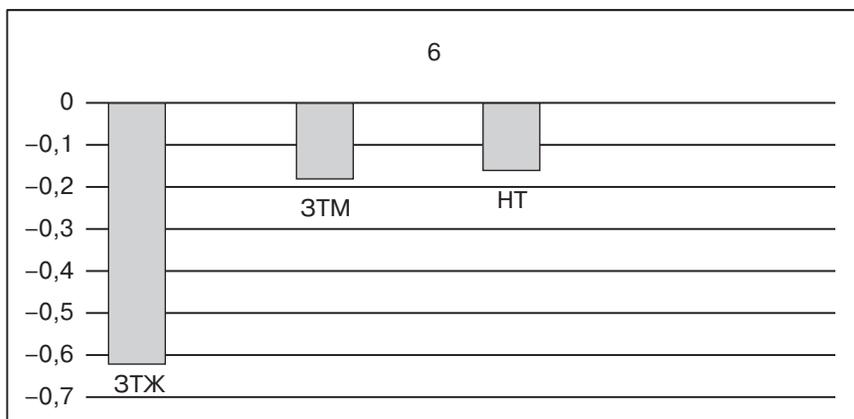

Рис. 6

В результате озвучивания текста мужским голосом восприятие текста практически не изменилось по сравнению с письменным текстом. При озвучивании женским голосом текст воспринимается как более *теплый, простой, мягкий, светлый*.

Следует подчеркнуть, что такие характеристики женского голоса, как *теплый, простой, мягкий, светлый*, которые, вероятно, служат средством формирования доверительных отношений между мужчинами и женщинами, объединенные в один фактор сила, они превосходят соответствующие количественные характеристики мужского голоса в три раза.

Обыкновенность (*наивный, примитивный, обыкновенный*)

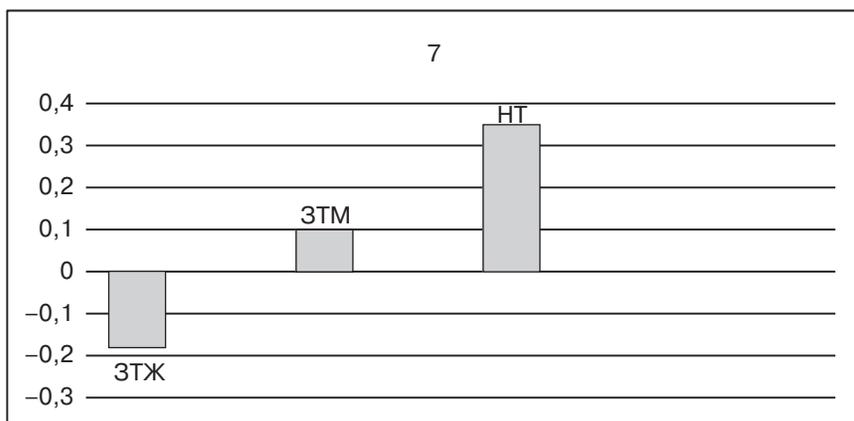

Рис. 7

По фактору **обыкновенность** ведущим качеством можно считать наибольшее значение по шкале *обыкновенность* для мужского голоса. Женской эмоциональной речи свойственно использование мелодических модуляций, это позволяет

говорить о том, что женский голос не оценивается как обыкновенный в отличие от мужского голоса или письменного текста.

Натуралистичность (натуралистичный, понятный)

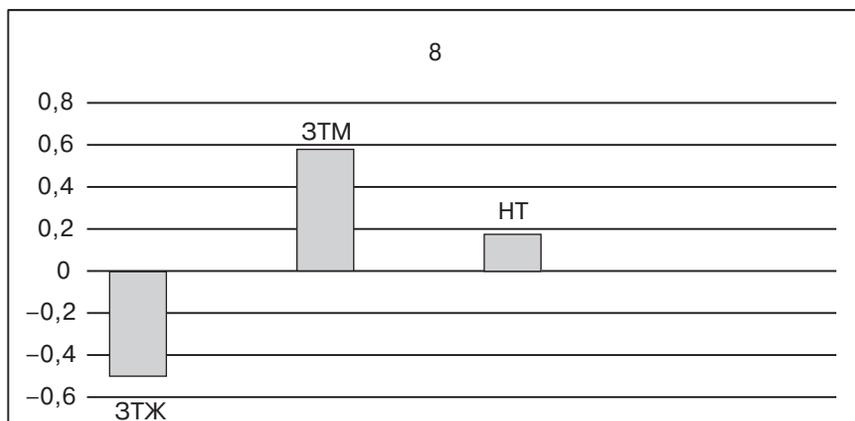

Рис. 8

В этом факторе ведущая роль у шкалы *понятный*. По крайней мере, по отношению обладателя мужского голоса к власти существует большая определенность, чем у обладательницы женского голоса — мужской голос более однозначно ассоциируется с властью, чем женский голос [9. С. 309—353]. Иначе говоря, понятность мужского голоса означает большую надежность выводов об отношении мужчины-коммуниканта к участникам и предмету общения.

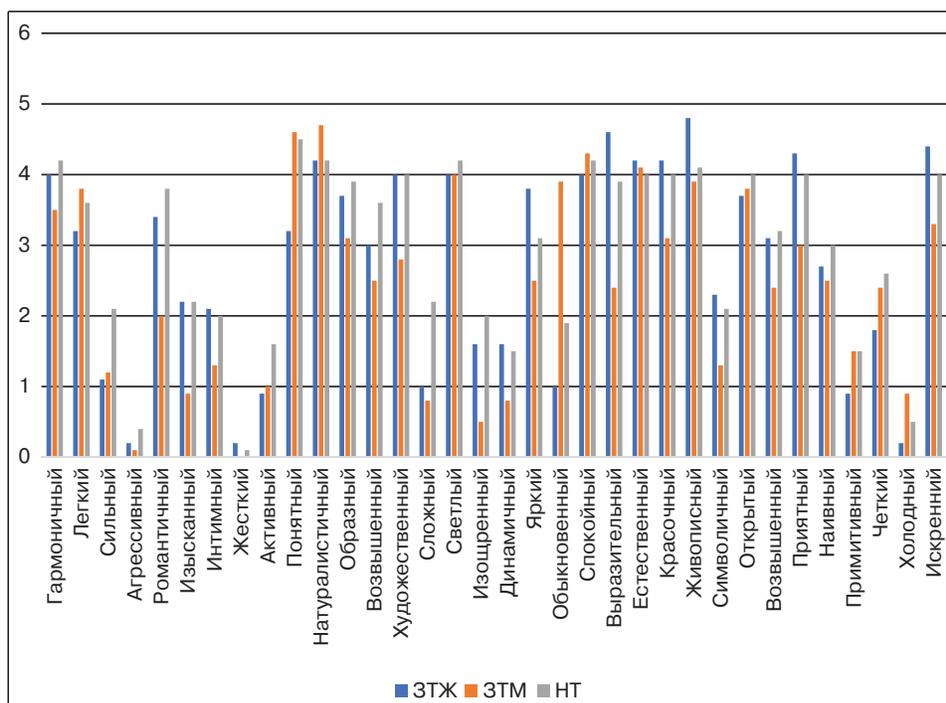

Рис. 9

Заключение

Результаты эксперимента показали, что женский голос воспринимается как более романтический, изысканный, интимный, образный, художественный, яркий, выразительный, красочный, живописный и приятный, мужской голос — как более спокойный, понятный, холодный и обыкновенный. Эти результаты, полученные в ходе обработки данных шкалирования своего смыслового восприятия испытуемыми и являются приращением нового знания. Множественность шкальных оценок дает возможность, с одной стороны, вскрытия тонких (нюансных) качеств измеряемых объектов; с другой стороны, объединение нескольких шкал по критерию близости числовых характеристик в отдельные факторы позволяет давать обобщенные конкретные характеристики каждого объекта.

О тонких (нюансных) качествах можно судить по графику на рис. 9, который показывает, что оценки текста, произнесенного диктором-женщиной, самые высокие по 16 шкалам (44,1%), оценки текста, произнесенные диктором-мужчиной, самые высокие по 6 шкалам (17,6%), а письменный текст самые высокие оценки имеет по 12 шкалам (35,2%).

Список литературы

1. Морозов В.П. Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования. М., 2011.
2. Морозов В.П., Вартамян И.А., Галунов В.И. и др. Восприятие речи. Вопросы функциональной асимметрии мозга / под ред. В.П. Морозова. М.;Л.: Наука, 1988.
3. Харман Т. Современный факторный анализ. М., 1972.
4. Carroll, J.D. (1959). A Review of the Measurement of Meaning. *Language*. Vol. 35. P. 58–77.
5. Osgood, Ch. (1962). Studies on Generality of affective meaning system. *American Psychologist*. Vol. 17. P. 10–28.
6. Osgood, Ch.E. *Psycholinguistics* (1988). Cross-Cultural Universals, And Prospects for Mankind. Praeger Publishers.
7. Osgood, Ch., Suci, G.J., Tannenbaum, P.H. (1957). The measurement of meaning. Urbana. 342 pp.
8. Osgood, Ch.E. (1959). Semantic space revisited. *Word*. Vol. 15. P. 195–200.
9. Палуди М. Женская психология: СПб.: прайм — ЕВРОЗНАК, 2007. 384 с.

References

1. Morozov, V.P. 2011. Neverbal'naya kommunikatsiya: ehksperimental'no-psikhologicheskoe issledovanie. Moscow. Print. (In Russ.)
2. Morozov, V.P. et al. 1988. Vospriyatie rechi. Voprosy funktsional'noi asimmetrii mozga. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
3. Kharman, T. 1972. Sovremennyi faktornyi analiz. Moscow. Print. (In Russ.)
4. Carroll, J.D. 1959. A Review of the Measurement of Meaning. *Language* 35: 58–77.
5. Osgood, Ch. 1962. "Studies on Generality of affective meaning system". *American Psychologist* 17: 10–28.
6. Osgood, Ch.E. 1988. *Psycholinguistics*. Cross-Cultural Universals, And Prospects for Mankind. Praeger Publishers. Print.
7. Osgood, Ch., Suci, G. J., Tannenbaum, P.H. 1957. The measurement of meaning. Urbana. Print.
8. Osgood, Ch. E. 1959. "Semantic space revisited". *Word* 15: 195–200.
9. Paludi, M. 2007. *Zhenskaya psikhologiya*: SPb.: praim — EVROZNAK. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Косенко Виктория Сергеевна — старший преподаватель кафедры сценической речи Российского института театрального искусства. E-mail: visha-k@mail.ru

Bio Note:

Viktoria S. Kosenko is a Senior teacher of the Chair of Scenic Speech, Russian Institute of Theatre Arts — GITIS. E-mail: visha-k@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-397-403

Научная статья

Полилингвальное интернет-пространство и обучение иностранных студентов русскому языку в высшей школе

Т.Е. Владимирова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 11991, Москва, Ленинские горы, 1

Преподавание русского языка иностранным студентам рассматривается в контексте растущей популярности социальной сети Instagram как привлекательной обучающей среды, которая предлагает разнообразные онлайн-сервисы для изучающих русский язык. Особое внимание в работе уделяется иностранным сайтам русского языка, которые насчитывают от сотен тысяч до миллиона и более просмотров. Это позволяет, с одной стороны, выявить причины их востребованности, а с другой — раскрыть недостаточно используемый потенциал педагогического дискурса, который предполагает «человекообразность» учебной деятельности и отношение к студенту как личности с собственным «проектом» саморазвития (Л.С. Рубинштейн) и эпистемологической позицией наблюдателя.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, социальная сеть Instagram, полилингвальное интернет-пространство, информационно-коммуникационная среда

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.05.2020

Дата принятия к печати: 23.06.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Владимирова Т.Е. Полилингвальное интернет-пространство и обучение иностранных студентов русскому языку в высшей школе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 397–403. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-397-403

© Владимирова Т.Е., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Multilingual Internet Space and Teaching Foreign Students the Russian language in Higher Education

T.E. Vladimirova

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 11991, Москва, Ленинские горы, 1

The article is devoted to the consideration of teaching Russian to foreign students in the context of the growing popularity of the social network Instagram as an attractive learning environment that offers a variety of online services for Russian students. Particular attention is paid to foreign sites of the Russian language, which count from hundreds of thousands to a million or more views. This allowed, on the one hand, to identify the reasons for their relevance, and on the other hand, to reveal the underutilized potential of pedagogical discourse, which suggests 1) the “human dimension” of educational activity; 2) the attitude to the student as a person with his/her own “project” of self-development and 3) a certain epistemological position of the observer.

Key words: Russian as a foreign language, Instagram social network, multilingual Internet space, information and communication environment

Article history:

Received: 14.05.2020

Accepted: 23.06.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Vladimirova, T.E. 2020. “Multilingual Internet Space and Teaching Foreign Students the Russian language in Higher Education”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 397—403. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-397-403

Введение

Функциональная природа языка как средства речевого взаимодействия предопределила коммуникативную направленность обучения иностранных студентов русскому языку с целью получения высшего образования в российских вузах. Однако восприятие, понимание и даже хранение слова в памяти неразрывно связаны не только с определенным социокультурным контекстом и коммуникативным актом, но и с личностным взаимодействием.

Развитие информационных компьютерных технологий способствовало их внедрению в практику обучения русскому языку как иностранному. Создание глобальной компьютерной сети и интернет-ресурсов не только расширило возможности учебного процесса, но существенно преобразовало его. Открытость интернет-пространства и социальных сетей «придает учебно-воспитательному

процессу особое качество: он обретает для каждого учащегося *территориальную и временную независимость*» и выводит на «более высокий уровень информированности человека, а соответственно, его образованности и социальной свободы» [1. С. 6].

В центре внимания статьи — актуальная проблема совершенствования вузовского обучения иностранных студентов русскому языку в эпоху полилингвального коммуникационного пространства, когда на сайты и профили заходят носители различных языков и культур. При этом основное внимание предлагается сосредоточить на личности студента как субъекта образовательного процесса. Преподаватель выступает в качестве организатора обучения, и поэтому в его задачу входит раскрытие и актуализация личностно-деятельностного потенциала всех субъектов образовательного процесса.

Обсуждение

Стремясь рассмотреть процесс обучения русскому языку с позиций иностранного студента, обратимся к социальной сети Instagram, популярность которой возрасла с 1 млн человек в 2010 году до 1,1 млрд человек в апреле 2018 года [2. С. 204]. Следовательно, анализ материалов в рамках данной социальной сети позволит с возможной полнотой выявить личностное отношение студентов и — шире — пользователей социальных сетей к изучению русского языка и к учебному процессу в целом.

Предпринятое знакомство с мнениями и оценками пользователей Instagram выявило серьезные трудности, с которыми сталкиваются иностранцы, изучая русский язык. В подтверждение сошлемся на блоги интернет-пользователей, которые делятся своим опытом освоения языка. Более того, отвечая на вопросы, они нередко дают сомнительные советы, выступая в качестве эксперта по русскому языку.

Особый исследовательский интерес вызывают заголовки постов и сайтов, красноречиво выражающие позицию их автора. В этой связи заметим, что некоторые из них насчитывают сотни тысяч и даже более миллиона просмотров. Приведем некоторые из этих заголовков, отмечая их критическую направленность и нескрываемое раздражение, за которыми, как представляется, все же угадывается желание говорить по-русски:

Русский язык — взрыв мозга для иностранцев!; Правила русского языка, которые приводят иностранцев в ужас!; Русские глаголы, которые разрушают мой мозг!; Иностранцы в шоке от русского языка; В чем русский язык бесит нас?!; Чем русский язык пугает иностранцев; Китайка о том, что пугает китайцев в русском языке; 7 правил русского языка, от которых может похнынуть; 25 суровых истин, которые узнают американцы, изучающие русский язык; 28 трудностей, с которыми сталкиваются иностранцы, изучая русский; СТРАДАНИЯ ИНОСТРАНЦА: почему русский язык такой сложный?; Почему русский язык так тяжело иностранцам учить?; За что иностранцы любят и ненавидят русский язык и др.

Встречаются непривычные для русского восприятия заголовки, рассчитанные, по-видимому, на рост числа просмотров и подписчиков. К их числу отнесем:

«Чем русский язык бесит америкашку?!» (<https://mail.rambler.ru/m/redirect?url=https%3A//www.youtube.com/watch%3Fv%3DmMuFjVxRl2c&hash=e7ff18063c5975a6315c270740fc350a> — от 10.07. 2020). В этом же блоге Джастина и Дэни последний объясняет: «Это вообще не обидно, а тепло и весело, потому что английские друзья меня так называют». А из возможных форм приветствия посетителей канала, имеющего 1,1 млн подписчиков, Джастин остановился на «Всем, ребята, привет».

Вернемся к проблемам, которые достаточно часто обсуждаются в соцсетях. Прежде всего отметим сложности, связанные с кириллицей и непривычными звукобуквенными связями, которые затрудняют развитие чтения и письменной речи. Ограничимся приведением следующего размышления:

Русский язык настолько суровый, что не ты изучаешь его, а он тебя. Одной кириллицы хватило, чтобы мозг начал работать со скрипом; Русский алфавит странный сам по себе. Некоторые буквы в нем точно такие же, как в латинском, а вот другие выглядят так же, но звучат совсем иначе. А еще две буквы — «Ь» и «ь» — не имеют собственных звуков, зачем они вообще нужны? (<https://emosurf.com/post/3321> — от 10.07 2020).

Что же касается фонетических трудностей, то они неизбежно влекут за собой затрудненное понимание говорящего и, как следствие, сложности в процессе общения. В качестве примера сошлемся на следующее высказывание:

Три друга, которые сведут вас с ума: «ч», «ш» и «щ». «Зачем?» и «За что?» — примерно такими вопросами задаются люди, которые впервые знакомятся с русскими согласными. Легко перепутать «ш», «щ» и «ч», когда звуки для тебя новые, и в результате носители языка не понимают тебя совсем. Нужна башня Шуховская, спросил дорогу, как смог, приехал на станцию «Шукинская». Это норма.

А когда дело доходит до «ш», «щ» и «ч», вы думаете, что они не так уж и различаются. Но вот вы путаете их в разговоре, и выясняется, что русские вас не понимают. «Какой еще «ячик»?! А-а-а, ящик!» Потом появляется малыш «ь», который проползает в некоторые слова и меняет их до неузнаваемости своей черной магией. И в один прекрасный день вы будете искать магазин, в котором продаются «диваны, кровати и столы» — потому что слово «мебель» слишком сложно произнести. Вам придется запомнить, что телевизор — это «мальчик», газета — «девочка», а радио не имеет «пола» (<https://chert-poberi.ru/umor/25-surovyx-istin-kotorye-uznayut-amerikancy-izuchayushhie-russkij-azyk.html>).

Постепенно, преодолевая фонетические, лексические и лексико-грамматические сложности, иностранцы привыкают к самобытным формам выражения этикета и начинают использовать повелительное наклонение, потому что иначе их речь будет казаться невежливой и странной. В этой связи заметим, что употребление форм повелительного наклонения в западноевропейских языках рассматривается как недопустимое давление на собеседника.

Тем не менее, по мере вхождения в русское культурное пространство иностранные студенты открывают для себя новый мир со свойственными ему ценностными представлениями и идеалами, а следовательно, и иным кодом бытия. Более того, по мнению иностранных учащихся, русский язык влияет на их характер и поведение, и они ощущают в себе определенные перемены. Так, в интернете при-

существуют публикации, в которых речь идет не только о трудоемкости и «коварстве» русского языка, но и о восхищении им и готовности продолжать обучение:

Это занятие для сильных духом. Даже если вы будете изучать его годами, русский язык все равно сумеет подложить вам свинью. Например, кто-то заметит, что вы неправильно ставите ударение в слове, которое используете постоянно. Но, несмотря на всю головную боль, вы все равно будете рады, что связались со всем этим. Потому что русский язык не зря называют великим и могучим. И теперь вы просто не сможете жить без него.

Падежи учат смирению. Каждый, кто учит русский, проходит через уровни смирения. Выглядит это так: сначала ты учишь, потом учишь еще, потом учишь еще немного, начинаешь чувствовать себя уверенно, а потом ошибаешься в падежах. Единственный способ сохранить спокойствие и продолжить — научиться смирению.

Рассмотрев более 80 постов, в которых иностранцы пишут о русском языке и своем опыте его изучения, зададимся вопросом: чем объясняется популярность авторских сайтов и блогеров, регулярно выходящих на связь со своими подписчиками, а также со всеми, кого привлек заголовок их видеоматериала?

В поисках ответа обратим внимание на неформальную атмосферу этой формы взаимодействия, на оптимистичную тональность, доброжелательность, непосредственность в общении, готовность дать совет, поделиться своим опытом и неординарными рассуждениями о русском языке, культуре и их носителях.

При этом сами блогеры не всегда отличаются высоким уровнем владения русским языком, а иногда обнаруживают значительные и даже недопустимые отклонения, за которыми просматривается обидное пренебрежение, например, русской графикой. Однако имеющиеся пробелы во владении русским языком, по-видимому, вызывают скорее понимание и сочувствие, но не разочарование, привлекая к себе тысячи пользователей.

В качестве иллюстрации сошлемся на профиль голландца Ари и, в частности, на его любопытный пост «5 причин, почему учить Русский легко», в котором он, с одной стороны, приводит любопытные аргументы, раскрывающие его точку зрения, а с другой — обнаруживает катастрофически низкий уровень владения русской графикой.

Что же касается этих причин, то к ним Ари относит: 1) гибкий порядок слов, который существенно облегчает говорение на русском языке; 2) готовность русских, в отличие от голландцев, общаться с иностранцем, даже слабо владеющим русским языком, что дает широкие возможности для речевой практики с носителями языка; 3) наличие в России разного рода материалов для изучающих русский язык (курсы, учебники, пособия, курсы, фильмы с субтитрами и т.д.); 4) Россия вызывает у иностранцев большой интерес, что также способствует развитию разговорного русского языка (www.youtube.com/watch?v=fnt55iwVcxh).

На главное заключается в том, что все, кто вошел в аккаунт Ари, попадают в доброжелательную атмосферу, создаваемую говорящим по-русски голландцем, который не просто практикует свой русский язык, но делает это с уважением и симпатией к его носителям. Поэтому можно предположить, что ему прощают и

сделанные ошибки, и даже уродливое написание русских букв, которое вызовет недоумение у носителей языка.

Тем не менее, когда на сайте «Говорит Ари» появится его новый пост, он обязательно соберет тех, кто оценил обаяние молодого человека из Голландии и кто уже заметил, что с каждой встречей все легче и приятнее слушать и понимать его. Возможно, решающим фактором здесь является некоторая общность «личностных смыслов», «строя мыслей и чувств», о которых пишут психологи, утверждая, что внешнее воздействие обусловлено внутренним состоянием.

В целом, знакомство с работой иностранных видеоблогеров свидетельствует о характерном для них умении выбрать интересный сюжет или предложить неординарную тему, умело сравнивая русскую и собственную лингвокультуру, традиции и образ жизни.

Выводы

Развитие социальной сети Instagram создало предпосылки для создания комфортной полилингвальной среды, которая объединяет представителей различных языков и культур. Завершая предпринятое рассмотрение русскоязычных профилей для иностранцев, отметим, что в них нашли практическое воплощение:

1) постнеклассическая концепция «человекообразности» (В.С. Степин) образовательной деятельности, которая обеспечивается благодаря способности блогеров вызывать интерес у пользователей, используя при этом доступные для них средства выражения;

2) синергетическая идея самосовершенствования, когда благодаря вхождению в аккаунт, который соответствует личностному «проекту» саморазвития (Л.С. Рубинштейн), достигается желательный эффект в развитии понимания звучащей русской речи;

3) эпистемологическая позиция наблюдателя, когда студент оценивает не только достигнутые им результаты, но и деятельность блогера, от которого он может перейти к другому.

Востребованность социальных сетей подчеркивает актуальность разработки «человекообразных» обучающих технологий, которые создают гармоничную атмосферу «понимающего бытия-друг-с-другом». В заключение заметим, что критерий удовлетворенности студентов является в западных вузах одним из существенных при определении рейтинга высшего учебного заведения. Поэтому руководство вуза стремится сделать обучение максимально комфортным для студентов.

Список литературы

1. Колесников А.К., Оспенникова Е.В. Информатизация образовательного процесса в педагогическом университете // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. 2005. Вып. 1. С. 6—15.
2. Ивкина М.И. Варианты использования социальных сетей при обучении русскому языку как иностранному (на примере Instagram) // Преподаватель XXI век. 2019. № 2. С. 204—210.

3. *Владимирова Т.Е.* Русский дискурс в межкультурной коммуникации: экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е перераб., доп. М.: ЛЕНАНД, 2018.
4. *Владимирова Т.Е.* Русский код бытия: тенденции становления и развития // *Метафизика*. 2011. № 1 (1). С. 185—204.
5. *Леонтьев А.А.* Психология общения. М.: Смысл, 1999.
6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998.
7. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Курс лекций. Томск: Водолей, 1998.

References

1. Kolesnikov, A.K., and Ye.V. Ospennikova. 2005. "Informatizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v pedagogicheskom universitete". *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Informatsionnye komp'yuternye tekhnologii v obrazovanii 1: 6—15. Print. (In Russ.)
2. Ivkina, M.I. 2019. "Varianty ispol'zovaniya sotsial'nykh setey pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere Instagram)". *Prepodavatel' XXI vek* 2: 204—210. Print. (In Russ.)
3. Vladimirova, T.E. 2018. *Russkiy diskurs v mezhkul'turnoy kommunikatsii: Ekzistentsial'no-ontologicheskiiy podkhod*. Moscow: LENAND. Print. (In Russ.)
4. Vladimirova, T.E. 2011. "Russkiy kod bytiya: tendentsii stanovleniya i razvitiya". *Metafizika* 1 (1): 185—204. Print. (In Russ.)
5. Leont'yev, A.A. 1999. *Psikhologiya obshcheniya [Communication psychology]*. Moscow: Smysl. Print (In Russ.)
6. Rubinshteyn, S.L. 1998. *Osnovy obshchey psikhologii*. St. Peterburg: Piter Kom. Print. (In Russ.)
7. Khaydegger, M. 1998. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni. Kurs lektsiy*. Tomsk: "Vodolej". Print (In Russ.)

Сведения об авторе:

Владимирова Татьяна Евгеньевна — профессор кафедры культурологии Института русско-го языка и культуры МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: yusvlad@rambler.ru

Bio Note:

Tatiana E. Vladimirova is a PhD, Professor of the Department of Cultural Studies of Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University. E-mail: yusvlad@rambler.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-404-414

Научная статья

Влияние смены графики на образование учащихся

Л.П. Дианова

МГИМО(У)

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Предпринята попытка осмысления влияния смены графики на образовательный процесс. Научный интерес к данному вопросу обусловлен, прежде всего, достаточно длительными дискуссиями о переходе Республики Казахстан с кириллической графики на латиницу, которые особенно актуализировались с 2015 года. Вопросы смены алфавита были в фокусе как научного изучения, так и обсуждения разными слоями общества и в самой стране, и за ее пределами. Нынешний, 2020 год выдвинул на повестку дня одним из главных вопросов для всего современного мира борьбу с глобальной пандемией и отодвинул на задний план проблему перехода на новую графику. Это позволяет подтвердить мнение некоторых исследователей о смене графики как о проекте, носящем политический характер для той или иной страны. Тем не менее, ряд вопросов обсуждается и сейчас, когда речь заходит о смене алфавита. Каковы будут последствия перехода на иную графику? Улучшит ли смена графики интеллектуальный потенциал страны? Увеличит ли конкурентоспособность страны? И это только часть вопросов. На вопрос же о влиянии смены графики на образовательный процесс, на учащихся однозначных ответов нет.

Ключевые слова: алфавит, смена алфавита, переход, графика, латиница, кириллица

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30.03.2020

Дата принятия к печати: 21.06.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Дианова Л.П. О влиянии смены графики на образование учащихся // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 404–414. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-404-414

© Дианова Л.П., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Considering the Impact of Changing Alphabet on Education

L.P. Dianova

MGIMO University
76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation

The article is an experience of understanding the impact of changing alphabet on the educational process. Scientific interest in this issue is due, first of all, to long discussions about the transition of the Republic of Kazakhstan from Cyrillic to Latin script, which have been particularly relevant since 2015. The issues of changing the alphabet were the focus of both scientific study and discussion by various segments of society, both in the country and abroad. This year, 2020, has put on the agenda one of the main issues for the entire modern world — the fight against the global pandemic and pushed to the background the problem of switching to a new schedule. This allows us to confirm the opinion of some researchers about the change of script as a political project than another one. However, a number of issues are still being discussed. What will be the consequences of switching to another script? Will the changing improve the country's intellectual potential? Will it increase the country's competitiveness? And this is only part of the question. There are no clear answers to the question about the impact of changing script on the educational process.

Key words: alphabet, alphabet change, transition, graphics, Latin, Cyrillic

Article history:

Received: 30.03.2020

Accepted: 30.06.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dianova, L.P. 2020. Considering the impact of changing alphabet on education. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 404–414. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-404-414

Введение

Вопросы смены графики отнюдь не связаны только с необходимостью достижения той или иной страной желаемого прогресса в сфере образования и экономики. «Парад суверенитетов» 1990-х, обусловивший переход бывших тюркоязычных республик СССР на латинскую графику (Азербайджан, Молдова, Туркменистан, Узбекистан и Каракалпакстан (в составе Узбекистана)), несомненно, преследовал и политические цели. Кстати сказать, в этот период и в некоторых субъектах РФ обсуждался вопрос смены графики с кириллицы на латиницу (Калмыкия, Якутия, Башкирия). В 1999 году (15 сентября) Государственным советом Татарстана был принят Закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», который не был осуществлен на практике в связи с выходом

Федерального закона «О внесении дополнения в ст. 3 закона “О языках народов Российской Федерации”» (27 ноября 2002), предписывающему обязательность кириллической графической системы для государственного языка и государственных языков республик. Кириллица объявлена государственным алфавитом России [1].

В «Предварительной аналитической справке МОН РК “О переходе казахской письменности на латинскую графику”» говорится о связи реформирования национальных алфавитов с переломными периодами в историческом развитии того или иного государства. «Смена идеологических парадигм, вызванная различными факторами — распадом империй, борьбой за национальную независимость, необходимостью модернизации и адаптации к новым историческим условиям и т.д., — всегда вызывала ответную реакцию, в том числе в виде постановки вопроса о смене языковой графики. В истории стран Востока, в которых указанные факторы играли существенную, если не главную роль, ситуация в области языковой политики отражала как общие магистральные тенденции развития, характерные для зависимых и полувисимых колониальных стран, так и специфические реалии в каждом отдельно взятом случае» [2].

Лингвисты также считают, что выбор иной графики зачастую обусловлен политической конъюнктурой. Авторитетный российский социолингвист М.И. Исаев в 1979 году отмечал, что «сфера распространения тех или иных языков, широта их использования находится в прямой зависимости от социально-экономического положения самих народов, национальной политики господствующих классов и политических партий» [3. С. 19]. Этот вывод справедлив и в отношении графического кодирования языка. Гражданский шрифт, введенный Петром I, вызвал определенное сопротивление образованной части населения. Любая подобная «корректировка», например, «шрифтовое» новшество Петра I или перевод «немецкого языка с готического шрифта на обычный латинский в 1918 году (и вторично в 1945 году)... воспринимается всегда болезненно, как ломка национального сознания». Более того, «и реформы орфографии, и изменения шрифта бледнеют на фоне смены алфавитов (графических систем). Выбор того или иного алфавита (например, кириллицы или латиницы) не просто играет огромную роль в информационных войнах современности — это наиболее общее средство этих войн, фон, на котором выстраивается в дальнейшем определенный языковой дискурс. Графика, будучи внеязыковым явлением, оказывает влияние на восприятие смысла письменного сообщения. Внешний вид текста оказывается связанным с его содержанием» [4].

Переход на иное графическое изображение имеет и позитивные, и негативные результаты. Размышляя о последствиях перемены графических систем в советский период известный казахстанский социолингвист Э.Д. Сулейменова подчеркивает, что они ощутимы «как в целом для всего народа, так и его отдельных представителей до сих пор:

а) потеряно и до сих пор не восстановлено культурное наследие на арабской и латинской графике;

б) один народ — казахи Казахстана и казахские диаспоры — оказался разделен графически;

в) “графический” шок — не редкость: казахи-репатрианты (оралманы), вернувшись на этническую родину, оказываются неграмотными; казахи, учившиеся в злополучное время стремительной смены алфавита, начинали обучаться на арабской графике, потом формировали новые латинские буквенно-звуковые представления, а заканчивали школьный курс с навыками чтения и письма на кириллице и так далее» [5. С. 58].

Со всеми этими доводами не поспоришь, однако есть ли гарантии для объединения современного казахстанского социума с казахскими диаспорами в разных странах (Китай, Монголия, Турция и др.) и их этнической идентичности и солидарности на базе новой единой графики? Насколько она продуктивна для восстановления культурного наследия на арабской и латинской графике? Как представляется, третий пункт (в) более двух первых свидетельствует о психологическом влиянии смены графики на человека, об умственной трудозатратности, о физическом времени, требующемся для овладения новыми навыками. Хотя, следует заметить, что переход на новые виды графики не является в историческом развитии народов, в частности, для казахов, первым опытом. Однако каково влияние смены графического оформления языка на обучение, чревато ли оно «ломкой национального сознания»?

Обсуждение

Как показывает исторический опыт становления казахстанского государства, на нынешней его территории смена алфавита происходила много раз. И разговоры, в том числе среди лингвистов, о том, что казахский относится к разряду младописьменных языков, опровергается разными учеными. Так, М.И. Исаев замечает: «В научной литературе казахский язык относят к числу младописьменных, однако казахи еще до революции имели письменность на арабской графике» [3. С. 79]. Э.Д. Сулейменова отмечает: «Казахский язык, как и все тюркские языки, наследовал руническую (орхон-енисейскую) письменность. Затем арабомусульманское влияние привело к тому, что казахи стали пользоваться арабской графикой, приспособленной А. Байтурсыновым к особенностям казахского сингармонизма. В советское время под мощным административно-партийным напором пережили два периода письменности: на латинскую и очень быстро — на кириллическую графику» [5. С. 57].

В фундаментальном исследовании ученого-тюрколога А.С. Аманжолова представлена самая исчерпывающая на сегодняшний день информация об истории становления письменности казахского языка. В отношении вопроса «младописьменности» казахского языка ученый, в частности, пишет о том, что тюркоязычные народности и их языки имеют весьма древнюю письменную традицию, восходящую по крайней мере к рубежу нашей эры. Другое дело, что она прерывалась в историческом процессе развития этих народностей. «Тем очевидней условный и ненаучный характер деления живых тюркских языков на “старописьменные” и “младописьменные”, предложенного некоторыми лингвистами». Ученый указывает на необходимость учета истории письменности. «Во-первых, история не знает ни одного народа, каким бы “примитивным”, так сказать, он не был, у

которого не было бы письма в какой-либо форме. Во-вторых, тюркские языки, отнесенные к “младописьменным” (тувинский, хакасский, алтайский, якутский, чувашский, башкирский, каракалпакский, ногайский, кумыкский и другие языки автономных республик и областей), имеют не меньшее отношение к древнетюркской рунической письменности, чем “старописьменные”, к которым языковеды причисляют и киргизский язык как язык союзной (ныне независимой) республики. Заметим, что конъюнктурная установка официальной советской науки относительно “старописьменных” и “младописьменных” тюркских языков была подвергнута нами критике... В конечном счете, почти все современные тюркские языки являются “младописьменными” по отношению к латинскому и русскому кириллическому алфавитам, независимо от масштаба их современных общественных функций» [6. С. 16—17].

В указанном труде — результате исследований А.С. Аманжолова и его учеников анализируется смена графики на протяжении полутысячелетия. «Ранние типы письма (пиктография, идеография), засвидетельствованные на территории Казахстана, отражают этапы развития прототюркской цивилизации при неперменной организующей роли языка и письменности... Палеографический анализ древнетюркских рун, в свою очередь, приводит к выводу о весьма ранней дате сложения тюркского рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье — не позже середины I тысячелетия до н.э.» [6. С. 307—308].

Согласно исследованию, руническая письменность, которая использовалась тюркоязычными племенами Средней Азии и Восточного Туркестана во второй половине I тысячелетия нашей эры, сменилась манихейской письменностью. Эта письменность, согласно точке зрения ученого-тюрколога В.В. Радлова, представляла собой арамейскую разновидность сформировавшуюся на основе сирийского письма “Estrangelo” — письма семитского типа сирийской разновидности, используемого христианами несторианцами. На смену манихейской письменности пришла согдийская, которая, в свою очередь, сменилась арабской. Использование последней было обусловлено распространением ислама среди тюркоязычных народов и народностей Туркестана [6. С. 16]. Таким образом, смена алфавитов свидетельствует об изменениях экономического, политического и религиозного характера, несмотря на несовершенство графики. «Например, неудобства этого алфавита в фиксировании языков тюркской системы ярко отражены у средневековых тюркологов Махмуда Кашкарсико (XI в.) и ибн Моханны» (XIV в.) [3. С. 46].

Изучение работ ученых позволяет сделать предположение о том, что в Средней и Центральной Азии возникали и длительные периоды би- и полилингвальной ситуации в силу множества торговых путей и связей разных народов на этой географической территории. Так, наряду с арабской письменностью существовала и «серединная», основанная на арабской и уйгурской графике — чагатайский язык. Эта среднеазиатско-тюркская письменность имела уровень литературного языка и достигла наибольшего оформления и единообразия как классический язык у Тимуридов (ранее Чагатайский улус) в XV—XVI веках. Несмотря на то, что тюркологи не пришли к единому мнению в определении его временных границ, письменные произведения на чагатайском языке сохранились и служат убедитель-

тельным доказательством развитой письменной культуры у тюркских народов в XV—XVI веках на этом языке.

Присоединение Казахского ханства к Российской империи (1731 г.) продолжалось долгие годы. Образованные слои казахского населения владели арабским языком, чего нельзя было сказать о целом народе. Постепенное присоединение казахских жузов к России, т.е. политико-экономические изменения обусловили и переход на новую письменность. Арабская графика, вытеснившая все другие виды графики, постепенно уступила свои позиции.

В рамках русской миссионерской работы и содействия управлению народами на присоединенных землях помимо многих других вопросов российские чиновники, миссионеры, востоковеды и специалисты в области образования занимались регулированием языка на присоединенных казахских землях [7]. Существующую «арабско-татарскую транскрипцию», которой пользовались казахи, подвергали серьезной критике. Так, Т.П. Тихонов в «Русском Вестнике» от 1897, №№ 4, 7 пишет, что «получившая право гражданства» в языке казахов эта транскрипция «ведет к полному поглощению его языком татарским. А между тем противодействовать этому поглощению с успехом мог бы наш русский алфавит, о чем уже неоднократно обсуждался вопрос и в среде ученых ориенталистов и в высших правительственных сферах. Для того, чтобы удостовериться, может ли русский алфавит удобно выражать звуки киргизского (казахского — прим. наше А.Д.), было поручено директору Казанской учительской семинарии Ильминскому ...» [7. С. 851]. Эксперимент удался. «После этого гр. Толстой ходатайствовал пред Высочайшей властью о дозволении применить к киргизскому (казахскому) языку русскую транскрипцию, на что было изъявлено согласие. На практике, однако, этот вопрос до сих пор еще остается открытым...» [7. С. 851].

Помощь православным миссионерам XIX века оказывали образованные представители местного населения. Одним из самых известных является казахский просветитель, учитель, писатель, фольклорист, общественный деятель, этнограф Ибрай Алтынсарин (1841—1889), разработавший первую кириллическую графику казахского языка. Почти в то же время он написал «Начальное руководство к обучению казахов русскому языку» (1879). «Казахский язык в дореволюционной тюркологической литературе именовался казак-киргизским, киргиз-кайсацким или киргизским... На созданной арабизированной графике во второй половине XIX в. начинают появляться грамматические трактаты и двуязычные словари», казахский букварь (1892), учебное пособие — хрестоматия И. Алтынсарина (1879), другие учебные пособия [7]. Православные миссионеры для религиозных изданий и русскоязычных школ разработали также и казахский «миссионерский» алфавит на кириллице с включением специфических лигатурных и диакритических знаков, причем этот алфавит использовался до 1917 года [7].

Изменение языковой ситуации с начала 20-х годов, решение перевода письменности с арабской графики на латинскую потребовало привлечение «ученых — языковедов — Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова, Н.А. Баскакова, Н.К. Дмитриева, Д.В. Бубриха и др., деятельность которых координировалась Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита... К концу 30-х были пе-

реведены на латинскую основу языки народов, использовавших арабскую графику... По В.М. Алпатову, «к середине 1930-х гг. были созданы письменности для более чем семидесяти языков» [8. С. 38—39].

Единый тюркский алфавит (яналиф, или по-казахски жаналип) на основе латинского алфавита был разработан в этот же период. С некоторыми изменениями, характерными для казахского языка, он официально использовался с 1929 года. «Золотой век» латинской графики длился около одного десятилетия. В 1940 году латиница заменяется кириллицей, которая используется и в настоящее время.

Вопрос о переходе на латиницу снова выдвинулся на повестку дня спустя почти восемь десятилетий. В 2017 году (27 октября) первый президент Казахстана Н.А. Назарбаев подписал Указ о переходе казахского алфавита с кириллицы на латиницу. В соответствии с этим документом основными задачами перехода на латиницу были названы следующие:

- 1) утверждение нового алфавита казахского языка, основанного на латинице;
- 2) формирование Национальной комиссии по переводу казахского алфавита на латиницу;
- 3) обеспечение поэтапного перевода казахского алфавита на латиницу до 2025 года.

Указ предписывал поэтапный перевод алфавита казахского языка на латинскую графику до 2025 года. К настоящему времени утвержден алфавит казахского языка на латинице из 32 букв. Однако в разработанном алфавите обнаружилось несколько недостатков. Сегодня перед лингвистами поставлена задача совершенствования представленного варианта. Президентом К. Токаевым дано соответствующее поручение министру культуры и спорта А. Раимкуловой [9].

«Подавляющее большинство граждан будут испытывать трудности перехода. В Казахстане государственный язык — казахский, русский — язык межнационального общения, и оба они используют кириллицу. Особенно будут испытывать трудности школьники, которые сейчас учат нынешний алфавит, а в скором времени будут учить новый алфавит на латинице. Сторонники перехода на латиницу видят следующие преимущества в том, что возможно присоединение или даже объединение со странами тюркского мира (Турция, Азербайджан, Узбекистан). Если следовать этой логике, то получается может возникнуть отторжение от России (так как они используют кириллицу). Россия является одной из ведущих стран, несмотря на то, что использует кириллицу. На мой взгляд, вопросы объединения лежат не в лингвистической сфере. Была бы добрая воля — алфавит не имеет большого значения» [10].

Анализ материала, посвященного реформе алфавита, свидетельствует о сложностях перевода казахского письма на латинскую графику. С подобными трудностями столкнулись и в Узбекистане. Как замечают исследователи, сложности испытывали люди старшего поколения, у которых переход с кириллицы на новую латинскую графику вызывал «определенный психологический дискомфорт — надо адаптироваться, надо привыкать, надо вникать в эти буквы, в эти слова: взрослый человек ощущает себя как будто он снова вернулся в начальные классы и изучает азбуку». Однако, как полагают исследователи, принятое страной «по-

литическое решение», признанное целесообразным, у значительной части населения «естественно, вызвало дискомфорт» [11].

Профессор Узбекского государственного университета мировых языков М. Джусупов — автор трудов по фонологии, стилистике, теории языковых контактов и билингвизма, в 2013 г. привлеченный в Рабочую комиссию по анализу реформирования казахской графики в Казахстане, написал монографию «Казахская графика: вчера, сегодня, завтра (кириллица или латиница...)» [12] о прошлом и современном состоянии казахского алфавита, а также о неопозитивных перспективах нынешней реформы. С позиции М. Джусупова, кириллица наиболее оптимально подходит для казахской письменности. Классическая латиница не покрывает все существующие сингармофонемы казахского языка. «Внутренние возможности кириллической графики для передачи на письме количества фонем того или иного языка шире, чем у латиницы. А это значит, что соотношения графем и фонем более прозрачные, более упрощенные. Объясняется это тем, что при создании славянского письма на основе греческого алфавита была осуществлена серьезная переработка последнего, что было направлено на максимальное приближение алфавита к фонемному составу славянских языков. Позже подобная переработка была осуществлена при создании русского алфавита и алфавитов языков народов бывшего СССР. Таким образом, в кириллице количество букв в итоге стало больше, чем в латинице. А это значит, что, как правило, используются монографы, а диграфы, триграфы, полиграфы, то есть буквосочетания с различным количеством знаков, в кириллическом алфавите отсутствуют» [12. С. 26].

Тюркоязычные Азербайджан, Туркмения, Узбекистан, перешедшие на латиницу, не подвергали многостороннему и долговременному обсуждению графическое реформирование, не особо учитывались лингвографические, социолингвистические, психолингвистические особенности, подчеркивает М. Джусупов. Многолетние дискуссии в Казахстане позволяют рассматривать реформу с разных сторон. Тем не менее, следует помнить, настаивает ученый, что «письмо, в качестве времен связующей нити, с одной стороны, является прочным, незыблемым явлением, с другой стороны — хрупким, легко уязвимым явлением. Прочность и незыблемость письма заключается в его постоянстве, т.е. в том, что это постоянная категория как в прошлом, так и в настоящем, и в будущем» [12. С. 7–8]. Смена алфавита приведет к снижению уровня письменной коммуникации и в целом уровня школьного и вузовского образования со всеми вытекающими отсюда последствиями, «в течение 20–30 лет нововведенная графика не будет выступать в качестве ускорителя развития и в целом деятельности высокообразованного общества, каковым является современный Казахстан и казахское общество за рубежом» [12. С. 9].

Позиция М. Джусупова привлекает исследователей своей эмоциональностью, заинтересованностью, убежденностью и научной аргументацией. Исследователи, в частности, авторы рецензии на монографию ученого, неслучайно отмечают хлесткие определения М. Джусупова («лингвографическая память/беспамятство», «графическое непостоянство», «лингвовозбужденное восприятие окружающей действительности», «пространство научной демократии», «графические Нью-

Васюки» и др.). Как подчеркивают лингвисты, М. Джусупов не сторонник смены графики, ученый настойчиво проводит мысль о том, что отношение к языку, к письму в целом, и к типу графики в частности, не только выбор политических и экономических ориентиров, но и выбор между верностью исторической памяти и беспамятством. По М. Джусупову, «лексикографическое беспамятство слишком дорого обходится народу, его культуре, истории. Стоит ли снова подвергать людей очередному “лексикографическому шоку”, а созданное на кириллической графике наследие — постепенному забвению?» [13. С. 22].

Заключение

Нельзя не согласиться с М. Джусуповым, замечаящим, что «письмо не является генератором идеологии. Письмо является одним из инструментов распространения той или иной идеологии. Для распространения какой идеологии будет использовано письмо в конкретном государстве — это уже дело рук политиков...» [12. С. 17]. Суммируя позиции ученых-лингвистов из разных стран (М.И. Исаев, Э.Д. Сулейменова, М. Джусупов и др.), можно констатировать, что политический фактор зачастую сопровождает смену графики у разных народов в разные периоды исторического развития. Политика любого государства тесно сопрягается с экономикой, географией, культурой и др. Финансовые затраты, географическое расположение, этнопсихологические проблемы, непрерывность письменной культуры являются, по всей видимости, наиболее важными составляющими процесса реформирования графической системы. Однако, как представляется, особого внимания и всестороннего изучения требует вопрос влияния смены алфавита на образовательный процесс.

Казахский народ веками проживает на транзитной территории и обладает «транзитным» языковым сознанием: “Such a transit territory determines the *transit linguistic consciousness*, including the transition to a new alphabet. It can be assumed that in the genetic code of the Kazakhs, their phylogenesis laid the experience of mastering the new alphabet” [14. С. 283—284].

Как и М. Джусупов, некоторые исследователи полагают, что точный ответ на вопрос об уровне образования на латинской графике можно получить по прошествии 20—30 лет. В отличие от мнения М. Джусупова авторы рецензии [14] не видят особых сложностей в перспективе. Учитывая экстралингвистические факторы реформирования графики, они считают, что многое зависит от мотивационных предпочтений граждан, которые напрямую зависят от экономической и политической привлекательности страны, в которой они проживают: “A concrete, unequivocal answer to the question posed (Will the level of education increase from the transition to a new version of the alphabet?) can be obtained in 20—30 years. In the meantime, we can fairly confidently say that the state of education, its quality and competitiveness depends on a number of extralinguistic factors. The economical and political attractiveness of the country determines the desire of citizens to connect their future and the future of their children and grandchildren with this country. Thus, the motivational preferences of the citizens of the country are directly dependent on the attractiveness of the country and competitiveness of education” [14. С. 284].

Время покажет, повысится ли образовательный уровень Казахстана от смены графики. Сложнее обстоит дело с вопросом влияния такого перехода на личность обучаемого. Важно учитывать также когнитивные, психологические сложности в процессе преодоления «двоевластия» кириллицы и латиницы как в языковом сознании, так и в историческом, даже если переходный период будет непродолжительным. Мы полагаем, что влияние смены графики на обучение не вызывает сомнения и оно отнюдь не будет безболезненным. И прежде всего учащиеся средней и высшей школы будут иметь, по крайней мере первое время, лексикографические проблемы. Насколько готовы сами преподаватели безболезненно преодолеть сложности освоения новой графики и поддержать обучаемых? По всей видимости, подобный вопрос актуализируется в ближайшее время.

Один из важных вопросов, как нам представляется, связан с трехязычным образованием в Казахстане (казахский — русский — английский). Ведь невозможно, к примеру, не принимать во внимание особые правила в современном британском варианте английского языка. Так, четыре правила чтения для гласных букв, особые правила для некоторых согласных и др. могут переноситься на казахскую письменность на латинице. Следовательно, обучающие должны владеть академическим знанием английского языка, прежде чем обучать казахскому на латинской графике. Сформулированные вопросы, как сейчас представляется, лишь часть тех, с которыми столкнутся обучающие и обучаемые.

Список литературы

1. Кириллица объявлена государственным алфавитом России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2002/5703b5239a7947783a5a4233>
2. Предварительная аналитическая справка МОН РК «О переходе казахской письменности на латинскую графику». URL: <https://www.zakon.kz/4452604-predvaritelnaya-analiticheskaya-spravka.html>
3. *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменностей народов СССР. М.: Наука, 1979.
4. *Медоваров М.* Кириллица в современной геополитической и культурной борьбе. URL: <http://newknowledge.ru/articles/kirillica-v-sovremennoy-geopoliticheskoy-i-kul-turnoy-bor-be/>
5. *Сулейменова Э.Д.* Языковые процессы и языковая политика: монография. Алматы, 2011.
6. *Аманжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003.
7. Классические исследования. Алматы: Эдебиет элеме, 2013. Т. 13. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). 976 с.
8. *Бахтикиреева У.М., Дианова Л.П.* Русский как язык международного и делового сотрудничества: учебно-практическое пособие (хрестоматия) для студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений: в 2 ч. М.: РУДН, 2018.
9. *Юранец А.* Трудности перевода: Казахстан тормозит переход на латиницу. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/21_a_12768806.shtml
10. *Садакбаев Т.Т.* История казахского алфавита. URL: <https://articlekz.com/article/19928>
11. Латинизация узбекского алфавита. Достоинства и недостатки. Часть III. URL: <https://www.fergananews.com/articles/5177>
12. *Джусупов М.* Казахская графика: вчера, сегодня, завтра (кириллица или латиница): монография. М.: РУДН, 2013.
13. *Бахтикиреева У.М., Дворяшина В.С.* Письмо — времен связующая нить: кириллица или латиница (статья в жанре рецензии) // Russian Journal of Linguistics. 2015; (2) Pp. 16—24.

14. Zharylgapov Sabit M., Bakhtikireeva Uldanai M. Sinyachkina Natalia L. Education in the Latin alphabet: will the level of education be higher? // SGEM 2018. Conference Proceedings 5-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. 26 August — 01 September, 2018, Albena Co., Bulgaria Volume 5. Issue 3.4. Pp. 277—284.

References

1. Kirillica ob"yavlena gosudarstvennym alfavitom Rossii. Web. Access: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2002/5703b5239a7947783a5a4233> (In Russ.).
2. Predvaritel'naya analiticheskaya spravka MON RK «O perekhode kazahskoj pis'mennosti na latinskuyu grafiku». Web. Access: <https://www.zakon.kz/4452604-predvaritelnaya-analiticheskaya-spravka.html> (In Russ.).
3. Isaev M.I. Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR (Processy sozdaniya pis'mennostej narodov SSSR. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1979. 350 s. Print. (In Russ.).
4. Medovarov M. Kirillica v sovremennoj geopoliticheskoy i kul'turnoj bor'bt. Web. Access: <http://newknowledge.ru/articles/kirillica-v-sovremennoy-geopoliticheskoy-i-kul'-turnoy-bor-be/> (In Russ.).
5. Sulejmenova, E.D. 2011. Yazykovye processy i yazykovaya politika: monografiya. Almaty: Kazak universiteti. Print. (In Russ.).
6. Amanzholov, A.S. 2003. Istoriya i teoriya drevnetyurkskogo pis'ma./ A.S. Amanzholov. Almaty: ZAO «Izdatel'stvo «Mektep». Print. (In Russ.).
7. Klassicheskie issledovaniya: Mnogotomnik. 2013. Almaty: «Edebiet elemi», T. 13. Alektorov A.E. Ukazatel' knig, zhurnal'nyh i gazetnyh statej i zametok o kirgizah (o kazahah). Print. (In Russ.).
8. Bahtikireeva, U.M., Dianova, L.P. 2018. Russkij kak yazyk mezhdunarodnogo i delovogo sotrudnichestva: uchebno-prakticheskoe posobie (hrestomatiya) dlya studentov, magistrantov i aspirantov vysshih uchebnyh zavedenij: v 2 ch. M.: RUDN. Print. (In Russ.).
9. Yuranec A. Trudnosti perevoda: Kazahstan tormozit perekhod na latinicu. Web. Access: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/21_a_12768806.shtml (In Russ.).
10. Sadakbaev T.T. Istoriya kazahskogo alfavita. URL: <https://articlekz.com/article/19928>
11. Latinizaciya uzbekskogo alfavita. Dostoinstva i nedostatki. CHast' III. URL: <https://www.fergananews.com/articles/5177> (In Russ.).
12. Dzhusupov, M. 2013. Kazahskaya grafika: vchera, segodnya, zavtra (kirillica ili latinica): monografiya / M. Dzhusupov. M.: RUDN. Print. (In Russ.).
13. Bakhtikireeva, U.M., Dvoryashina, V.S., 2015. Pis'mo — vremen svyazuyushchaya nit': kirillica ili latinica (stat'ya v zhanre recenzii) // Russian Journal of Linguistics. 2: 16—24. Print. (In Russ.).
14. Zharylgapov, Sabit M., Bakhtikireeva, Uldanai M. Sinyachkina, Natalia L. 2018. Education in the Latin alphabet: will the level of education be higher? Conference Proceedings 5-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. 26 August — 01 September, 2018, Albena Co., Bulgaria Volume 5. Issue 3.4. Rr. 277—284. Print. (In Engl.).

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, МГИМО(У). E-mail: l.dianova56@mail.ru

Bio Note:

Ljudmila P. Dianova is a Ph.D., Assistant Professor, Chair of the Russian Languages, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: l.dianova56@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-415-421

Интервью / Interview

«За бортом»: интервью с Мадриной Тлостановой

М.В. Тлостанова, У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова

Мадина Владимировна Тлостанова — выдающийся ученый в области постколониальной литературы, философ, писатель, профессор Университета Линчёпинга (Швеция). Лектор международного уровня. Широко известна своими исследованиями в области деколониального переворота. Ввела в терминологический оборот понятие «внутреннего чужого». Как в научном, так и в художественном творчестве осмысливает проблематику транспозиции личности, находящейся на перекрестке языковых и культурных «зон» и не принадлежащей ни одной из них.

Мы поговорили с Мадриной Владимировной о ее романе “Flotsam and Jetsam”, его подтексте и культурных кодах, и убедились, что у настоящего интеллектуала всегда есть своя позиция, не всегда зависящая от воспринимающего сознания собеседника, его фоновых знаний и хайдеггеровского «горизонта ожидания».

ПТП: Мадина Владимировна, после прочтения главы «Какомицли и леди Азема» из Вашего романа “Flotsam and Jetsam” мы не могли не обсудить этот фрагмент в контексте вашего творчества — как эстетического, так и научного. Будучи знакомыми с большинством ваших научных работ и художественных произведений, мы предвкушаем захватывающее чтение — «журавлиный косяк вопросительных знаков» (метафора О.О. Сулейменова), интеллектуальные головоломки — последующее обсуждение и споры.

Отталкиваясь от собственных знаний, предварительно пришли к мнению о том, что будущий роман является закономерным продолжением вашего творчества. Открывая тему постколониальности в русскоязычной литературе транскультурными текстами «В вашем мире я — прохожий» (роман в новеллах) Дины Дамиан, вы обращались к широчайшему кругу языковых культурных поэтических и дискурсивных источников — русских, западноевропейских, северо- и латиноамериканских, восточных, к сложным, зачастую парадоксальным взаимоотношениям вымысла и реальности. Использование в русскоязычной литературе собственных «шоковых методов» позволяет отнести ваш первый роман к трансгрессивной художественной литературе. Проблема пограничного сознания,

© Тлостанова М.В., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

внедомности, неприкаянности человека с его особыми культурными, этноконфессиональными, языковыми, сексуальными и личностными параметрами измерения получила дальнейшую развертку в транскультурном, полилингвильном романе «Залумма Агра».

Феминистское письмо, повествующее о глобальном сестринстве женщин-творцов, у которых, как правило, нет родины, продолжает вести иронический, местами вызывающий диалог с наследием западноевропейской и русской традиций, как нам предварительно представляется, найдет свое продолжение в романе “Flotsam and Jetsam”.

Сейчас же, основываясь на содержании одной главы, полагаем важным получить прежде всего ответы на вопросы, напрямую связанные с проблематикой нашего журнала «Полилингвильность и транскультурные практики», название которого порой настораживает даже наших коллег здесь.

Можно ли предположить, что выбор названия — “Flotsam and Jetsam” — неслучаен и напрямую связан с идиомой, переводимой на русский, как: 1) хлам, ненужные вещи; 2) бродяги, бездомные, нищие? Роман будет повествовать о живых душах, отвергаемых окружением, и ассоциируется с обломками судна или его груза в море и нежелательным материалом, выброшенным за борт с судна и прибитый к берегу? Ведь экспериментальная больница «Флотсам и джетсам» на острове может опробовать свой метод лечения на людях, которым терять нечего. И этот спасательный круг не приемлет животное — какомицли, чье происхождение также неоднозначно (мать — местная кошка), как и Шанталь (дед из маронов, бабушка — индианка). Какомицли заранее знает, но не может объяснить хозяйке, почему не надо лететь на остров обломков на самолете компании с причудливым названием «Джими Джимирино».

МВТ: Выбор названия вообще не может быть случайным. А “Flotsam and Jetsam” — это прежде всего морской термин — обломки кораблекрушения. Причем flotsam — это грузы и элементы самого судна, которые остаются на плаву после крушения, а jetsam — это грузы или оборудование, выброшенные за борт, когда корабль терпит бедствие. Остальные значения — переносные. И они, конечно же, обыграны в названии и основной теме романа. «Отвергаемые окружением» — это такой термин из реализма, в котором я никогда замечена не была. В этой вещи у меня речь идет не только о людях, но и о других биологических видах и даже призраках, отмеченных «феноменологическим исчезновением» (по Ямпольскому). Но они не все это осознают. И потому их на остров заманивают (кто — мы не знаем) всякими обещаниями вроде экспериментальной больницы или конференции по внедомным писателям. Для каждого из героев есть свой вариант такого обещания. Мать какомицли — шахтерская кошка, а не это и не кошка вовсе, а ...какомицли — это искаженное ацтекское название небольшого зверька, по-английски его называют ring-tail. Он легко приручается, и часто старатели заводили таких зверьков для отлова мышей и крыс в своих временных жилищах. Отсюда и прозвище — Шахтерская Кошка. Я бы не стала очеловечивать моего Какомицли и утверждать, что он «не приемлет» чего-то... Это все же очень человеческая постановка вопроса. Кстати, в романе Азема погибает, не добравшись до острова, а какомицли как раз остается жить с нами — обломками.

Джими Джимирино — это отсылка к известному и моему любимому рассказу Сэлинджера «Лапа Растяпа» (*Uncle Wiggily in Connecticut*), где у маленькой девочки Рамоны был воображаемый друг с таким именем. Авиакомпания, возможно, столь же воображаема и представляет собой соломинку, за которую хватают-ся герои.

ПТП: По всей видимости, нет никакой произвольности в выборе имен героев. Шанталь вынуждено приобретает еще одно имя (прозвище) леди Азема (Азема в суринамской мифологии — злой дух), а название хищного млекопитающего превращается в имя собственное Какомицли, поскольку ничего хищного в этом художественном образе не прочитывается, более того, он становится одним из главных повествователей. В главе встречаемся с именем Гизела (первый поиск которой приводит нас в интернете к имени якобы «внебрачной дочери французского короля Карла III), имя же (скорее, фамилия) Витцель ассоциируется с немецкой фамилией, а «белый», которому, по определению матери, продана ее дочь, носит распространенную фамилию Ван дер Беерг?

МВТ: Имена в этой главе, на мой взгляд, прозрачны и не требуют особого комментария. Про Какомицли я уже все объяснила. Кстати, обозначение животного как «хищного» — это тоже типично человеческий взгляд, а моей задачей было как раз попытаться от него отойти. Конечно, сделать это невозможно, если писать словами. Но было важно потрогать окружающий мир его лапками, услышать, лизнуть и понюхать. Остальные имена ничего особенного не значат — обычные для этих мест имена. В каждой главе романа мы встречаемся с новыми героями и рассказами о том, как они оказались на острове. И говорящих имен там много: Мелена и Кора, Оли Закрыглаз, Мозес, Гумзаг, профессор Куртсихтих, превратившийся в Репуэстоса и др.

ПТП: Прокомментируйте, пожалуйста, возникшие аллюзии: *Тесная, почти родственная связь между какомицли и человеком прочитывается уже в эпиграфе: “Tu t’assoiras d’abord un peu loin de moi, comme ça, dans l’herbe. 182et e regarderai du coin de l’oeil et tu ne diras rien. Le langage est source de malentendus. Mais, chaque jour, tu pourras t’asseoir un peu plus près...”*. Antoine de Saint-Exupéry.

Выбранный эпиграф и особенно часть «*Le langage est source de malentendus. — Язык — источник недоразумений*» позволяет предположить дальнейшую развертку слиянной и не расчленяемой связи двух родственных душ: человека и животного, которым не нужно слов. Аллюзия с вашим романом «Залумма Агра», в котором желтый пушистый цветок, диковинный и непонятный — не то одуванчик, не то подсолнух, а может, солнечная девочка, кудрявая и похожая на Маленького Принца (Магда), взяла за руку и увела обратно, на землю Душу — неприкайнную, чистую в помыслах и в делах, бирюзовой, как вода посреди океана под безмятежным небом. Эта душа напоминала невозможное, но прекрасное и мистическое растение — розу цвета морской волны (Родо). Пронзительно почувствовав рану и боль этой необычной розы, с готовностью разделить ее судьбу Магда «заземляет» Родо на продолжение земной жизни.

МВТ: Думаю, что связывать эту главу из романа с «Залуммой Агрой» не стоит. В широко известном эпиграфе из «Маленького принца» речь идет не о связи человека и животного, а о том, как трудно начать доверять, терпеливо ждать, пока

появится доверие, и не обмануть его. Именно этому учит принца лис. Экзюпери шуточно пытается рассуждать «как лис», когда сетует на несовершенство языка. В моем же случае Какомицли и леди Азема уже приручили друг друга, между ними действительно есть аффективная связь, но понимания это все равно не принесло. И дело не только в межвидовом барьере. В «Залумме Агре» была метафора, фантазия о переселении душ, а здесь совершенно «реальные» женщина и какомицли. Отчасти это, вероятно, отражает мой сегодняшний интерес к новому материализму.

ПТП: Невозможно пренебречь вопросами, которые вызывает этот достаточно короткий, но насыщенный разнообразной информацией фрагмент главы:

Когда-то ее звали Шанталь. Неизвестно, почему родители выбрали для нее такое музыкальное имя, но оно ей подошло. Ведь она и в самом деле стала певицей. Шанталь родилась в стране, триста с лишним лет назад подаренной англичанами голландцам в обмен на будущий Нью-Йорк. Она родилась за два года до того ноябрьского дня в середине семидесятых, когда ее страна стала независимой. Только что это значит? Мать отдала ее учиться в хорошую школу, она говорила по-голландски свободно, без акцента. Но дома все равно звучал сранан-тонго и ей приходилось следить, чтобы один язык не просачивался в другой.

Этот фрагмент провоцирует «журавлиный косяк вопросительных знаков». Прежде всего, хотелось бы предположить, что роман рассчитан на интеллектуальную аудиторию, задающуюся «гамлетовскими вопросами» и имеющую внушительный багаж знаний, или читателя ищущего, эвристического. Так ли это? Ведь только имя Шанталь приводит нас, прежде других имен, к имени Жанны де Шанталь, жившей примерно в то время, когда шло становление Нового Амстердама, затем Нью-Йорка. Если эта догадка вполне основательна, то можно предположить будущее героини романа, которая вполне может после лечения на острове превратиться из «нищевродки» в основательницу и лидера какого-то общественного движения, приобщиться к глобальному сестринству женщин-творцов?

МВТ: Занятно читать эти возможные версии развития событий. Но на самом деле, конечно же, нет. Здесь нет никакой связи с Жанной де Шанталь. А имя мне было нужно всего лишь как знак ее музыкальности. Камертон этой главы — голос, последнее, что отнимает у нее болезнь. Никакого лечения на острове нет. И мы вообще не можем быть уверены, что этот остров есть, что он существует. Ведь действие происходит после некой всемирной катастрофы, изменившей географию мира, число континентов, расположение островов и океанов. Как сказано выше, все герои заманиваются на Flotsam and Jetsam какими-то обещаниями. Но Шанталь погибает в море во время кораблекрушения, в буквальном смысле становясь его обломком.

ПТП: И, конечно, название нашего журнала неизменно наталкивает нас на важный вопрос: возможно ли на практике, чтобы голландский «не просачивался» в сранан-тонго и наоборот? По всей видимости, голландский является в речевой культуре Шанталь доминирующим языком, а сранан-тонго — подчиненный язык, находится на периферии языкового сознания, несмотря на то, что это признанный язык, есть и словарь, около сорока лет существует официальная орфография, некоторые писатели Суринама используют сранан-тонго в качестве языка твор-

чества. Кроме того, как информируют нас ресурсы интернета, и что расценивается нами как мощный аргумент в устойчивости этого языка — второй куплет гимна Суринама исполняется на сранан-тонго. Все это позволяет говорить о, по крайней мере, диглосно-билингвальных отношениях голландского и сранан-тонго в речевой культуре суринамцев.

МВТ: Ну, это чисто лингвистические тонкости, которые мне как автору, честно говоря, малоинтересны. Тем более, что это литературное произведение, а не исторический документ. Ну да, конечно просачивается, но во всех колониальных пространствах — и вот это важно — над этим строго надзирают, потому что владение чистым языком-колонизатором — залог получения хорошей работы, социальных лифтов и т.д. Гимн — это прекрасно, но это красивый жест, тогда как реальность — и это показано в тексте — связана с продолжающейся эксплуатацией, бесправием, дегуманизацией и т.д. Именно владение нормативным языком позволяет Шанталь получить работу в службе секса по телефону. И эта деталь, кстати, вполне реальна.

ПТП: Будет ли в романе развиваться тема полиязычного, транскультурного индивидуума, вынужденного владеть несколькими языками и знать нюансы разных культур? Насколько наше предположение о содержании будущей книги верно?

МВТ: Только отчасти. Роман вообще-то совсем не об этом. Но есть глава, где рассказывается о превращении скромного редактора издательства в эманацию божества, покровительствующего путешественникам. Он открывает для себя заново неизвестный ему язык предков (в детстве он лишь слышал несколько слов от бабушки) и пытается возродить традиционные занятия, ритуалы своего народа. По сюжету романа это своего рода призрак, существо между посюсторонним и потусторонним миром. Есть странный ребенок, чьи родители, как и Шанталь, погибают в кораблекрушении. Он говорит сразу на нескольких языках одновременно. Но эти темы не являются центральными. Для меня эта тема не столь актуальна.

ПТП: Как сейчас мы можем предположить, смыслы и символы, заключенные в диалогах двух первых романов, получают свое дальнейшее осмысление в новом романе. Приведем только некоторые из них:

Мужчина откашлялся и с сильным акцентом, но по-русски спросил: “А почему *ви* пишете не на родном языке? Как это можно? Ведь язык — дом мысли, как сказал Хайдеггер, и писать надо на языке предков. Какой же *ви* писатель, кхе-кхе, если и не знаете родного языка...”

(Дина Дамиан. Роман в новеллах «В вашем мире я — прохожий...».)

- А как вы чувствуете себя среди людей, которые вам близки этнически?
- Никак. Для того чтобы чувствовать себя хорошо, надо быть своей, надо знать язык, разделять обычаи, ценности, а я этого лишена.
- А вы не знаете родного языка?!
- Нет, хотя, что считать родным в моем случае?
- Русский, так получается.
- Да, как ни крути.
- Так вы русская!
- Нет, не все так просто!

— Ну как же, и говорите только по-русски, не считая европейских языков, но эти иностранные. Это не считается. И ведете себя тоже, в вас все русское! <...>

— Почему вы против? Что же делает вас нерусской, на ваш взгляд?!

— Я отвечу пословицей, не русской, африканской: Ягуар пестрый снаружи, а человек внутри. Как вам такая постановка вопроса?

— Нет-нет, не отвертитесь! Объясните мне.

<...>

— ...так что я не могу быть русской. Есть множество вещей, которые я не могу принять и разделить в русской культуре, ментальности, отношении к жизни. Все это определено не мое. Чужое. Хотя и любое другое — тоже не мое, понимаете? Вам кажется, что если у меня нет маркированной этничности, то она русская по умолчанию. Но это не так. Не надо меня присваивать и вмещать!

<...>

— ...мне интересно, хотя все же я так и не разобрался в сути вашего отличия. Где граница своего и чужого, того, что вы примете и не примете?

— Я и сама в этом так и не разобралась, поверьте. Во всех этих пересеченных и отвергнутых границах.

Где же мне место? Где же *нам* место? Вероятно, там, где все чужие. Где все не дома. Где дома нет в принципе. Я не хочу выбирать, кем мне быть, кем мне становиться окончательно. Я не хочу сводиться к чему-то одному, понятному и простому. Меня много и в этом мое единственное спасение. И места нет. Нет такого места на земле. И потому убежать нельзя. Невозможно.

Окружающие и вовсе не знают, что со мной делать, как меня классифицировать. Экзотика внешности затмевает все остальное. Побеждает инстинкт коллекционирования. Отличие влечет, но обладание всегда мешается с уничтожением. ...».

(Мадина Тлостанова. Роман «Залумма Агра». Диалог Магды и российского антрополога.)

С другой стороны, полной уверенности в том, что подобные диалоги получат свое дальнейшее осмысление, у нас нет. Эта неуверенность обусловлена вашим эссе 2016 года, опубликованном в интереснейшем китайском двуязычном журнале. Эссе предварено узбекской пословицей — эпитафией, который на русском звучит так: «Дом перепелки там, где она поет», то есть ее дом везде, где она может петь. Исходя из сути эссе, можно говорить о том, что вам более не интересно, кто и кем вас считает и к какому гнезду причисляют, вы выросли из этих «присвоений», «присваиваний» и отторжений. Можно сказать, что вы предпочитаете трикстерскую позицию, отстаивающую транснациональный мир, каким, по всей видимости, является современный мир. Вы предпочитаете жить «без якоря», лучше птицей, а не деревом.

МВТ: С небольшой поправкой — мне *не больше не интересно*, а мне никогда не было интересно, кто и кем меня считает и как присваивает или отторгает. И это, кстати, видно и в тех диалогах, которые вы процитировали. А что касается моего любимого образа перепелки и вообще идеи бытия птицей, а не деревом, то у меня много таких текстов и последний из них опубликован не далее как сегодня в новом интернет-проекте «С Востока на Восток», где участникам опроса было предложено поразмышлять о доме как концепте. Позволю себе повторить слова из этого микроэссе:

«Уже много лет я занимаюсь транскультурными и диаспорными мыслями и судьбами, искусством беженства и непринадлежности. Центральной категорией в этих исследованиях является дом или его отсутствие, тоска по дому и невозможность в него вернуться. Мне импонирует определение Х. Бабы — “внедомность”. Не бездомность, а именно внедомность, ощущение поменявшихся местами дома и мира, жизнь вне константы “дома”. Это и мое собственное состояние, причем с каждым переездом в новый город или новую страну, я становлюсь все более внедомной. Для меня дом — это люди, а не стены, города или горы. И еще дом — это книги. Их можно перевозить из страны в страну в коробках или хранить в облачных хранилищах. Но люди, что были моим домом, ушли в иной мир навсегда. Видимо поэтому я не ищу дома и давно уже не хочу его создать. Мой удел — быть странником, птицей, чей дом там, где она поет свою песню». (https://easteast.world/posts/15?fbclid=IwAR1FZyI9IRxcq9Nwh1_nthajo-n61ifGpr-PhkiPMtTjsRDVPTxsjR_XHu8)

Для цитирования:

Тлостанова М.В., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. «За бортом»: интервью с Мадинай Тлостановой // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 415–421. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-415-421

For citation:

Tlostanova, M.V., U.M. Bakhtikireeva, and O.A. Valikova. 2020. “Overboard”: Interview with Madina Tlostanova. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 415–421. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-415-421

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-422-428

Приложение / Application

Мадина Тлостанова

Какомицли и леди Азема (глава из романа “*Flotsam and Jetsam*”)

‘Tu t’assoiras d’abord un peu loin de moi, comme ça, dans l’herbe.
Je te regarderai du coin de l’oeil et tu ne diras rien.
Le langage est source de malentendus.
Mais, chaque jour, tu pourras t’asseoir un peu plus près...’

Antoine de Saint-Exupéry

Наш Какомицли был особенный, потому что вырос среди людей и был доверчив к нам всем. У него, конечно, были свои любимчики. Но в принципе он давал себя погладить кому угодно, если, у него было хорошее настроение. Матерью Какомицли была настоящая шахтерская кошка, пойманная и прирученная старателями. Но сам он родился в неволе.

Маленький горячий, тот, что пахнет водорослями и ванильным кексом, куда-то бежит. Дай-ка и я за ним. Может, там что-то интересное. Только держаться поодаль, не залезать на него. У него мягкая тонкая кожица, от лап всегда остаются красные следы на щеке. Из кармана пахнет конфетой, но это обман. Я ее уже съел. Давно, еще когда та, высокая, с нее даже больно упасть на землю, если не зацепиться когтем за платье где-то на полпути, та, просоленная морем и просушенная солнцем, угостила меня каким-то странным густым и сладким молоком из круглой и блестящей раковины с зазубренными краями. А потом я еще нашел конфету в кармане маленького. Конфеты больше не находились, остался только запах. А та, высокая отчего-то пахнет амброй, хотя и не кит. И та, что спасла меня, тоже пахла амброй, а потом она стала пахнуть еще каким-то другим кислым запахом и кожа у нее стала шершавая на ощупь. Я хотел ее предупредить, но она не понимала моих знаков.

Когда-то ее звали Шанталь. Неизвестно, почему родители выбрали для нее такое музыкальное имя, но оно ей подошло. Ведь она и в самом деле стала певицей. Шанталь родилась в стране, триста с лишним лет назад подаренной англичанами голландцам в обмен на будущий Нью-Йорк. Она родилась за два года до того ноябрьского дня в середине семидесятых, когда ее страна стала независимой. Только что это значит? Мать отдала ее учиться в хорошую школу, она говорила

по-голландски свободно, без акцента. Но дома все равно звучал сранан-тонго и ей приходилось следить, чтобы один язык не просачивался в другой.

Возле их поселка был рудник. Он был всегда. И когда она была маленькой девочкой, и когда выросла и уехала жить в город. И отец и дед Шанталь работали на этом руднике. И потому семья сводила кое-как концы с концами. Но оба они — и дед и отец — умерли рано от рака.

Через их вечно подтопленный заболоченный поселок, окруженный безжизненными хвостохранилищам отработанной породы, протекала речка, но воду из нее нельзя было пить, хотя все это делали, потому что денег на воду в бутылках все равно не было. Последний самый глубокий колодец в соседнем дворе пришлось заколотить досками, когда Шанталь заканчивала школу, потому что и из него доставали теперь только желтую мутную жидкость, от которой болел живот и мелко дрожали пальцы. В нас вся таблица Менделеева, — шутил уже безнадежно больной дед, обнажая в улыбке свои крапчатые от фторуоза зубы.

Мать Шанталь была из маронов, вернее, дед был мароном, а бабушка индеанкой. Девочка получилась странной — с серыми глазами и оливково-шоколадным личиком, с курчавыми, почти русыми волосами, но голос у нее был божественный уже с самого детства — серебристый, теплый, переливчатый — и в песнях, и в ласковых словах. За это ее и взяли на работу в «Папагайо» — ночной клуб Стива — единственное увеселительное заведение на всем западном побережье.

Шанталь пела этно-джаз и выбиравшиеся на двухнедельный отдых в свою все еще колонию голландцы балдели от ее бархатного контральто, стройной фигурки и чудесных стальных глаз. Потом появился Ван дер Беерг и вскоре поселил ее в своем доме. Мать ворчала: «Ну вот, и ты продалась белому!» Но особенно не возражала, потому что дочь исправно посылала ей деньги, а жить огородом становилось все сложнее, потому что на отравленных бокситовой добычей почвах ничего не росло.

Шанталь только смеялась. Ван дер Беерг был щедр, да и не так уж стар. Он покупал ей яркие платья из набивного сатина и серебряные побрякушки с яркосиним ларимаром. В темной спальне с вечно задраенными ореховыми жалюзи странные стальные крючья торчали прямо из стены в изголовье кровати. И ей пришлось узнать об их предназначении не сразу.

Вставали они поздно и разнеженно бродили по дому, пока служанка Долорес собирала завтрак — неизменная яичница, нарезанная кусочками папайя, йогурт, сок маракуйи и несколько кофейников ароматного кофе. Потом Ван дер Беерг уходил в свой офис продавать землю и недвижимость богатым голландцам и швейцарцам, а Шанталь, покормив старушку Гизелу — ручную шахтерскую кошку, неспешно отправлялась в «Папагайо», который днем выполнял функции местного кафе, почты, интернет-центра и еще бог знает чего. Над его вечно открытыми дверями красовалась грубо сколоченная вывеска с изображением алого попугая ара. Но в темных и затхлых недрах клуба ее ждали пианист Бобби и ударник МакКей. И начинались бесконечные репетиции, которые все они любили гораздо больше, чем выступления перед публикой по ночам. Потому что на репетиции можно было все, и гений импровизации уносил их прочь от убогой реальности этого туристического патентованного рая.

После репетиции Шанталь отправлялась погулять по городу, присмотреть себе новую побрякушку или сарафан, и купить продукты к обеду. Собственно, это был никакой и не город, а так, короткая улочка с глубокими зловонными канавами по обеим сторонам. Она начиналась песчаной площадью с неизменными банком, обшарпанной гостиницей Гранд Палас, где лишь недавно в номерах появились уборные, и белой нарядной барочной церковью, а с другой стороны упиралась прямо в море.

Иногда Шанталь отправлялась в новый супермакет, что построили за городом, неподалеку от огромной фабрики. Никто точно не знал, что делали на этой фабрике, но все мечтали получить там работу, потому что никакой другой работы кроме обслуживания туристов все равно не было. Идти надо было пешком через лес, километров шесть. Тропинка петляла в густых влажных мангровых зарослях и по вечерам над ней низко кружили летучие мыши, норовя вцепиться в волосы. Ей казалось, что за каждым кустом прячется злой дух или лесное чудовище. Поэтому Шанталь старалась уговорить соседа Маркоса подвести ее на мотоцикле. С нее он денег не брал, ведь девушка тайком пускала его бесплатно в «Папагайо» послушать музыку и пропустить стаканчик.

Они проносились мимо невыносимо смердящих окраин с картонными домиками, гордо увенчанными спутниковыми тарелками, и вечно переполненными помойками. Окна без стекол стыдливо прикрывали дощатые ставни из поломанных ящиков. Потом окраины сменялись районами для белых — искусственным раем дорогой недвижимостью, огороженным колючей проволокой, чтобы ни в коем случае не допустить сюда жителей картонных лачуг. Только в качестве прислуги или быстро надоедающих сексуальных игрушек.

Шанталь набирала побольше продуктов, несколько канистр с питьевой водой, а у входа ее уже поджидал шестилетний Тео. С серьезным видом мальчик забирал у нее покупки и тащил их до самого дома. Правда, пару раз они останаливались отдохнуть и тогда Шанталь угощала его шоколадом или чипсами. А когда Тео победно водружал последнюю бутылку на пороге дома Ван де Беерга, она протягивала ему обещанные десять центов и наблюдала, как расплывалось в улыбке обветренное мальчишеское лицо.

Однажды на фабрике что-то случилось. Никто точно не знал, что именно. В газетах и на телевидении ничего не сообщали. Рабочих отпустили в бессрочный отпуск и приказали молчать под страхом увольнения. Ван дер Беерг тщательно скрывал от своих богатых клиентов сведения об аварии. Ведь тогда они бы не купили баснословно дорогую недвижимость в этом тропическом раю. Но через несколько дней скрывать произошедшее стало невозможно. Местные морги были переполнены. Люди собирались и судачили на перекрестках, в кафе. Полиция их разгоняла. Но они снова приходили и обменивались скудными сведениями. Стояла душлимая жара и в воздухе висел странный незнакомый запах. Листва на деревьях почернела и опала.

В городке смолкли даже обычно крикливые яркие арасари и ары. А потом из соседнего леса стали приходиться больные звери — тапиры, муравьеды, обезьяны. У них были обожженные, покрытые язвами носы и языки, мутные глаза. Казалось, что животные пьяны или находятся в наркотическом бреду. Шанталь старалась

им помочь как могла, но большая часть все равно умерла и к телам в моргах добавились невостребованные тела на дорогах и во дворах.

Примерно в это же время исчезла Гизела. Ван дер Беерг, впрочем, не волновался. Он только сказал, что она убежала по зову плоти. И в самом деле через некоторое время кошка вернулась беременной и через пару месяцев родила всего одного детеныша — Какомицли. Так его окрестила Шанталь. Хотя настоящая мать и старалась воспитывать котенка по всем правилам, он все равно с первого дня привязался к Шанталь и считал именно ее своей родней. Когда она была еще далеко от дома, он слышал ее певучий голос и чувствовал ее грушевый запах. Какомицли мчался навстречу Шанталь, бился в деревянную дверь, и когда она, наконец, открывалась, с размаху запрыгивал ей на руки и карабкался вверх, обнимая ее за шею лапами и прижимаясь всем телом. Он укладывал свою голову ей на плечо, закрывал глаза и затихал в блаженной истоме, и сердца их бились в унисон.

— Вот оно счастье! — смеялся Ван дер Беерг.

Какомицли первым понял, что Шанталь заболела. Она стала по-другому пахнуть. Девушка еще и сама не понимала, что происходит, а преданный зверек уже пытался ей рассказать об опасности. Но увы, они не понимали языков друг друга. Да и спасти Шанталь не смог бы никто. Даже любовь Какомицли. Она поняла, что заболела только когда симптомы стали заметны и ее некогда шелковистая, нежная, смуглая кожа стала превращаться в грубую, неровную роговую чешую. А пальцы на ногах и руках искривились и хищно загнулись. Вдобавок она стала стремительно полнеть.

— Гиперплазия, — вынесла свой вердикт Мия, когда-то проучившаяся три курса на медицинском факультете местного университета. Тебе надо в центральный госпиталь. Там есть специалист по этой болезни. В нашей стране таких случаев в десятки раз больше, чем в других местах. Он пытается понять почему.

Но Шанталь казалось, что причина ее недуга в другом. И окружающие только спешили ее уверить в этом. Соседи Ван дер Беерга — европейцы всегда косо поглядывали на Шанталь и, не слишком скрываясь, называли ее проституткой. Теперь же местные кумушки судачили: «Все правильно! Это кара господня». Очень скоро Ван дер Беерг выставил Шанталь за дверь с чемоданом бесполезных платьев, в которые она больше не влезала, и выходным пособием в сто долларов. Когда она исчезла, Какомицли очень скучал. Он долго искал ее по всем комнатам и от грусти и расстройства сгрыз какой-то толстый кабель в гостиной, вызвав короткое замыкание. Да еще и пометил туфли хозяина, за что и был изгнан с позором.

А Шанталь вскоре оказалась в пригородном поселке на Улице Роз, где вместо роз были веревки для сушки белья и канистры с керосином. Соседи и здесь сторонились Шанталь. Впрочем, так ее больше никто не называл. Все забыли ее красивое певучее имя и стали дразнить ее Аземой — сначала за глаза, а потом и не таясь.

— Вот будешь себя плохо вести, Азема с Улицы Роз тебя заберет и выпьет твою кровь, — пугали мамыши своих детей.

Поселковые старушки всем желающим продавали сушеные травы, от которых кровь становилась горькой и невкусной для Аземы. Дети постарше подглядыва-

ли в щели домика Шанталь, надеясь увидеть, где Азема прячет свою кожу, превращаясь в светящийся шар по ночам. Они мечтали украсть эту шкуру, чтобы посыпать перцем и лишить Азему возможности вернуться в человеческий облик.

— Почему вы хотите убить меня? Что плохого я вам сделала? — спрашивала Шанталь, но не получала ответа. Очень скоро Стив выгнал ее с работы. Клиентам был неприятен ее вид, хотя голос оставался прежним. Голос — последнее, что отняла у нее болезнь.

Они все пахнут по-разному. Высокая пахнет терпкой теплотой, малыши пахнет ванильным кексом и водорослями, а то бледное существо пахнет едкой травой и немного бергамотом. Один из них не пахнет совсем и тем пугает. И потрогать его нельзя. Лапа проходит сквозь. А другой и вовсе пахнет электричеством и кислотой перегоревшей микросхемы. Я знаю, так пахла серая коробка с горящим оконцем в доме у толстого, у которого жила мама, а потом и я. От него пахло табаком. Он всегда кашлял. От коробки отходила какая-то веревка. Она была воткнута прямо в стену. Тугая розовая веревка, кислая на вкус. Я ее почти сгрыз, когда меня шарахнуло чем-то со всей силы так, что из глаз посыпались искры. А коробка перестала светиться и задымилась. Толстяк схватил меня и вышвырнул на улицу.

Очнулся в канаве. Ноющая боль. Шкурка на брюшке окрасилась кровью. Лапы сводит на сыром ветру. Одна, кажется, сломана. Что-то зловонное беспрерывно льется сверху. И живот подводит от голода. Глаза закрываются, нет сил, хочется спать. А может это конец? Уснуть и не просыпаться. Но чьи-то острые зубы и беспощадные когти вгрызаются в нежное ухо. Вскликаю и начинаю защищаться. И снова, и снова, и снова. Когти и зубы, чтобы выжить, чтобы добыть немного смердящей еды из контейнера, чтобы укрыться от непрекращающегося дождя. А потом все разом кончилось. Шершавая рука осторожно обхватила меня, подняла и приласкала. От нее пахло болезнью. Но ее собственный грушевый запах и чудесный голос все еще были слышны. Я узнал ее.

В тот день Азема шла от доктора Витцеля. У него были холодные руки и сухие шершавые пальцы, потому что он все время их мыл. Но ее собственная обезображенная кожа уже не ощущала этих грубых медицинских прикосновений.

— Юная леди! — начал он, сверившись с ее историей болезни.

Но Азема опередила его: «Это что, издевка? Доктор, не надо формальностей! Просто скажите, что со мной? Я умираю? Это неизлечимо?»

Витцель посмотрел на нее из-под очков, выдохнул и сказал:

— Вы не умрете, вернее, это произойдет не так уж скоро. Но науке, увы, не известны средства лечения вашей болезни.

— Но я не хочу жить такой! Это не жизнь!

— Я понимаю.

— Да ничего вы не понимаете! Попробуйте выйти на улицу в таком виде и послушайте, как вам вслед станут кричать: «Азема!»

— Я вам очень сочувствую, поверьте!

— Скажите, доктор, а может ли это быть карой за мои грехи?

— Я не священник, моя дорогая! Я всего лишь дерматолог. Да и нормальной лаборатории у нас нет. Но вероятнее всего, ваше заболевание вызвано комплексом причин.

— Доктор, я не понимаю, каким комплексом?
— Ваш отец или дед работали на рудниках?
— Да! Их уже нет в живых.
— А росли вы в поселке возле шахты?
— Да, пока не уехала в город, когда мне было 18.
— А все это началось после выброса на фабрике?
— Наверное, я не знаю точно, ведь про это нельзя было ничего узнать толком.
— Ну так вот что я вам скажу! У вас, вероятно, уже было генетическое отклонение, мутация, знаете ли! К тому же вы постоянно подвергались воздействию солей тяжелых металлов в зашкаливающих дозах.

— Тяжелых металлов? А что это?
— Как видно, в вашем пансионе при монастыре не преподавали физику и химию?
— Нет. Только гуманитарные науки и еще основы арифметики.
— Это медь, цинк, свинец, марганец, кадмий, а в наших копиях еще и бериллий, ртуть и даже мышьяк.

А потом еще добавился фтор из отравленной речки и почвы. Вы ведь живете неподалеку от фабрики?

— И ничего нельзя сделать?
— Боюсь, что так.

Шанталь медленно брела домой, выбирая окраинные улицы, чтобы поменьше встречаться с людьми. Но в конце пути ей пришлось пересечь главный проспект, и тут-то на углу улицы Эразма Роттердамского она и увидела умирающего Какомицли. Она принесла его в картонный домик на Улице Цветов.

— Кто это у тебя, Шанталь? — спросил Маркос, теперь ее ближайший сосед и единственный, кто остался ей верен. Он даже отвлекся на минутку от своего любимого занятия — перебирания двигателя старого Чампса, исправно кормившего его все эти годы. Поскольку в городке было всего одно такси, Маркос бомбил на площади, развозя за доллар подвыпивших туристов по гостиницам.

— Это Какомицли. И как он здесь оказался, бедняжка? Смотри какой худой!

— Ну так, он же жил у людей, — хмыкнул Маркос, неодобрительно оглядывая дрожащее жалкое существо. — Вот и не умеет охотиться. Скорее всего, шарился по помойкам. Но тут у него много конкурентов.

Шанталь увидела, что у зверька было оторвано ухо. Наверное, подрался с кем-то. Она обработала раны и накормила его кукурузной кашей с тушенкой. И Какомицли согрелся и уснул у нее на коленях. Так они и стали жить вместе. И казалось, что все еще может быть хорошо. Шанталь понимала, что ее не возьмут работать даже на макиладору. А банановые плантации не нуждались в рабочей силе, потому что и так были переполнены желающими заработать гроши. И тут совершенно случайно она наткнулась на объявление в газете: Ищем женщин с приятным голосом и отличным знанием голландского языка.

Волшебный голос в очередной раз спас Шанталь. Это была телефонная компания, оказывавшая сексуальные услуги дистанционно. Сегодня множество фирм используют труд телефонных операторов в других странах. Ведь международные звонки дешевле их труда. Вы звоните заказать такси в Швеции, не зная, что от-

вечает вам эстонка из Йыхви. Клиенты Шанталь тоже не знали, что звонят в Центральную Америку. Ведь набирали они амстердамский номер. Она была очень довольна новой работой. Сидеть в чистом офисе, ворковать с клиентами, а не вкалывать на вредном производстве, и иметь несколько перерывов за ночь — было неслыханным счастьем.

Постепенно их жизнь с Какомицли вошла в свою колею. Они даже были счастливы. Шанталь научилась не обращать внимания на травлю соседей. Ведь у нее была любовь преданного зверька, скрашивавшая остаток дней, опущенных болезнью. Именно тогда она получила кукурузный конверт, в котором скрывалась надежда на выздоровление.

Экспериментальная больница! Флотсам и джетсам! Им нужны десять добровольцев, чтобы опробовать новый метод. Я приглашена бесплатно! Ты слышишь? Мы едем на остров!

Какомицли не разделял ее восторга. Он с тревогой ощупывал ее лицо маленькими лапками и нервно принюхивался к странному запаху обезображенной кожи. Но объяснить ей, почему не надо ехать на остров обломков, он не смог. Так они и оказались в самолете компании «Джими Джимирино».

Амстердам, 2014, Линчэпинг, 2019.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе принципов и правил COPE (Committee on Publication Ethics), ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), указаний АНРИ (Ассоциация научных редакторов и издателей) и требований ВАК (Высшая аттестационная комиссия).

1. Рукопись

Рукопись направляется в редакцию в электронном варианте через online-форму. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

1.1. Объем полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 25 000 знаков (с учетом пробелов). Количество слов в тексте можно узнать через меню Word («Файл» — «Просмотреть свойства документа» — «Статистика»). В случае, когда превышающий нормативы объем статьи, по мнению автора, оправдан и не может быть уменьшен, решение о публикации принимается на заседании редколлекции по рекомендации рецензента.

1.2. **Формат текста рукописи.** Текст набирается шрифтами, включенными в Windows, а если это невозможно, то шрифты должны быть предоставлены в редакцию вместе со статьей. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 14 pt и междустрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Выделения в тексте можно проводить только *курсивом* или **полужирным** начертанием букв, но НЕ подчеркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «найти и заменить»).

1.3. Файл с текстом статьи, загружаемый в форму для подачи рукописей, должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

2. Структура рукописи

Структура текста должна соответствовать приведенному ниже шаблону (может меняться в зависимости от типа работы).

2.1. Русскоязычная аннотация

Название статьи. Название статьи должно полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Авторы. При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

Учреждения. Необходимо привести официальное полное название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо на-

писать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и ФИО авторов путем добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов.

Резюме статьи (аннотация) должно быть (если работа оригинальная) структурированным: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение. Резюме должно: содержать основные положения, изложенные в работе; отражать взгляд автора на обсуждаемую в рукописи проблему с учетом проанализированного материала и полученных результатов; позволять читателю понять уникальность данной статьи (исследования или обзора) — чем эта статья отличается от аналогичных работ. Объем текста резюме должен быть в пределах 100—300 слов.

Ключевые слова. Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

2.2. Англоязычная аннотация

Article title. Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BSI (см. ниже).

Affiliation. Необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ eLibrary.ru

Abstract. Англоязычная версия резюме статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка, и также включать 100—300 слов (для оригинальных работ крайне желательно, чтобы структурированное резюме содержало не менее 200 слов).

Key words. Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны соответствовать друг другу на русском и английском языке.

2.3. Полный текст (на русском, английском) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: Введение (обоснование), цель, материалы и методы, результаты; Обсуждение; Выводы/Заключение.

2.4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в

учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных или изменить их трактовку. Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов не является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «благодарности»). Пример:

Участие авторов: Иванов И.И. — концепция исследования; Петров П.П. — сбор и обработка материалов; Сидоров С.С. — анализ полученных данных, написание текста.

2.5. Список литературы

Пристатейный список литературы должен быть нумерованным — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке.

В списке литературы приводятся только опубликованные материалы (ссылки на Интернет-ресурсы допускаются).

Следует избегать самоцитирования, за исключением случаев, когда оно представляется необходимым (например, если нет других источников информации, или настоящая работа проведена на основе или в продолжение цитируемых исследований). Самоцитирование рекомендуется ограничить тремя ссылками.

Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Подробные правила оформления библиографии можно найти в специальном разделе оформления библиографии.

2.6. References

Дополнительный список литературы в романском алфавите (References) необходимо приводить для соответствия публикуемых работ требованиям международных баз данных.

Список источников в References должен полностью соответствовать таковому в Списке литературы. В отличие от Списка литературы, русскоязычные источники в References следует привести в их латиноязычном эквиваленте — они должны быть написаны буквами романского алфавита:

— те исходно русскоязычные источники (и их части), у которых существует официальный перевод на английский (или другой язык, использующий романский алфавит), должны быть приведены в переводе;

— те источники (или те части библиографического описания), для которых перевод не существует, должны быть транслитерированы.

Все источники в References следует оформлять в стиле **MLA (The Chicago Manual of Style (16th edn))**.

2.7. Контактная информация

Необходимо последовательно указать контактную информацию всех авторов.

Раздел должен содержать следующие данные **о каждом авторе**:

- ФИО (полностью);
- ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение и полное наименование организации (основного места работы);
- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты,
- идентификатор **ORCID** (подробнее тут: <http://orcid.org/>), **eLibrary SPIN-код** (подробнее тут: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

3. Английский язык и транслитерация

При публикации статьи часть или вся информация должна быть дублирована на английский язык или транслитерирована (написана латинскими буквами). При транслитерации рекомендуется использовать стандарт **BSI (British Standard Institute, UK)**. Для транслитерации текста в соответствии со стандартом **BSI** можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>.

4. Таблицы

Их следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нем информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды — в русскоязычном и англоязычном вариантах. Сначала следует привести русскоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы. Сразу за ними следует поместить англоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы, при этом номер заголовка и данные в таблице (но не текст!) должны совпадать. При создании англоязычного варианта таблицы и заголовка не следует использовать транслитерацию — необходимо давать полноценный перевод на английский. Текст англоязычного варианта заголовка таблицы может не точно совпадать с текстом русскоязычного варианта, особенно в тех случаях, когда целесообразно в заголовке дать дополнительные пояснения к содержанию таблицы.

5. Рисунки

Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

Нумерованную подрисуночную подпись следует дать дважды — на русском и английском языке. Обе подрисуночные подписи следует располагать непосредственно под изображением, англоязычную версию подрисуночной подписи следует ставить сразу после русскоязычной. Подрисуночная подпись на английском языке может, при необходимости, содержать более детальное пояснение иллюстрируемых данных, чем русскоязычная. Пример:

Рис. 1. Динамика показателей изучаемых процессов

Fig. 1: Dynamics of indicators of studied processes

При наличии текста на изображении (например в случае текстовых схем), кроме оригинального рисунка в рукопись следует вставить его копию, содержащую англоязычный вариант всего русскоязычного текста. Если на изображении мало текстовых элементов (например, только единицы измерения и подписи осей графика), допустимо не делать его англоязычную копию, а дублировать текст на английском непосредственно на оригинальном изображении.

Иллюстрации (графики, диаграммы, схемы, чертежи), рисованные средствами MS Office, должны быть контрастными и четкими. Иллюстрации должны быть выполнены в отдельном файле и сохранены как изображение (в формате *.jpeg, *.bmp, *.gif), и затем помещены в файл рукописи как фиксированный рисунок. Недопустимо нанесение средствами MS WORD каких-либо элементов поверх вставленного в файл рукописи рисунка (стрелки, подписи) ввиду большого риска их потери на этапах редактирования и верстки.

Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие нерисованные иллюстрации необходимо не только вставлять в текст рукописи, но и загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx — в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть >300 dpi. Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подрисуночную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст (пример: Рис. 1. Сеченов Иван Михайлович).

Если в рукописи приводятся рисунки, ранее опубликованные в других изданиях (даже если их элементы переведены с иностранного на русский язык), автор обязан предоставить в редакцию разрешение правообладателя на публикацию данного изображения в другом журнале (с правильным указанием соответствующего журнала), в противном случае это будет считаться плагиатом (см. подробно «Этика научных публикаций»).

6. Сокращения

Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам с указанием на использованные статистические критерии (методы) и параметры статистической вариативности (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и проч.). Статистическую достоверность / недостоверность различий данных представленных в таблицах, рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, †, ††, ‡, ‡‡ и т.п.

7. Соответствие нормам этики

Для публикации результатов экспериментальных исследований с участием людей необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие. Необходимо указать, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, её расположения, номера протокола и даты заседания комитета). Подробно о принципах публикационной этики, которыми при работе руководствуется редакция журнала, изложены в разделе «Этические принципы журнала».

8. Сопроводительные документы

При подаче рукописи в редакцию журнала необходимо дополнительно загрузить файлы, содержащие сканированные изображения заполненных и заверенных сопроводительных документов (в формате *.pdf или *.jpg).

В число обязательных документов входит сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем, в совокупности содержащие подписи всех авторов рукописи).

В случае, когда авторы рукописи работают в разных учреждениях, городах, странах, можно представить несколько сопроводительных писем; при этом в редакции журнала должны оказаться подписи всех авторов рукописи.

Для статей сотрудников и обучающихся в РУДН (в том числе — в аспирантуре и докторантуре), сопроводительное письмо должно быть оформлено на официальном бланке факультета/института и заверено у руководителя факультета/института и научного руководителя (аспиранта или докторанта, соответственно).

Подготовка статьи. При передаче рукописи в редакцию на рассмотрение, авторам необходимо согласиться со всеми следующими пунктами. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

Отсутствие плагиата в тексте. Авторы гарантируют, что эта статья целиком или частично не была раньше опубликована, а также не находится на рассмотрении и в процессе публикации в другом издании. Если рукопись ранее была подана для рассмотрения в другие издания, но не была принята к публикации, обязательно укажите это в сопроводительном письме, в противном случае редакция может неверно истолковать результаты проверки текста на наличие неправомерных заимствований и отклонить рукопись.

Правильный формат. Отправляемый файл рукописи имеет формат Microsoft Word или RTF — *.doc, *.docx, *.rtf. При оформлении рукописи соблюдены все требования редакции по оформлению текста, рукопись отформатирована в соответствии с указаниями официального сайта журнала.

Author Guidelines

Preparing the manuscript, authors are kindly requested to adhere to the following guidelines.

These guidelines are prepared in accordance with COPE (Committee on Publication Ethics) guidelines, ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors) and EASE (European Association of Science Editors) guidelines.

I. Manuscript requirements. We accept submissions strictly online, via the form available at our website.

Please upload your manuscript as a Microsoft Office Word document (*.doc, *.docx and *.rtf formats).

1. Length of the manuscript from an original study, lecture or literature review (including tables and list of references) should not exceed 6000 words. Short reports and letters to the editor should not exceed 1500 words. Please consult the MS Word built-in statistics service prior to submission in order to find out the exact length of your manuscript. Should your manuscript exceed the aforementioned limits, the editorial board will carry out the final decision on its publication based on recommendations from your reviewer.

2. Text formatting. The text is typed by fonts included in Windows, and if this is not possible, the fonts should be provided to the editor with the article. Lettering in Times New Roman is preferable in all cases (font size 12 pt with 1.5 line spacing and 2 cm margins). Kindly refrain from using underlining in your document (italic and bold formatting is acceptable).

3. File structure. The journal editorial board prefers to receive a manuscript as a single complete file with all figures, tables and any additional supplemental materials. Please organize your text according to the following template:

- Writing an abstract.
- Article title. Best article titles bear short, clear and distinctive messages.
- Authors and their affiliated institutions, linked by superscript numbers, should be listed beneath the title on the opening page of the manuscript.
- Abstract of an original study should start with some brief background information and statement of the study's AIMS, followed by MATERIALS & METHODS and finishing with the RESULTS. The closing sentence should outline the main CONCLUSIONS of the study in the most comprehensible terms. Please note that your abstract should be 300 words or less.
- Choice of keywords. 3 to 10 keywords are preferable.
- The body of the text should start with a brief Introduction, describing the paper's significance. In the case of an original study, the body of the paper should follow a common structured approach to the description of the studies aim, its materials, methods and results, as well as Discussion and Conclusions sections.
- Acknowledgements section may be presented in Russian, English or both languages. It should comprise the following:

Clarification regarding any potential or actual conflicts of interest of the authors. Any affiliations, financial relations, financial or political interests in the manuscript as a whole or in part, including employment and other liabilities that may result in withholding or deliberate corruption of data or adversely influenced interpretation, are considered a conflict of interest and must be explicitly stated as such. Please note that conflicts of interest do not impede a publication, though failure to disclose one does.

A brief list of funding sources for the results reported in the paper, as well as the publication process itself (*e.g.* a commercial organization, a foundation or government grant, *etc.*).

An optional note describing the roles or responsibilities of the authors. You may also place here an acknowledgment for any individuals or organizations that assisted in your work.

II. List of references should be organized according to the guidelines by U.S. National Information Standards Organization NISO Z39.29-2005 [R2010] in MLA — The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html). For detailed instructions on bibliographic formatting, see «References list guidelines». The following are the principle points you should be aware of while preparing your manuscript for submission:

— References should be numbered in the order in which they are cited.

— Number of references is limited to 60 for literature reviews, and to 20 for original studies and lectures.

— Within the body of the text references should be provided in Arabic numerals enclosed in square brackets.

— A complete list of all authors should be presented in every bibliographical entry. Please put an “et al.” notation after the third name if cited paper has more than 4 authors. Do not shorten titles of your citations. Shortened journal titles should correspond to the MedLine catalogue. If the journal is not indexed by MedLine, please provide its full title.

III. Enumerate your **tables**, give those a heading and clearly marked columns that would be easy to read and comprehend. Please make sure that table data is in line with the numbers in the body of the text (but does not simply duplicate them).

IV. Reduce graphical material to minimum (unless the nature of your study dictates otherwise). Photographs should be rich in contrast, illustrative artwork should be clear and of high resolution (dpi).

— If you wish to include in your paper any graphical material created other than by means of standard office applications (*e.g.* results of diagnostic imaging, photographs, screenshots, digital artwork, *etc.*), please submit them as separate files via our web form in *.jpeg, *.bmp or *.gif formats. The absolute minimum for acceptable resolution is 300 dpi, though higher is preferable. Do keep in mind that image files should be tagged with numbers corresponding to the enumeration within the manuscript. In addition, file description should provide the caption of your image as it would appear in the paper (*exp.*: “Fig. 1. Elliott Proctor Joslin, M.D. (1869—1962).”).

— Graphs should be labeled on the ordinate and abscissa with the parameter or variable being measured, the units of measure, and the scale.

- Units should be metric and follow SI convention.
- Kindly take care to provide references to all of your supplementary materials (tables, graphs, etc.) within the body of the text.

V. Ethics statement. In accordance with **COPE** (Committee on Publication Ethics) guidance authors must provide an ethics statement if the study made use of human or vertebrate animal subjects and/or tissue. Approval from the relevant body is required for studies involving:

- humans (live or tissue), including studies that are observational, survey-based, or include any personal data;
- animals (live or tissue), including observational studies;
- non-commercial cell lines.

VI. Cover letter. The journal editorial board requires authors to submit a scanned copy of a cover letter from authors team in *.pdf format. We expect a cover letter to summarize concisely why your paper is a valuable addition to the scientific literature and briefly relate your study to previously published work. Cover letter should be signed by all of your co-authors. We accept separate letters from authors if they have different affiliations declared in the manuscript.

VII. Using the WEB-form to submit a manuscript. Indexing in Russian and international databases requires certain metadata to be provided for your paper.

1. **Authors.** Please provide us with:

- names, affiliations and scientific degrees for all authors;
- contact information (an e-mail address) for all authors (an e-mail address for corresponding author will be published in open access to facilitate contact with your team).

2. Article title and Abstract. These should *exactly* match the text of the corresponding fields in your manuscript file.

3. Keywords. Please make sure to add 3 to 10 concise and accurate keywords, preferably chosen from the MeSH (Medical Subject Headings) thesaurus.

4. Language. Indicate the language (or languages in case of a bilingual manuscript) of your paper (exp. [*ru*; *en*]).

5. List of references should be organized according to the guidelines by U.S. National Information Standards Organization NISO Z39.29-2005 [R2010]) in **Vancouver style**. For detailed instructions on bibliographic formatting, see «References list guidelines».

6. Supplementary materials should be submitted as separate files with an appropriate caption (exp.: “Fig. 3. Cyst gross specimen”).

7. Completing submission. Please check the list of attached files prior to finishing the procedure. Within next 7 days, the editorial **board** will inform you by e-mail of receiving submitted materials. Feel free to contact the editors or the reviewers should you have any questions regarding the processing of your manuscript. Accessing your personal account on-site will allow you to monitor its progress online.

Submission Preparation Checklist

As part of the submission process, authors are required to check off their submission's compliance with all of the following items, and submissions may be returned to authors that do not adhere to these guidelines.

— Absence of plagiarism. The submission has not been previously published, nor is it before another journal for consideration (or an explanation has been provided in Comments to the Editor).

— Correct manuscript format. Manuscript file format is Microsoft Word (has the extension *.doc, *.docx, *.rtf). The text adheres to the stylistic and bibliographic requirements outlined in the Author Guidelines, which is found in "For Authors" section.

Примеры оформления ссылок

	ГОСТ	MLA
КНИГА ОДНОГО АВТОРА	1. <i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М. : Азбука-Классика, 2016. 448 с.	1. Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov. Moscow: Azbuka-Klassika publ. Print. (in Russ.)
КНИГА ОТ ДВУХ ДО 7 АВТОРОВ	1. <i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М. : ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.	1. Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka publ. Print. (in Russ.)
ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА	1. <i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.	1. Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)
ГЛАВА В КНИГЕ	1. <i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М. : Академия, 2012. 720 с. С. 345 – 359.	1. Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip." In Vvedenie v literaturovedenie, edited by L.V. Chernets, 345-359. Moscow: Akademiya publ. Print. (in Russ.)
КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ	1. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М. : Гнозис, 2007. 512 с.	1. Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov. Moscow: Gnozis publ. Print. (in Russ.)
ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА	1. <i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М. : Смысл, 2013. 461 с.	1. Chiksentmikhaii, M. 2013. Potok. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl publ. Print. (in Russ.)
ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА	1. <i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскulturации. М. : РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL:XXXXXXXXXXXXXXXXX Дата обращения: 00.00.00.	1. Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsi. Moscow: RUDN publ. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	1. <i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. No 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109	1. Muranska, N. 2017. Slovak Poetry in Russian Translations. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102 – 109. doi: 0.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	– Если по итогам Конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. – Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: 1. <i>Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.</i> Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. – 30.07.17.)	1. Bakhtikireeva, U.M., and O.A.Valikova. 2017. "Sredi mirov". Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21-30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: – «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	

	ГОСТ	MLA
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: 1. Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	1. Tsvetaeva, M. 2014. <i>Lirika</i> . Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	1. <i>Ortiz F.</i> Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London : Duke University Press, 1995.	1. Ortiz, F. 1995. <i>Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar</i> . Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	1. <i>Garcia O., Wei L.</i> Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York : Palgrave Macmillan, 2014. Print	1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. <i>Translanguaging: Language, Bilingualism and Education</i> . New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	1. <i>Huggan G.</i> Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge // <i>Literature Interpretation Theory</i> . 2015. Issue 26. Vol. 2. Pp. 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxx	1. Huggan, G. 2015. Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge. <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxx

Требования к оформлению статей

<p>О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ</p>	<p>Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается в первую очередь структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. P. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p> <p>В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ).</p> <p>Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.).</p>	
<p>КНИГА ОДНОГО АВТОРА</p>	<p>Список литературы</p> <p><i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.</p>	<p>References</p> <p>Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ</p>	<p><i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.</p>	<p>Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.</p>	<p>Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)</p>
<p>ГЛАВА В КНИГЕ</p>	<p><i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.</p>	<p>Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip". In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ</p>	<p>Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.</p>	<p>Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.</p>	<p>Chiksentmihaii, M. 2013. Potok. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)</p>
<p>ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)</p>	<p>Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)</p>
<p>СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ</p>	<p><i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>	<p>Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh". RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov". Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Болшова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

<p>ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)</p>	<p>Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given.</p> <p>For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p>
<p>IN THE TEXT (PLACEMENT)</p>	<p>Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].</p>
<p>REFERENCE LIST</p>	<p>GENERAL PRINCIPLES</p>
<p>ORDER</p>	<p>As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially:</p> <p>1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA.</p> <p>IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen, etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.</p>
<p>PUNCTUATION</p>	<p>Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.</p>
<p>BOOK</p>	<p>ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web</p> <p>Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.</p> <p>TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print</p> <p>THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.</p>

	<p>ORGANISATION AS AUTHOR:</p> <p>University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press.</p> <p>BOOK IS NOT IN ENGLISH:</p> <p>№. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI:</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx.</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.</p>
<p>JOURNAL</p>	<p>ONE AUTHOR</p> <p>1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>TWO AUTHORS</p> <p>1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>THREE AUTHORS</p> <p>A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxxx</p>

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)